

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии
Санкт-Петербургского
государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Главный редактор:

Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

Артоболевский С.С. (Москва),
Шувалов В.Е. (Москва),
Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

Алексеев А.И. (Москва), Бакланов П.Я.
(Владивосток), Ленц С. (Германия), Глад-
кий Ю.Н. (С.-Петербург), Касимов Н.С.
(Москва), Колосов В.А. (Москва), Лаппо
Г.М. (Москва), Мироненко Н.С. (Москва),
Пирожник И.И. (Беларусь), Рудский В.В.
(Смоленск), Сэлноу Дж. (Великобри-
тания)

Редакционная коллегия:

Белозеров В.С. (Ставрополь), Вардом-
ский Л.Б. (Москва), Евдокимов М.Ю.
(Смоленск), Евдокимов С.П. (Смоленск),
Ковалев Ю.П. (Смоленск), Кочуров Б.И.
(Москва), Липец Ю.Г. (Москва), Мажар Л.Ю.
(Смоленск), Сафиулин Р.Г. (Уфа), Смир-
нягин Л.В. (Москва), Ткаченко А.А. (Тверь),
Хурский П. (Польша), Шарыгин М.Д.
(Пермь), Шкаликов В.А. (Смоленск)

Ученый секретарь:

Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2,
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88,
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 18.12.06 г.
Формат 70х108 /16. Гарнитура «Times».
Тираж 500 экз.

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2.
Тел.: (4812) 68-34-79 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: unm@shu.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в мае 2002 года

Выходит 4 раза в год

№ 4 (10), 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	3
Нефедова Т.Г. Социальная география сельского хозяйства	3
Nefedova T.G. Social geography of agricultural sector	3
Колбовский Е.Ю. Социально-географические подходы к проектированию муниципальных образовательных систем	22
Kolbovsky E.Y. Social-geographic approaches of the municipal educational system planning	22
Махоткина А.И. Трансформация научных школ, подходов и методов к исследованию сельской местности в экономической и социальной географии	33
Makhotkina A.I. Transformation of the scientific approaches and methods concerning rural areas researches in economic and social geography	33
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	48
Бабурин В.Л. Микрогеографический анализ социально-экономической динамики периферийных сельских районов (на примере Кологривского района Костромской области)	48
Baburin V.L. Microgeographical analysis of the rural areas social-economic dynamics (based on the example of Kologrivsky district of the Kostromskaya region)	48
Гладкова О.Н. Трансформация образовательных и медицинских услуг в сельской местности в постсоветский период	56
Gladkova O.N. Transformation of educational and medical services in rural areas in the postsovjet period	56
Казмин М.А., Чернышева Е.А. Современная динамика сельского расселения Европейской России	65
Kazmin M.A., Chernisheva E.A. The modern dynamics of the rural settlement process in the European part of Russia	65
Левченко А.В. Трансформация системы сельского расселения бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область)	77
Levchenkov A.V. Transformation of the rural settlement system on the territory of the former Eastern Prussia (the Kaliningradskaya region)	77
Савоскул М.С. Женщины сельской местности России: пути адаптации к новым социально-экономическим условиям	86
Savoskul M.S. Women in rural areas of Russia: ways of adaptation to the new social-economic conditions	86
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА	98
Даншин А.И., Богданчикова А.В. Аграрная политика в государствах Центральной Азии	98
Danshin A.I., Bogdanchikova A.V. Agrarian policy in Central Asia countries	98
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	107
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ЗА 2006 г.	108

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

□.□.□ □ □ □ □ □ □ □
(□.□□□□□□)

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Nefedova T.G.

SOCIAL GEOGRAPHY OF AGRICULTURAL SECTOR

The article deals with a wide range of problems concerning the key issues of a new scientific branch – social geography of agricultural sector.

Социально-экономическая организация сельской местности у нас в стране заметно отличается от городской. В деревне нет такого выбора занятий, как в городе. Только на севере и востоке к агропроизводству прибавляются лесная и добывающая промышленность. На остальной территории советские власти пристально следили за «функциональной чистотой» деревни, не допуская там развития иных производств, кроме сельскохозяйственных. Даже создание цехов переработки продукции в колхозах не поощрялось. На это могли решиться только очень сильные и строптивые руководители. Частный сервис делает в деревне лишь первые робкие шаги, при безденежности населения и его консерватизме он имеет мало шансов. В бюджетной сфере зарплаты так низки, что не могут обеспечить даже прожиточного минимума. В результате жизнь нескольких поселений зависела и до сих пор часто зависит от одного предприятия, неважно, называется оно колхозом, сельскохозяйственным кооперативом или акционерным обществом. С его состоянием связаны и зарплаты, и занятость, и многие социально-психологические проблемы населения. Поэтому с упадком предприятия в яму безнадежности, как правило, погружается вся сельская местность, и наоборот.

С другой стороны, там, где есть деревня, всегда есть сельское хозяйство: хотя бы огороды с курами, скотиной. Плюс дачи, которыми владеют почти 2/3 горожан. Традиции общества и любые его изменения сказываются и на

образе жизни населения, включая и его занятость на своем участке.

Л.В. Смирнягин (2005) писал, что опыт районирования аграрной и индустриальной экономики, любой отраслевой подход к нему на самом деле общесоциален: это всегда районирование социума в целом. В исследовании и районировании сельского хозяйства, увы, такой подход был утерян.

А ведь в начале XX века он был сильной стороной знаменитой русской аграрной школы. Образцом комплексного подхода является книга А.В. Чаянова «Организация крестьянского хозяйства» (1989), где его модель связывалась с аграрным перенаселением староосвоенных районов страны и неразвитостью рыночных отношений. Судя по его расчетам «лишние руки» составляли тогда треть деревни. Ее перенаселенность влияла и на специализацию сельского хозяйства. Для крестьян были важны не производительность каждого работника, а занятость и общий доход. Именно поэтому такое большое значение имел на рубеже XIX и XX веков лен. Он давал неплохой доход, но главное – был очень трудоемким. Это позволяло занять всех членов семьи, причем не только летом. Вместе с общинными традициями такое пренебрежение к эффективности индивидуальной работы имело важные экономические и культурные последствия.

А.В. Чаянов не был одинок. Многие представители аграрной школы призывали к учету социально-демографических факторов при изучении сельского хозяйства.

Работы А.Л. Рыбникова (1923) и Г.А. Студенского (1929) показали, что экономическое состояние хозяйства и бедность населения зависят не только от климата и плодородия почв, сколько от положения относительно рынка сбыта и демографической ситуации. Б.Н. Книпович (1921, 2003), обобщая опыт сельскохозяйственного районирования, призывал к увязке его природных и социально-экономических факторов. Примерно так же поступал А. Геттнер (1907), районировав Европейскую Россию.

Во второй половине XX века в исследованиях сельскохозяйственного хозяйства возобладал, и надолго, технико-экономический подход. Его цель виделась в конструировании наиболее рационального размещения производства (Ракитников, 2003, с. 287), а население рассматривалось как один из многих его ресурсов. Основное внимание уделялось таким типам предприятий, как колхозы и совхозы. У А.Н. Ракитникова сельскохозяйственный район определялся как территория, на которой «повторяются или относительно близкие между собой вариации одного доминирующего типа, или несколько производственных типов, сильно отличающихся один от другого, но располагающиеся смежно» (1970, 2003, с. 291). Такое районирование досконально учитывало товарную продукцию предприятий, системы земледелия, севообороты, а также производственные взаимосвязи земледелия и животноводства. Однако дальнейшая генерализация данных все сводила к обобщенным типам специализации (например, «молочно-мясное скотоводство, льноводство, зерновое хозяйство» или же «молочно-мясное скотоводство, свиноводство, зерновое хозяйство, картофелеводство»), до сих пор приводимые в большинстве атласов – от школьных до академических.

Главным недостатком советского подхода к районированию сельского хозяйства было забвение социальных факторов. Это связано с общей ситуацией в науке (как воскликнул в сердцах Н.Н. Баранский: «Человека забыли!») и отсутствием социальной географии, как таковой. Считалось, что в отличие от природных условий и земельных ресурсов население есть всегда, а если его не хватает, пришлют горожан. А ведь сельское хозяйство в наибольшей степени зависит не только от количества, но качества населения, в том числе и его национальных особенностей. Игнорирование демографических и социальных характеристик населения погубило многие начинания, в т. ч.

и программу подъема сельского хозяйства Нечерноземья в 1970-е годы, программу возрождения российского села в начале 1990-х. Если бы в 1960–70-х годах те же деньги вкладывались не в «гектары», а в людей, в культуру хозяйствования на земле и совершенствование хозяйственного механизма, в бытовое обустройство и обеспечение сельской местности дорогами и связью, результат мог бы быть иным. А уж тот факт, что сельскохозяйственная деятельность всегда была образом жизни для значительной части сельского и даже городского населения, вообще не принимался в расчет.

С другой стороны, С.А. Ковалевым (1963) была создана советская школа изучения сельского расселения и географии сферы обслуживания (А.И. Алексеев, 1990, Лухманов Д.Н., 2001, А.А. Ткаченко, 1995 и др.). Но и эта школа по-своему была однобока. Многие демографические и социальные проблемы рассматривались, как правило, вне связи с экономикой, как будто люди только и делают, что рождаются, передвигаются и умирают, в лучшем случае, где-то заняты или нет. А ведь социальные проблемы и миграции теснейшим образом связаны с экономическим состоянием районов и предприятий.

Заметным шагом вперед стала монография Н.В. Зубаревич (2003). Она посвящена, включая разделы, связанные с проблемами сельской местности, социальному развитию регионов России. Социальное развитие понимается ею как «изменение благосостояния, структуры потребностей (расширение человеческого выбора) и форм жизнедеятельности населения в меняющейся социальной и экономической среде» (с. 28). Автор делает акцент на ведущих факторах советского периода – процессах экономической модернизации и урбанизации, в переходный период – кризисах, глобализации, географическом положении, ресурсах и генетических факторах: унаследованной структуре экономики, освоенности территории, демографической ситуации, социокультурных особенностях, мобильности населения и т. д. (с. 35). Но рассматриваются они именно как внешние факторы, а не как компонент социально-экономического развития мест.

Правда, были российские исследователи зарубежного сельского хозяйства (Пуляркин, 2005 и др.). Они могли сколько угодно писать о социальных последствиях экономического развития в несоциалистических странах. Эти исследования до поры до времени никак не

пересекались с исследованиями российских, здесь, как ни странно, имела пропасть. К ней добавлялся разрыв исследований города и деревни (деление на урбанистов и руралистов), последнее имело объективные причины, связанные с резкими различиями между городом и деревней в середине и второй половине XX века. К его концу их параметры начали сближаться (как это было и на самых ранних стадиях развития), что подхватило эволюционные теории расселения, к концу века проникшие к нам с Запада.

Потребовалось более 70 лет, чтобы вернуться к пониманию единства социальных и экономических принципов развития сельского хозяйства России. Пожалуй, впервые географические исследования взаимосвязей сельского хозяйства с расселением были проведены Г.В. Иоффе. В книге «Сельское хозяйство Нечерноземья» (1990) на примере отдельных областей показывалась зависимость продуктивности угодий от сельской депопуляции, расселения и удаленности от города.

Таким образом, социальная география сельского хозяйства находится на стыке традиционной экономической географии этой отрасли с социальной географией и географией населения. Но не только. Есть и другие опоры. Прежде всего, на экономику сельского хозяйства и экономическую социологию.

В связи с кризисом и реформированием сельского хозяйства в 1990-2000-х годах появилось множество работ, освещающих теорию и нелегкий опыт изменения аграрных отношений в России (Серова, 1999, Аграрная реформа в России, 2000 и др.). Однако в большинстве этих работ различия внутри страны либо показаны по ее крупным частям, либо игнорируются. А ведь именно пространственное разнообразие и огромные экономические контрасты больше всего характерны для России. Где-то предприятия вполне успешно вписываются в новые условия, а где-то наблюдается полный экономический коллапс. Случайно ли их пространственное распределение? Если нет, связано ли оно с социально-демографическими факторами? На эти вопросы и пытается ответить социальная география сельского хозяйства.

Социология села за последние десятилетия стала в России мощным научным направлением. Сближение социологических и экономических исследований характерно для новосибирской школы Т.И. Заславской и ее учеников

(Рывкина, 2001, Калугина, 2001, Фадеева, 2003). Еще ближе к социальной географии сельского хозяйства подошли исследования Московской высшей школы социальных и экономических наук (Интерцентра), включая Центр крестьяноведения и сельских реформ, проводимые под руководством Т. Шанина и А. Никулина (Крестьяноведение. Теория. История. Современность, 1996, 1997, 1999; Неформальная экономика, 1999; Рефлексивное крестьяноведение, 2002.). Длительное проживание в селах и доверительное общение с их обитателями позволили сотрудникам Центра увидеть сельскую местность «глазами самих крестьян». Очень важны для анализа сельскохозяйственной деятельности в ее широком понимании представления о мотивации, развиваемые на кафедре управления человеческими ресурсами Высшей школы экономики (Эфендиев, Болотина, 2002). Там же, на кафедре социологии, под руководством Н.Е. Покровского проводятся исследования российского сельского Севера, специфики его очагового развития и роли в нем горожан-дачников (Современный Российский Север, 2005). И все-таки социально-экономические аспекты российской деревни в их географическом разнообразии по большому счету неизвестны, хотя именно их география очень выразительна.

Казалось бы, у экономистов и социологов методы противоположны. Одни берут страну как точку, исследуя ее макропараметры и распространяя их на всю страну. Другие, наоборот, выбирают одно-два-три села, дотошничая в их жизнь и считая, что тем самым они поймут если не всю сельскую Россию, то ее большие части. Дефект в итоге получается одинаковым.

Итак, агрогеографические исследования проводятся, в основном, без учета социальной составляющей, социально-географические – без аграрной и часто вообще без хозяйственной компоненты. Социальные и экономические исследования – без географии. Отсюда нужда в стыковом направлении – социальной географии сельского хозяйства, которая может замахнуться на широкий круг проблем (но не с целью вторжения в смежные области) в поиске путей сочетания методов и результатов исследований, чтобы, в конечном счете, представить сельскую местность в ее географической целостности и разнообразии.

Огромные размеры страны, ее природное, культурное, демографическое и экономическое разнообразие сформировали настолько разные сельские миры, что часто они

оказываются непонятны не только для внешне-го наблюдателя, который, путешествуя по одной стране, каждый раз как будто попадает в разное время и разные страны, но и друг для друга. Их изучение оказалось возможным только при применении полимасштабного подхода. Отдельные поселения и хозяйства можно и нужно обойти ногами, в крайнем случае – объехать на машине. Район виден с высоты птичьего полета. Различия между административными и природными районами – это уже взгляд с самолета или вертолета. Мелкий, обзорный масштаб требует работы со статистикой и литературой, хотя не исключает личных впечатлений. Средний – это опора на статистику в сочетании с обследованиями регионов. Крупный, детальный масштаб базируется на интервью, анкетировании и впитывании местного колорита. Полимасштабность реализуется двумя путями: 1) «путь сверху» – от мелкого к крупному масштабу, с применением процедур классификации и последовательным отбором ключевых регионов для более подробного исследования районов, сел, отражающих природное и социально-хозяйственное разнообразие России; 2) «путь снизу» – из живого многообразия местности, с выделением характерных хозяйств, сел, районов как типологических образцов.

Перечислю лишь некоторые сюжеты в рамках социальной географии сельского хозяйства, которые уже разрабатывались:

1 – География сельскохозяйственных занятий и сельского образа жизни населения.

2 – Многоукладность сельской экономики и география укладов, социальные последствия формирования новых отношений в деревне, хозяйственная самоорганизация предприятий и населения.

3 – Взаимосвязи экономических параметров сельского хозяйства с динамикой населения и характером расселения. Влияние географических различий в качестве человеческого потенциала на продуктивность сельского хозяйства.

4 – Роль городов как организаторов сельского пространства и его хозяйства. Пригородно-периферийные градиенты сельскохозяйственной деятельности, их величина в разных природных зонах.

5 – География участия горожан в агропроизводстве и в сохранении деревни.

6 – Влияние этнических факторов на характер и результаты сельскохозяйственной деятельности.

В рамках одной статьи раскрыть все эти сюжеты невозможно. Им посвящены две книги (Нефедова, 2003; Нефедова, Пэллот, 2006) и немало статей. Здесь я напомню лишь некоторые результаты

□□□□□□□□□□□□□□□□ □□□□ □□□□ □□□□□□□□.
□ □ □□□□ □□ □ □ □ □ □ □ □ □

В XX веке страна урбанизовалась, но быстро растущие города, не успевая созреть, сохраняли многие руральные черты (Город и деревня, 2001, с. 132–133). Если из городского населения исключить тех, кто живет в условиях, характерных для села (индивидуальный дом с приусадебным участком, отсутствие элементарных удобств, отсутствие канализации, порой даже наличие скота), то доля горожан с 73% снизится до 60% (Город и деревня, 2001, с. 400–414, Нефедова, 2003а, с. 20–27). В некоторых южных районах она составляет менее половины. Руральными остаются и занятия городского населения. Поначалу это определялось связями с родственниками, оставшимися в деревне. Сейчас к этому фактору добавились и дачники. Степень руральности облика и занятий в российском городе зависят от его величины, возраста и местоположения

Эти вопросы если и исследовались, то, главным образом, с точки зрения землепользования (Черкес, 1992), а не образа жизни. С другой стороны, строительство в сельских поселениях многоэтажных домов не избавило их население от потребности держать огород, а часто и домашний скот. Многоэтажные дома тут же обрастали сараюшками, сеновалами, теплицами и т. п.

В результате «ни в городе, ни в деревне» оказались до 29 млн человек, то есть около 20% граждан страны (Нефедова, 2003а, с. 20–27). Вместе с сельскими жителями с их приусадебным хозяйством и горожанами, имеющими дачи, дома в деревнях, сады и огороды, слой населения, причастного к аграрной деятельности, составляет около 120 млн человек. В стране, где больше половины населения живет в больших городах, сельское хозяйство в том или ином виде все еще играет огромную

роль и в занятиях, и в образе жизни. А малые города за небольшим исключением вообще мало отличимы от сельской местности: те же

деревянные дома, часто не только без водопровода и канализации, но и отапливаемые дровами, те же огороды у дома, куры.



К концу XX века российская сельская экономика стала более откровенно, чем раньше, многоукладной хотя советское сельское хозяйство всегда состояло из колхозно-совхозного сектора и индивидуального хозяйства. Но последнее старались не замечать, а если и замечали, то чаще с целью искоренения «пережитков» прошлого. И власти, и масс-медиа, и статистика интересовались прежде всего состоянием предприятий, вся страна жила под впечатлением ежегодной напряженной борьбы колхозов и совхозов с неблагоприятными природными условиями. Как выживали люди, если эта борьба то там, то здесь была проиграна, мало кого интересовало.

В процессе демонтажа советской системы крупные предприятия, хотя и сохранились, но потеряли монопольные функции в деревне, появились фермерские и другие частные предприятия, в некоторых районах усилились хозяйства населения. В 2000-х годах крупных и средних агропредприятий оставалось немногим более 20 тысяч (хотя они продолжают удерживать 3/4 всех сельскохозяйственных земель), фермерских хозяйств было на порядок больше, около 260 тысяч, личных подсобных хозяйств – 16 миллионов. Около 15 млн. семей, преимущественно горожане, имеют садоводческие участки и почти 5 млн. семей владеют огородами (Сельское хозяйство, охота и рыболовство, 2004).

Эта классификация достаточно условна: укладов больше, четкие границы между ними провести невозможно. Некоторые агропредприятия разделились. Среди индивидуальных хозяйств есть такие, которые практически неотличимы от фермерских. Еще есть арендаторы колхозных земель, есть те, кто взял свою землю из колхоза, но не оформил фермерского хозяйства. В общем, форм хозяйствования стало множество. Главное – изменение общеэкономических условий функционирования предприятий и укрепление частных хозяйств изменило отношения в деревне.

Можно говорить о хозяйственной самоорганизации как внутри каждого уклада, так и в отношениях между ними, что уже выходит за

рамки собственно сельского хозяйства и является предметом социальных наук, в т. ч. и социальной географии, поскольку процессы адаптации агропредприятий и населения к изменившимся условиям в разных районах протекают по-разному. В Нечерноземье происходит дальнейшее сужение зон товарного сельского хозяйства и увеличение обширных зон социально-экономической депрессии, связанной с усилением и прежде существовавшего кризиса большинства предприятий. Население, не получая зарплаты, вынуждено выживать либо натуральным хозяйством, либо использованием ресурсов природы (лесозаготовки, воровство и продажа леса, сбор грибов и ягод, рыболовство). На благодатном Юге, особенно на равнинах Северного Кавказа предприятия, наоборот, выходят из кризиса 1990-х гг., но это сопровождается сменой специализации сельского хозяйства. Зерновое хозяйство, как наиболее прибыльная отрасль, вытесняет традиционные отрасли, особенно, трудоемкое животноводство. Этому способствуют внешние инвесторы и фермеры, которые также зерновыми и подсолнечником заменяют прочие культуры. В сухостепных районах совмещаются обе тенденции: при неустойчивости крупных агропредприятий и общем сокращении посевных площадей идет экспансия зернового хозяйства.

Деградация колхозов в Нечерноземной глубинке и изменение специализации многих южных районов в сторону резкого увеличения доли нетрудоемкого растениеводства дают сходные импульсы для хозяйственной самоорганизации сельчан. В любом случае растет доля незанятого сельского населения, а следовательно, и экономическая роль частного подворья (таблица 1).

Его роль увеличилась не только в связи с кризисом и трансформацией крупных предприятий, но и из-за общего экономического спада, инфляции, натурализации связей между предприятиями и населением. Многие индивидуальные сельские хозяйства вынуждены были увеличить товарность, так как только благодаря

рон. Но и колхозувыгодны подобные теневые отношения с населением. Это раньше практиковались приписки, теперь продукция в отчетах занижается, и, отдавая ее своим работникам, руководство предприятия решает проблемы сбыта, уменьшает фонд зарплаты, а все это снижает налоги.

1940–2003, %

	Хозяйства населения								Фермеры		
	1940	1960	1970	1980	1990	1995	2000	2003	1995	2001	2003
в валовой продукции			31	29	26	48	54	58			
В производстве зерна									4,7	11,0	14,4
в производстве картофеля	54	67	65	65	66	90	92	93	0,9	1,2	1,6
Овощей	45	48	41	33	30	73	78	80	1,3	2,3	3,3
Молока	70	48	34	26	24	41	51	51	1,5	1,9	2,5
Мяса	65	41	32	30	25	49	58	54	1,5	1,9	2,1
в поголовье КРС	48	31	22	16	17	29	37	43	1,5	2,2	3,2
в поголовье свиней	43	24	20	16	18	33	46	47	1,6	2,8	3,4
в поголовье овец и коз	54	33	30	23	28	48	63	61	3,9	7,9	14,7

Множество финансово несостоятельных предприятий продолжает существовать только благодаря тому, что они нужны местному населению. Это и есть симбиотические отношения, укрепление которых стало явным признаком новой самоорганизации в сельской местности. Ради этих новых отношений люди ходят на работу, месяцами не получая зарплаты. Экономисты часто не понимают этой социальной подоплеку функционирования предприятий и того, что их банкротство может привести к социальной катастрофе в деревне. Классический симбиоз укладов наблюдается в зерновых районах Поволжья. При расширении производства кормового зерна и упадке животноводства в крупных хозяйствах, товарное животноводство на колхозных кормах стало развиваться в индивидуальных хозяйствах. Сходные процессы наблюдаются на Юге, только там из-за недостатка пастбищ сельчане чаще выращивают на колхозном зерне свиней и птицу. В пригородах у сельского населения, имеющего более стабильные зарплаты, формируется психология наемных работников, здесь симбиоз проявляется слабее. На периферии индивидуальные хозяйства сильнее зависят от колхозов

Предприятия не только поддерживают индивидуальное хозяйство, но и сами зависят от него. В тех районах, где население занимается не животноводством а выращиванием овощей на небольших участках, и в помощи колхозов не нуждается, последние быстрее деградируют [Нефедова, 2003а, с. 89]. Эта сложная система, к которой в последние 15 лет добавились и фермеры, властями, статистиками и учеными по-прежнему рассматривается не как единое целое, а по отдельным ее частям.

Сформировалось множество районов высокотоварного индивидуального хозяйства. В некоторых из них товарная специализация имеет глубокие культурноисторические корни, как, например, в Ростовском районе лукового хозяйства, известном с XVI века, другие сформировались в советское время (подмосковный «огуречный» Луховицкий район или

многие «овощные» и скотоводческие районы Поволжья). Они, как правило, хорошо известны в своих регионах, но их общероссийская география остается неизвестной. Наши совместные исследования с профессором Оксфордского университета Джудит Пэллот позволили только приблизиться к этому интереснейшему объекту социальной географии сельского хозяйства (Нефедова, Пэллот, 2006).

Почему в одних местах экономическая самоорганизация сельских жителей и товарность их хозяйств достигает немислимых высот, а в других они ограничиваются картошкой на зиму и грядкой овощей? Активные люди, ведущие товарное хозяйство есть почти в каждом селе. Почему в одном случае им начинают подражать, а в другом возникает противостояние — вплоть до поджогов домов, разрушения теплиц и т. п.? Ответить на эти вопросы не просто. Важны, конечно, доступность рынков сбыта или известность района для перекупщиков. Налаженный сбыт, успех не одного-двух, а целой группы односельчан стимулируют остальных. Но этого недостаточно. Должна быть определенная социальная среда, чтобы заработали социальные эстафеты, способствующие передаче из поколения в поколение одних и тех же навыков. Даже горожане, попадая в экономически активное сообщество, включаются в производство и продажу той или иной продукции. Если соответствующей социально-экономической среды нет, как это часто бывает в депрессивных районах, не помогают никакие образцы. Упадок агропредприятий чаще приводит к тому, что население вообще забрасывает сельское хозяйство, полностью теряет стимулы любой деятельности, уходит в запойное пьянство. Географические различия в социально-экономической среде огромны и проявляются не только по осям «север-юг» и «пригород-периферия». И в пределах одного района можно встретить «трудолюбивые» села с ухоженными огородами, где каждый второй житель работает на рынок, и «ленивые» села с полузаброшенными участками. Поэтому изучение индивидуальных сельских хозяйств населения, «растущих» как бы внизу из многообразия местности, схоже с исследованием ремесел, фольклора и т. п.

Фермерам, специализации и эффективности их хозяйств, в последнее время уделяется много внимания. Но экономическое выживание фермеров часто также зависит от социальной среды. Если фермер попадает в депрессив-

ную местность, где просто невозможно найти непьющих работников, где у населения полностью отсутствует мотивация любой деятельности, он сам в конце концов спивается или уезжает. Поэтому фермеров мало в Нечерноземной глубинке при обилии земель. Но совсем иная ситуация на юге, где доля фермеров в производстве зерна довольно высока. Там появление фермеров изменило отношения в деревне. Помимо наглядного примера иных возможностей хозяйствования, их появление в деревне отражается на всей сельской жизни. Прежде всего, фермеры — это новые работодатели. Еще в начале 1990-х к фермерам не шли работать: ложно понятное чувство гордости не позволяло им наниматься к соседям «батраками». Теперь же понятие «фермерский батрак» осталось лишь в Московских салонах, далеких от реальной жизни. Жаждающих получить хотя бы временную работу у фермеров много, так как платят фермеры регулярно (в отличие от колхоза) да еще сверх того дают зерно. А других способов заработать в деревне часто и нет. На юге, где фермеры нуждаются в больших наделах земли для зернового хозяйства, владельцы земельных паев все чаще передают свою землю фермерам. Это породило феномен конкуренции между крупными предприятиями и фермерами за земельные доли, который тут же сказался на взаимоотношениях коллективных предприятий с их работниками (см. подробнее Нефедова, 2002, Нефедова, Пэллот, 2006, с. 185–194, 235–246). Для удержания земельных паев предприятия платят людям за их землю тем же зерном, сеном, маслом, мясом. Платить они должны по закону, но делают это далеко не везде, а там, где на долю претендуют представители смежного фермерского уклада. В Подмосковье, например, несмотря на лучшее состояние коллективных хозяйств, за доли они обычно не платят. Все эти отношения имеют далеко идущие последствия, не только экономические, но и политические.

Особый вопрос — почему в России не развилось фермерство так, как ожидалось в начале реформ, почему нишу, предназначенную для официального фермерского хозяйства западного типа, заняли полутеневые товарные хозяйства населения? Конечно, существует множество организационных ограничений. Люди, ведущие товарное хозяйство, говорят, что не оформляют фермерство из-за отсутствия техники, невозможности или опасения брать кредиты, высоких налогов, бюрократии, отчетов и т. п.

Свой, никому не подотчетный участок имеет спокойнее, а, порой, и доходнее. Но не менее важно и то, что у населения в качестве мощного фактора и даже ресурса его деятельности выступает традиция. Срабатывает суженность мышления, которая ограничивает выбор. Главное различие между хозяйствами населения и фермерами состоит в том, что у хозяйств населения преобладает адаптивное, приспособительно-пассивное поведение, а у настоящих фермеров – активное рыночное. Подавляющая же часть занятых в сельском хозяйстве не готова к экономическим рискам и самостоятельности. Но и здесь географические различия велики (см. Нефедова, 2003а, с. 230–253). Недаром больше всего фермеров у нас в районах, не знавших прежде крепостничества и имеющих лучший демографический потенциал.

Хозяйства населения и фермеры – лишь часть сложного социально-экономического организма деревни. Но в каждой его клетке за-

ложена программа поведения, которая демонстрирует ресурсы всего организма. Именно отношения в деревне, как наиболее консервативном секторе нашего общества, показывают, далеко ли продвинулись реформы в разных районах. Приземленный, а не вербальный и концептуальный анализ реальной сельской действительности показывает, как «всплывают» разные исторические, цивилизационные субстраты, на которых базировались и прежняя социалистическая и нынешняя Россия. Именно они, наряду с природными предпосылками, формируют принципиальные различия в соотношении укладов, влияют на экономические результаты сельскохозяйственной деятельности. Отношения между укладами и их географические различия показывают, почему российский рынок именно такой, какой он есть, и почему к нему не применимы разного рода догмы и схемы, которые в иных местах часто превращаются в свою противоположность



С 1959 по 1990 г. российское село потеряло почти 30% своего населения. Здесь особенно важна география. Что общего у таких разных, но более успешных районов агропроизводства, как пригородные и южные? Они по разным причинам сохранили или приобрели большой трудовой потенциал, чем иные территории.

Максимальная депопуляция наблюдалась в регионах вокруг Московской области, особенно к северу от нее, но захватывала и северные окраины Черноземья. На периферии регионов Нечерноземья селян стало меньше в два или три раза. Пригородные районы, наоборот, часто увеличивали численность своего населения или теряли его не так сильно. Все это привело к сжатию плотно заселенного пространства в староосвоенной части России. Здесь ареалы с плотностью населения более 10 человек на кв. км сохранились лишь на 20% территории. Масштабы сельской депопуляции и разрушения сети поселений колоссальны: почти в половине населенных пунктов России либо нет постоянного населения, либо живет менее 10 человек, еще в 30% – от 10 до 50 человек, в основном, пенсионеров.

В советское время мы привыкли к жалобам на недостаток рабочих рук в деревне. Но 1990-е годы во многих районах обнажился не недостаток, а избыток занятых в сельском хозяйстве,

связанный не только с экономическим кризисом, но и с нерациональной организацией производства. Недаром руководителям многих агропредприятий хотели бы сократить численность своих работников, но удерживают их не экономические, а социальные причины: боязнь оставить сотни человек без работы при ограниченных возможностях их трудоустройства. А в районах с сильным оттоком населения концентрация деятельности в центральных поселках и в пригородах шла рука об руку с концентрацией населения. Поэтому там, где не осталось населения почти не осталось и общественного производства.

В Нечерноземье наблюдается явная пространственная сопряженность показателей продуктивности сельского хозяйства, его устойчивости в кризисное время с плотностью сельского населения (Нефедова, 2003а, с. 328–340). Например, расчеты по внутрирегиональным административным районам показали, что надои молока от одной коровы с уменьшением плотности населения неумолимо снижаются. То же происходит с урожайностью многих культур в том числе и повсеместно распространенных зерновых. При низкой продуктивности себестоимость продукции во многих районах оказывается непомерно высокой, коллективные предприятия впадают в жал-

кое существование, забрасывая поля и постепенно вырезая оставшийся скот. В южных районах столь явной зависимости от плотности населения не видно. Но и там на окраинах регионов при низкой плотности населения, особенно в засушливых районах, многие показатели крупных хозяйств снижаются.

Статистический анализ по 1400 административным районам Европейской России показывает, что в Нечерноземье можно выделить нижние пороги плотности сельского населения (для животноводства – 5 чел. на кв. км, для растениеводства – 10 чел.), за пределами которых коллективные предприятия, как правило, не выживают. В Поволжье и в Сибири с их разреженным сельским населением этот критерий работает не столь неумолимо. Там низкая плотность – это результат освоения территории (за исключением последних лет), а не длительного оттока населения, как в Нечерноземье.

Но есть ли дефицит трудовых ресурсов на селе на самом деле? Полная оценка российской сельской безработицы, получаемая на основе опросов по методике Международной организации труда в конце 1990-х гг. достигала 18% (Состояние, 2000, с. 9–11). Многие проблемы села связаны с тем, что его жители с упадком колхозов и совхозов и с неразвитостью альтернативных сельскому хозяйству отраслей не имеют иных занятий, кроме своего индивидуального хозяйства. При сокращении работников сельхозпредприятий отходничество и вахтовая работа сельских жителей в городах становятся весьма распространенным явлением.

Чтобы понять взаимосвязи трудоустроенности коллективного агросектора и его продуктивности, были сопоставлены показатели поголовья крупного рогатого скота на одного занятого и продуктивности коров по административным районам всей Европейской России. Коэффициент корреляции между этими двумя показателями оказался ничтожно мал (0,1). Видимо, для коллективного сельского хозяйства важно не столько количество трудовых ресурсов, сколько их качество, зависящее от общего состояния сельской местности, ее социального «здоровья». Недаром продуктивность молочного животноводства не реагируя на прямую трудоустроенность хозяйства, в то же время тесно связана плотностью населения и с его динамикой в предыдущие десятилетия.

Качество населения и тесно связанное с ним понятие человеческого капитала очень важны

для социальной географии сельского хозяйства. Применительно к сельской местности они наиболее подробно рассмотрены Н.В. Зубаревич (2003) и В.В. Пацюрковским (2003). Именно качество, а не количество трудовых ресурсов в сельской местности в последние годы стало все больше определять дефицитность. При снижении плотности населения в результате длительной депопуляции складывается длительный отрицательный отбор населения, при котором в города уезжали наиболее активные и трудоспособные люди.

Низкий уровень заселенности староосвоенных районов становится индикатором особой социальной среды с преобладанием стариков и с разнообразными социальными патологиями, включая алкоголизм, разрушающими сельские сообщества. Немногочисленная молодежь оттуда бежит сразу по окончании школы, и все эти районы обречены на постепенное вымирание. Все эти условия можно пытаться уловить помощью социальной статистики, опросов и т. п., только сделать это, в отличие от статистики заселенности, сложнее, а для всей России и невозможно.

Однако есть и другая сторона взаимодействия современного расселения и сельского хозяйства. Большие излишки трудоспособного населения тоже плохо сказываются на функционировании крупных предприятий. Правда, не везде. Например, вблизи Москвы, где плотность сельского населения одна из самых высоких в России, всем, кто может и хочет работать, гораздо легче найти себе занятие. Иная ситуация складывается в южных районах, где нет поблизости больших городов, а население огромных сел от 2 до 15 тыс. жителей было занято в основном на сельскохозяйственных предприятиях. В советские годы недоурбанизированность многих районов Юга была незаметна, так как значительную часть трудоспособного населения поглощали огромные колхозы с мощным животноводством, которое, хотя и было убыточным, существовало зачастую, чтобы занять людей. Сейчас здесь происходит передел собственности и переход на более рентабельное растениеводство. Роль зернового хозяйства усиливается, но оно требует немного занятых. Однако для многих традиционных руководителей крупных хозяйств социальный фактор является одним из основных при сохранении убыточного часто большого скота, да и вообще любой модернизации производства.



Обычно внегородское пространство России представляют как некий фон, имеющий разное природное наполнение (леса, луга и т. п.) и специализацию сельского хозяйства, на которую наложены точки городов и линии полимагистралей. Тем не менее, дифференциация внегородского пространства огромна, его социально-экономический рельеф ярко выражен. Он имеет довольно устойчивые вершины и понижения и в то же время весьма подвижен. Это разнообразие связано не только с различием природных условий и культурных традиций населения. Огромную роль в организации сельского пространства играют города.

Городу нас всегда был больше, чем город. И чем крупнее город, тем больше зона его влияния на окружающую территорию. Все знают, что пригородное сельское хозяйство имеет выраженную специализацию с большой долей овощеводства и т. п. Но специалисты также знают, как сильно различаются и самые обычные показатели агропредприятий при разном удалении от города. В любой нечерноземной области урожайность повсеместно распространенных зерновых культур в пригородах в 2–3 раза выше, чем на периферии. Даже корова в колхозном стаде, как это ни парадоксально, дает тем больше молока, чем ближе стоит к городу, несмотря на обилие тучных пастбищ в глубинке. Да и скота гораздо больше в пригородных предприятиях (см. Иоффе, Нефедова, 2001, Нефедова, 2003а и б). Еще сильнее пригородно-периферийные градиенты в выходе валовой продукции с единицы сельскохозяйственных угодий (различия достигают 10–15 раз), да и рентабельных, в основном, крупных предприятий гораздо больше в пригородах.

Самое главное, что эти градиенты существовали и до 1990 г., кризис их только усилил. Это постоянно говорит о том, что дело не в кризисе и реформах, а в каких-то более глубоких причинах, связанных с историко-культурно-географическими особенностями России.

Чем крупнее город, тем большую пригородную зону он формирует. Например, зона влияния Москвы охватывает практически всю Московскую область. Но обычно это все же один-два административных района вокруг практически всех городов свыше 250 тысяч жителей, а в Нечерноземье – свыше 100 тысяч жителей. Более мелкие города также влияют на окружающее пространство, но им не хватает

потенциала, чтобы «приподнять» сельское хозяйство целого административного района.

Одним из основных факторов влияния городов является все же сохранение вокруг них работоспособного населения. В Нечерноземье плотность сельского населения вблизи региональных столиц в среднем в 12 раз больше, чем в окраинных районах. На Юге – всего в 3 раза. Мигранты «добирали» рядом с городом то, чего не могли получить там, где они родились. Не только количество, но и качество человеческого потенциала при этих градиентах оказалось решающим: в пригороды переезжали более молодые, и предприимчивые люди. Но не только социально-демографические условия определяют успехи сельского хозяйства пригородов. Здесь лучше инфраструктурная обустроенность, выше общая экономическая активность. Быстрый выход из кризиса пищевой индустрии создал еще один канал влияния города на сельское хозяйство. Нуждаясь в сырье и видя, что они не могут положиться на наши агропредприятия, городские пищевые комбинаты агрохолдингами вкладывают средства в сельское хозяйство, модернизируя технологии агропредприятий в счет поставок продукции или покупая предприятия и переоборудуя их. Но и тут инвесторы явно предпочитают более надежные предприятия поближе к городам.

То, что сельская местность в Нечерноземье – давно уже архипелаг оазисов вокруг городов в социально-экономической пустыне, старались не замечать. Десятилетиями вытягивали глубинку. Закапывали в землю огромные деньги на содержание там колхозов и совхозов. Но борьба с пространством России окончилась провалом. Центральные-периферийные градиенты в годы кризиса даже усилились. Связано это с тем, что любая деятельность, в том числе и сельскохозяйственная, при редкой сети городов и депопуляции деревни в России осуществляется в условиях разреженного социального пространства.

Участие хозяйств населения в агропроизводстве, в противовес крупным предприятиям, увеличивается по мере удаления от больших городов. Хотя на дальней нечерноземной периферии и скота меньше, так там совсем не осталось населения.

Но не надо строить иллюзий, что на месте исчезающих предприятий в нечерноземной глу-

бинке появятся фермеры. Они там тоже не могут выжить из-за деградирующей социальной среды и отсутствия надежных работников элементарной инфраструктуры да и общего наступления диких ландшафтов. Для фермеров наиболее благодатная среда создается в полупригородах – полупериферии. Там еще нет таких тяжелых последствий депопуляции как на периферии, больше дорог, ближе города. А в пригородным пробиться трудно из-за дефицита и дороговизны земли и конкуренции более устойчивых крупных предприятий и дачников. И все же фермеры и хозяйства населения не могут восполнить потери продукции крупными предприятиями в удаленных районах, и общее агропроизводство Нечерноземья все равно падает от центров к периферии.

В целом формируется устойчивый территориальный каркас перспективных крупных и

средних предприятий, включающий довольно обширные ареалы в Центральном Черноземье, на равнинах Северного Кавказа, на юге Сибири и пригородные зоны в более северных районах, по продуктивности и объемам производства часто не уступающие югу. Можно даже с большой долей условности посчитать, сколько больших городов у нас не хватает. Если принять, что наибольшее влияние города оказывают на районы, расположенные в пригородах и полупригородах (соседи больших городов первого и второго порядка), то получится, что в Европейской части России для успешного развития крупных и средних агропредприятий не хватает 64 городов с населением, как минимум 100 тысяч жителей каждый (Нефедова, 2003а, с. 298–305). А с учетом географии современного кризиса сельского хозяйства дефицит составляет 50 городов



То, что именно вблизи городов у нас сохраняются наиболее эффективные и надежные агропредприятия, кажется анахронизмом. В США и на Западе так было до 1950–60 годов, а затем сельское хозяйство было вытеснено на окраины, в то время как пригороды заполнила расплозавшаяся одноэтажная застройка горожан – результат субурбанизации и дезурбанизации. У нас эти процессы также набирают силу. С той только разницей, что люди, как правило, не выезжают из городов на постоянное местожительство, а строят пригородный дом, как дачу, дополнительно к городской квартире. В России, в отличие от Западных стран, происходит выплеск скорее капиталов, чем населения из городов, хотя от четверти до трети близких дач и коттеджей обитаемы и зимой.

Российская дачная традиция также требует земли. И хотя участки, в основном, небольшие, масса горожан, имеющих второе загородное жилье, огромна. Достаточно напомнить, что только сады и огороды имеют 20 млн. семей (Сельское хозяйство охоты и рыболовства 2004), то есть около половины всего городского населения. А еще – старые традиционные дачи, дома в деревнях, купленные и унаследованные горожанами, и бросающиеся в глаза шикарные коттеджи. Учесть весь этот «городской десант» в сельской местности статистика не в состоянии.

Наиболее плотно дачники оседают все-таки недалеко от городов, чтобы можно было часто курсировать между основным и загородным

жильем. Но именно в пригородах потребительская стоимость сельскохозяйственных земель особенно высока. Например, Московская область, несмотря на свою небольшую территорию – один из основных сельскохозяйственных производителей России, уступает только Краснодарскому краю и Татарстану. Здесь расположены самые лучшие предприятия с высокой продуктивностью, на которые во многом опирается пищевая промышленность Москвы, снабжающая, кстати, половину городов России. Даже знаменитые вологодские молочные продукты – это тоже пригородные районы вокруг Вологды. Вдали от городов эффективные предприятия в Нечерноземье не выживают. Поэтому наступление горожан в пригородах – очень серьезная проблема для нашего сельского хозяйства. А наступление это крайне агрессивно, ведь цена земли в пригородах крупных городов, особенно вокруг Москвы, постоянно растет. Поэтому приобрести ее стремятся не только отдельные дачники, но и крупные фирмы и банки. Технологии искусственного (недобровольного) банкротства агропредприятий давно известны и активно применяются, также как и скупка земельных паев населения по дешевке. Здесь локальные рекреационные и финансовые интересы горожан входят в противоречие с стратегическими интересами продовольственного обеспечения большого города и страны. В таких районах давно уже пора спасать сельское хозяйство.

Именно в пригородах, да еще на благодатном Юге, при дефиците их земель, требуются ограничения на продажу земельных паев и их целевое использование. Во всех остальных районах земель избыток, и огромные заброшенные поля никому не нужны: ни местному населению, которому вполне хватает огорода у дома и на окраине деревни, ни колхозам, ни иммигрантам. Здесь, наоборот, следовало бы всячески поощрять продажу земель всем, кто хоть как-то может спасти эти территории от полного запустения.

Экспансия горожан давно уже вышла и за пределы пригородов. Дачные зоны Москвы и С.-Петербурга почти сомкнулись на юге Псковской и Новгородской областей. Вдали от городов дачники скорее спасают деревню от запустения. Однако дачники сохраняют деревни, но не сельское сообщество, которое под их влиянием разлагается даже быстрее. И, тем более, не колхозное хозяйство.

Дело ведь не только в сельском хозяйстве, и даже не в местном населении. Можно ли спасти хотя бы очаги староосвоенной и отвоеванной у леса территории? В этом плане горожане выполняют неоценимую роль, сохраняя и восстанавливая отдельные дома и целые улицы. Однако возникает другая проблема.

Там, где круглый год нет постоянного населения, дома дачников часто разоряют зимой. Существует там и реальная опасность наступления дикой природы на поселение. Даже в обжитых деревнях в лесной зоне волки воруют собак и любую другую мелкую живность в окраинных домах. Да и существующая инфраструктура (магазины, почта) заглохнет при отсутствии постоянных жителей. Значит, нужны сторожа, нужна совсем иная инфраструктура, созданная людьми пришлыми.

Признаки городской цивилизации в деревне все же есть — это, помимо бытовой техники, сотовые телефоны, которые есть у многих. Телефонизация частично компенсирует российское бездорожье, в т. ч. обеспечивая связь с детьми в городах.

Именно родственники (дети) в городе, а не отдыхающие москвичи становятся тем связующим звеном, которое реально интегрирует город и деревню. Для них выращиваются продукты на сельских огородах, они приезжают к родителям копать картошку, привозя с собой и городские инновации. По мере умирания старшего поколения они становятся наследниками домов своих родителей и такими же дачниками, только выросшими здесь в деревне, а потому не оторванными от местного населения.



Этнокультурную неоднородность России как фактор экономического развития долгое время если не игнорировали, то до крайности упрощали. А ведь именно национальная культура, конечно, наряду с другими факторами, создает у работника устойчивые поведенческие стереотипы и играет особую роль в формировании человеческого капитала (Шкаратан 2002: 86).

Этнокультурные различия в ведении хозяйства связаны не только со спецификой того или иного ландшафта, скажем, горного ли северного. Они приводят к разной организации и результатам агропроизводства и при одинаковых и далеко не экстремальных природных условиях. Причем в сельском хозяйстве, как одной из самых традиционных отраслей, это проявляется очень ярко, в том числе и в рамках общественного сектора, казалось бы устроенного повсюду по единой схеме.

Регионы с нерусскими титульными нациями России очень разнородны. Среди них есть и

явные лидеры с наиболее стабильными агропредприятиями, большой долей районов-лидеров сельского хозяйства на среднероссийском фоне, например, Татарстан, Башкортостан, отчасти Чувашия. Есть и такие, где наблюдается полный коллапс общественного производства, но при этом укрепляется частное (Дагестан, Калмыкия, Тыва, Бурятия).

Подробное обследование ряда районов Чувашии (с одинаковыми природными условиями и одинаково удаленных от республиканского центра) показало, что наилучшие результаты и общественного и частного производства характерны для районов с татарским населением на юго-востоке вдоль границы с Татарстаном, средние — для чувашских и наихудшие — для русских юго-западных районов. Если последние представляют собой типичный образец российской глубинки с сильным оттоком населения и убыточными агропредприятиями, то в татарских селах, гораздо более многочисленных и привлекающих население, помимо муллы пред-

седатель колхоза остается главным человеком. Колхозы там преимущественно прибыльны, скота у населения много, кроме того, мужчины дополнительно заняты на стройках, занимаются перекупкой агропродукции и т. п. Черные облупившиеся избы российской депрессивной деревни в Алатырском районе Чувашии не сравнимы с активно стоящими каменными ярко раскрашенными домами в татарском Комсомольском районе.

Не только в Чувашии, но и во всем Поволжье, на Урале и юге Сибири анклавы мусульманских народностей, немцев, корейцев представляют собой иной мир с более активным населением и устойчивым сельским хозяйством. Казалось бы, это говорит о том, что именно национальность определяет неповторимую специфику хозяйств населения. Некоторые авторы (Пуляркин 2005, с. 333) склонялись к представлениям о невозможности применения к разнообразным агросистемам, в том числе национальным, общих закономерностей развития, особенно стадийных. Однако обследование республики Чувашии показало, что влияние национальных различий на хозяйств населения связано не столько с национальностью, сколько с демографическим потенциалом сельской местности. Но сводить все только к демографии и динамике населения было бы неверно. Найти секрет большей устойчивости нерусских, особенно татарских, хозяйств в Нечерноземье не так просто. В чем же он кроется? В сочетании демографического здоровья с разнообразием занятий? В крепких родственных связях, перерастающих в экономические отношения? В ответственности мужчин за семью, в четком разделении мужских и женских ролей, меньшей приверженности алкоголю? Не следует забывать, что торговая активность многих представителей этих этнических групп проявилась еще в советское время, что сильно облегчило их адаптацию к новым условиям.

Причину большей устойчивости коллективных или частных нерусских хозяйств многие местные чиновники склонны видеть в сельском менталитете жителей. Конечно, оценить степень «сельскости» сознания довольно трудно, но в ходе опросов, например, в республике Чувашия, мы попытались сделать это косвенным образом — с помощью двух вопросов, отражающих разные поколенческие ориентиры: «Хотели бы Вы переехать в город?» и «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили в городе?».

Среди русских респондентов городская ориентация выражена очень ярко: около половины утвердительно ответило на первый вопрос и более 70% — на второй. Не хотят уезжать пенсионеры. Среди чувашских респондентов только 25% хотели бы переехать в город, зато будущее детей связывают с городом 60% семей. А у татар в Чувашии сельский менталитет оказался наиболее выраженным. Почти никто из опрошенных не хотел бы поменять село на город, а своих детей в городе видят только 13%.

В русских нечерноземных селах молодежь, которая быстрее впитывает плоды глобализации, несущей иную систему ценностей и входящую в противоречие с условиями жизни в деревне, районах депопуляции уже не удержать ни рабочими местами, ни отдельными мероприятиями местных и федеральных властей. Поколенческие различия, способствующие неуклонному сокращению численности сельского населения, велики: для старшего поколения характерно «доживание», для среднего — конфликтное «выживание», для младшего — ориентация на миграцию в город (Творогов, 2005). И тот факт, что социологи активно используют то, что было сделано географами (там же), говорит о начавшемся взаимопроникновении наук.

Почему у нерусских народностей в большей степени уцелел сельский менталитет? Ответ «благодаря национальной специфике» как будто напрашивается. Однако подобные обследования выявляют не только социокультурные, но и эволюционные различия. Еще в 1950–1960-х гг. русские районы Чувашии были вполне дееспособны. Примерно так, как сейчас отвечают чуваша, отвечало русское население Нечерноземья, когда мы проводили опрос в Новгородской глубинке в 1970-х гг. А сравнение современных сельских обществ некоторых нерусских народов на территории России с русскими начала XX века, демографически столь же полноценными и тоже активно прибегавшими к отходничеству не исключает гипотезы об одинаковых, но хронологически не совпадающих фазах жизненного цикла сельских сообществ. Быть может, сельские сообщества татар и чувашей просто еще не разрушены в такой же мере, как в русских обезлюдивших селах?

Тезис о «запаздывающем» демографическом и аграрном развитии некоторых нерусских районов подтверждается в Самарской области. Здесь сельское хозяйство в лучших природных

условиях и при лучшем социально-демографическом потенциале населения в целом более жизнеспособно. Тем не менее, северные и северо-восточные многонациональные районы отличаются очень мощным индивидуальным хозяйством и хорошим состоянием коллективного сектора. Этому способствуют сохранившиеся трудовые ресурсы и некоторый консерватизм населения и руководителей, который «отгораживал» их от многих нововведений. Доля фермеров по сравнению с другими районами области здесь крайне низка. Но если в районах с сильным преобладанием русского населения роль фермеров быстро росла в первой половине 1990-х, стабилизировались во второй и начала падать после 2000 года, то в национальных районах фермерство начало развиваться только после 2000 года. Как и в случае с демографией, можно сказать, что русские начинают и ... проигрывают.

Исследования влияния этнических факторов на сельское хозяйство в разных регионах Европейской России показали, что есть и некие общие закономерности. Национальные хозяйства различаются по специализации и товарности, выраженным все-таки не так ярко, как этнокультурные различия у самого населения. Близость к крупному городу может затушевывать национальные различия, которые наиболее ярко выражены на периферии. Эти различия деформируются под влиянием депопуляции. Последняя наиболее характерна для русского населения Нечерноземья. Поэтому русские хозяйства в нечерноземной зоне проигрывают не только по сравнению с «иноэтническими», но и с русскими хозяйствами южных регионов. Важными параметрами являются также скотоводческие или земледельческие предпочтения тех или иных этносов.

Можно сказать, что на землепользование в большей степени влияют природные условия хозяйствования, в то время как на количество скота – национальные особенности. Мобильность и гибкость товарных хозяйств населения приводят к тому, что национальные традиции могут оказываться второстепенными по сравнению с требованиями рынка. Например, некоторые мусульманские народности Поволжья и юга Сибири (кроме, пожалуй, татар) стали разводить свиней (оправдываясь, что это только на продажу), поскольку частное свиноводство оказывается выгоднее скотоводства и традиционного для них овцеводства.

Существует и обратный эффект. Именно сельское хозяйство влияет на межнациональные отношения, порождая экономические, административные и бытовые конфликты, особенно остро проявляющиеся в южных районах (Нефедова, Пэллот 2006, с. 185–194). Например, владельцы частного скота, которого стало особенно много на пустующих кошаках (прежде на них был колхозный скот) используют колхозные пастбища, причем никак не регулируя нагрузку на них. Поскольку пастбищ в засушливых зонах не хватает, частники занимаются и погромами полей. Охранять поля, находящиеся порой далеко от сел, невозможно, и многие колхозы вынуждены отказываться от них. Это меняет и землепользование, и специализацию сельского хозяйства некоторых районов.

И все-таки наибольшую конкуренцию частное скотоводство нерусских народностей составляет не колхозам, а индивидуальным хозяйствам. Например, многие дагестанские народности держат крупные стада частного скота (до нескольких десятков быков и коров и сотен овец). По существу они, конечно, фермеры, но, как и многие другие сельские хозяйства в России, официально таковыми не считаются. Их скот уничтожает всю растительность вокруг сел, так что прочим жителям с одной-двумя коровами уже некуда податься. Происходит как бы экономическое вытеснение одного животноводческого уклада другим, более напористым. Местные администрации пытаются с этим бороться, вводя предельные нормы скота в личном хозяйстве (до 5 голов). Но эта акция, как всегда, кончается лишь ростом чиновного аппарата.

В южных районах во фронтирных зонах происходит явная сегрегация населения по экономическим и культурным признакам. Русское население не может жить там, где доминируют мусульманские народы (и даже боится ездить туда). Но оно упорно держится за старые казацкие районы земледелия (например, кубанские районы в Краснодарском крае и на западе Ставрополья, долину Кумы, пригороды, примагистральные зоны). На эти территории стараются не пускать «инородцев» и культивируют в себе ксенофобию, которая в какой-то мере порождена неумением конкурировать с мусульманским населением. Тем не менее, несмотря на очевидный и даже показательный национализм части местного населения, особенно казаков, апеллирующих к культурным различиям и «геополитическим угрозам», межэтнические конфликты здесь имели и во многом имеют теперь

экономическую и демографическую подоплеку. И тем серьезнее они и труднее разрешимы.

Значительную часть овощей в Поволжье и на юге на заброшенных полях давно уже выращивают не колхозы, а многочисленные арендаторы (корейцы, турки, дагестанские, среднеазиатские народности), работающие, как правило, бригадами в нескольких семьях и сдающие продукцию либо в тот же колхоз либо реализующие ее на рынке. Даже на севере в Ленинградской, Костромской областях стали появляться единичные корейские, узбекские семьи, которые даже в нечерноземной глубинке умудряются выращивать в теплицах огурцы, помидоры и перец. С одной стороны, переезд сельских нерусских мигрантов из средней Азии и Казахстана способствует сохранению сельского хозяйства (но в 1990-х гг. в Россию оттуда ехали в основном горожане, которые потом все равно стремились в город). С другой стороны, переезд в консервативную сельскую глубинку иноэтнического населения потенциально даже более конфликтен, чем горожан-дачников, так как создает не сезонную, а постоянную колонию сельских жителей, «чужих» для местного населения.

Кроме постоянных миграций на сельское хозяйство влияют и временные. Например, Левокумский район на северо-востоке Ставрополья принимает ежегодно более 1000 трудовых мигрантов из Дагестана, причем большая их часть нанимается в колхозы для обрезки и подвязки винограда, уборки урожая. Руководители хозяйств отмечают высокую ответственность дагестанских и среднеазиатских рабочих. В черноземные и западные регионы России приезжают белорусы и украинцы на выращи-

вание рассады, прополку и уборку урожая. Во многих колхозах работают молдаване. Эта работа ведется практически нелегально, обычно без всяких договоров и остается вне поля зрения статистиков.

Основная причина социального напряжения заключается в том, что иностранные рабочие понижают местные расценки на труд, что вызывает ропот местного населения, особенно в регионах, не испытывавших сильной депопуляции. С другой стороны, наше нищее сельское хозяйство не может платить работникам больших денег и опираться на местные трудовые ресурсы. Руководители крупных предприятий и фермеры предпочитают нанимать приезжих рабочих не только из-за того, что им можно меньше платить. Важен и настрой мигрантов на заработки, позволяющий им более интенсивно работать, и гораздо меньшая их алкоголизация. Значительная часть этих временных мигрантов постепенно превращается в постоянных. Они берут в аренду у предприятий или администраций землю, покупают дома в деревнях или живут у родственников и постепенно перебираются в пограничные районы.

Не только в традиционно закрытых, но и в еще недавно открытых для притока мигрантов областях намечается явная тенденция к ужесточению миграционной политики. Все чаще предлагается введение региональных квот приема мигрантов. Власти Краснодарского края даже ввели норму – в крае должно быть не менее 85% русских (Кульбачевская 2003). Однако, как показывает практика, любое ограничение постоянной и временной миграции при проливаемых границах вызывает только рост ее нелегальной части.

□□□ □□□□ □□ □

□□ □□□□ □□□ □□□□ □□□□ □□□ □ □

Анализ производственных характеристик сельского хозяйства, его динамики в 1990-х гг., урожайности культуры, продуктивности скота в советский период и в настоящее время показали возрастающую поляризацию деятельности, проявляющейся на всех уровнях: от предприятий, административных районов до субъектов РФ. В период кризиса и при первых шагах выхода из него четко обозначились очаги и ареалы более перспективного хозяйства и обширная зона экономической депрессии (Нефедова, 2003 а и б). Кризис в сельском хозяйстве привел и к сжатию посевных пло-

щадей, особенно сильному в районах сельской депопуляции, и к уменьшению его интенсивности.

Можно говорить о разных типах экстенсификации: в зерновых районах она связана с рассредоточением скота из животноводческих комплексов в хозяйства населения, расширением доли зерновых культур и упрощением севооборотов вплоть до двуполья (зерновые, пар). В зонах рискованного земледелия – это свертывание сельского хозяйства в целом и переход производящей деятельности к собирательству, охоте, рыболовству.

Современную дифференциацию сельского хозяйства определяют три основных фактора: 1 – агроклиматические условия; 2 – города – наиболее интенсивное и, главное, перспективное хозяйство концентрируется вокруг крупнейших городов или недалеко от них; 3 – социально-демографические и культурологические особенности населения: плотность населения, его демографический состав, миграции, а также национальные традиции ведения хозяйства

В качестве дополнительного признака можно выделить некоторые культурологические особенности сельской местности, которые называются на результатах сельского хозяйства. Например, районы с концентрацией татарского и башкирского населения в Поволжье и Предуралья. В Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе так много микротипов этнических сельских сообществ и хозяйств, что отразить их в мелком масштабе не удастся, а объединение в один, крайне разнородный тип лишено смысла.

Удаленность	Экстремальные районы	Не-черно-земье	Суб-черно-земье	Черно-земье	Юго-восток	Юг	Районы с большой долей татарского и башкирского населения
Пригороды	Тип 1	Тип 2		Тип 6		Тип 9	Тип 10
Полупригород		Тип 3		Тип 7	Тип 8		
Полупериферия		Тип 4	Тип 5				
Периферия							

Таблица 3. Сравнительная характеристика типов районов по различным показателям в 2000 г.

Типы районов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Характеристики</i>										
Плотность сельского населения, чел/км ²	0,7	29	11	5	11	21	13	6	23	16
Сальдо миграций на 10 000 сельских жителей, человек	-113	73	41	-22	-3	120	24	0	37	24
Динамика посевной площади, 2000 г. в % к 1990	50	71	72	63	70	70	66	50	89	82
Динамика поголовья КРС на предприятиях, 2000 г. в % к 1990 г.	25	47	41	33	40	36	32	24	43	61
Поголовье частного крупного рогатого скота на 100 сельских жителей	11	7	20	20	27	15	27	37	14	42
Надой молока от одной коровы на предприятиях, кг в год	2027	3587	2491	1987	2021	2467	2054	1725	2375	2399
Урожайность зерновых культур 1996–2000, ц/га	11,7	19,1	14,7	9,7	14,0	16,4	16,4	10,4	23,4	19,5
Число фермерских хозяйств на 1000 сельских жителей	10	6	7	5	6	6	7	14	13	3
Доля депрессивных районов, %		0	28	76	51	10	35	64	19	6
Доля районов с наиболее устойчивым сельским хозяйством, %		93	36	7	18	70	20	10	51	73

В таблице 3 видно, что все пригородные районы, наравне с равнинным югом, имеют самые лучшие показатели агропроизводства и продолжают оставаться миграционно привлекательными для населения. Их характеристики отличаются от периферийных районов настолько сильно, что трудно поверить, что расстояние между ними может не превышать и 100 км.

То, что испытало наше общество в 90-х годах, можно назвать культурным шоком. И хотя социальная психология применяет понятие «культурного шока» к столкновению разных национальных культур (например, при миграциях), многие его аспекты налицо и здесь. Это напряжение от изменившейся и непредсказуемой среды, материальных лишений, утраты старых ролей и ценностей, чувства тревоги, неполноценности, трудностей психологической адаптации. В той или иной мере все это пережили самые разные слои российского общества. И все же в 90-е годы оно заметно сдвинулось в сторону западных идеалов и ценностей.

В большей степени это коснулось, конечно, горожан, особенно молодых. Но деревенская молодежь активно подключается к процессам глобализации: кто-то через технику, а кто-то и напрямую, уезжая в города. А уже сельское хозяйство, лишившись дотаций и окунувшись в коммерческие отношения, к которым оно было совершенно не готово, оказалось одной из самых пострадавших отраслей. Ведь в конце 1990-х гг. в некоторых районах до 80–90% крупных и средних предприятий было убыточно.

Сейчас некоторые из них выходят из кризиса, но экономически недееспособными остаются около половины бывших колхозов и совхозов. И предприятия, и люди имеют свои модели поведения, отличающиеся в разных районах. И вот на этом участке попытка географов увидеть взаимовлияние экономических и социально-культурологических параметров оказалась очень востребованной.

Кризис 1990-х гг. обострил и высветил те проблемы в российском сельском хозяйстве,

которые назревали в течение многих десятилетий. Он привел деятельность агропредприятий в соответствие с их природными и социально-экономическими ресурсами.

В сельском хозяйстве, как и в промышленности, наиболее перспективна стратегия точек (ареалов) роста взамен устаревшей стратегии континуального развития. Результатом длительной эволюции сельского хозяйства стала сегрегация коллективных предприятий и целых районов, выделение лидеров и аутсайдеров.

Причем последние, несмотря на потерю товарности сохраняются благодаря их востребованности населением. Впрочем, колхозы, в том числе и нерентабельные, оказались гораздо устойчивей, чем ожидалось. За этим стоит прочность именно социального уклада жизни в деревне, ее неизбывный и далеко не бесмысленный консерватизм.

Тот факт, что у нас более 2/3 населения так или иначе связаны с сельским хозяйством, послужил главным амортизатором при потере денежных доходов и росте цен в 1990-х годах не только в деревне, но и в городах. Трудно себе представить, в какую пропасть нищеты и голода погрузилось бы население, если бы не было этих маленьких участков, возможностей сельскохозяйственного производства и продажи излишков. Социальный взрыв был бы тогда неизбежен и по-русски «беспощаден».

Обширность пространства России, довольно высокая миграционная мобильность ее населения сочетаются с явной узостью пространства индивидуальной деятельности. Многие еще думают, что для развития товарных частных (в т. ч. фермерских) хозяйств не хватает законов, земли, стартового капитала. Не хватает, спору нет. Но реформы, по моему, показали, что во многих районах не хватает в первую очередь человеческого потенциала – в нынешнем поколении, а, может быть, и в следующем.

Сельскохозяйственная наука много изучала маргинальность¹ природных условий нашего сельского хозяйства. Но не менее, а во многих регионах Нечерноземья и более важными, оказываются позиционная маргинальность как удаленность от крупных городов (периферийность) и демографические пороги маргинальности в зонах депопуляции населения, опреде-

ляющие качественные изменения социальной среды, ограничивающие возможности функционирования крупных и средних предприятий современного типа.

Нечерноземье уже сейчас представляет собой почти социально-экономическую пустыню с крупными оазисами относительно успешного сельского хозяйства вокруг городов. На оставшейся огромной территории население будет другое – дачники и мигранты. А на юге многоукладность в сельской местности будет только возрастать, и консерватизм сельского юга в определенной мере является надежным гарантом сохранения не только крупного сельского хозяйства, но и крошечных хозяйств населения.

Давно пока отказаться от надоевших клише: колхозы или фермеры, крестьяне или наемные работники, сельское хозяйство – черная дыра или развивающаяся отрасль, дефицит или избыток сельского населения и т. п. Социальная география сельского хозяйства позволяет увидеть некоторые привычные реалии иными глазами, попытаться совместить экономические и социальные параметры развития сельской местности. Далеко не все сюжеты этого стыкового направления исследований были показаны в данной статье.

Давно назрела необходимость анализа соотношения аграрных и неаграрных занятий в современной деревне. Мало изучена адаптация мигрантов в сельской местности. Разнообразие проявлений многоукладности, самоорганизации населения, развитие формальных и неформальных институтов в сельской местности – все это требует специальных исследований. Интересна тема соотношения местных бюджетов и социального развития. А уж этнические и культурологические проблемы сельскохозяйственной и иной деятельности в разных сельских районах – бездонный клад для географа.

Импульсы ограничения развития нашего сельского хозяйства многообразны, географически дифференцированы и часто независимы от воли властей. Многие из этих импульсов и ограничений лежат вне сферы собственно сельского хозяйства, но тем труднее ими манипулировать.

¹ Под маргинальностью понимается близость тех или иных условий, важных для сельского хозяйства, к критическим пределам возможности его существования (Нефедова, 2004).



1. Аграрная реформа в России: Концепции, опыт, перспективы. – М.: 2000 [Научные труды Всероссийского института аграрных проблем и информатики. Вып. 4].
2. Алексеев А.И. Многоликая деревня. – М.: Мысль, 1990.
3. Атлас Сибири. – М.: ДИК, 2006.
4. Геттнер А. Европейская Россия. (Антропогеографический этюд). – М.: Издательство журнала «Землеведение», 1909.
5. Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. – М.: О.Г.И., 2001.
6. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода. – М.: УРСС, 2003.
7. Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: Территориальные проблемы. – М.: Наука, 1990.
8. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 6.
9. Калугина З.И. Парадоксы Аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2001.
10. Книпович Б.Н. К методологии районирования. – М.: Издательская группа Трилобит, 1921, переиздано в 2003.
11. Ковалев С.А. Сельское расселение. Географическое исследование. – М.: Изд-во Московского университета, 1963.
12. Крестьяноведение: Теория, история, современность: Ежегодник [1996] ... [1997]. – М.: Московская высшая школа социально-экономических наук; Интерцентр, 1996, 1997, 1999.
13. Кульбаческая О. Многоэтничный край во время переписи // Этнография переписи-2002. – М.: Авиаиздат, 2003.
14. Лухманов Д.Н. Эволюция сельского расселения // Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Под ред. Т. Нефедовой, П. Поляна, А. Трейвиша. – М.: О.Г.И., 2001, с. 225–272.
15. Нефедова Т.Г. Три уклада современного сельского хозяйства России: специфика и взаимодействие // Вестник Евразии / Acta Eurasica. – 2002. – № 1 (16).
16. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003а.
17. Нефедова Т.Г. Пространственная организация сельского хозяйства России // Известия РАН. – Серия география. – 2003б. – № 5.
18. Нефедова Т.Г. Территориальная организация сельскохозяйственной деятельности в Европейской части современной России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. – М.: Институт географии РАН, 2004.
19. Нефедова Т.Г. Районирование сельского хозяйства восточных районов России // Известия РАН. – Серия география. – 2006а. – № 5.
20. Нефедова Т., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006. – 316 с.
21. Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999.
22. Пациорковский В.В. Сельская Россия 1991–2000 гг. – М.: Финансы и статистика.
23. Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и пространстве (взгляд географа). – М.: Эслан, 2005.
24. Ракитников А.Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). – М.: Мысль, 1970.
25. Ракитников А.Н. Избранные труды. – М.: Ойкумена, 2003.
26. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. – М.: Московская высшая школа социально-экономических наук; РОССПЭН, 2002.
27. Рыбников А.А. Сельское хозяйство засушливых областей России // На новых путях. – Вып. V. – Ч. 1. – М., 1923.
28. Рывкина Р.В. Драма перемен: экономическая социология переходной России. – М.: Дело, 2001.
29. Сельское хозяйство в России. – М.: Госкомстат России, 1998, 2002.
30. Сельское хозяйство, охота и лесоводство. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004.

31. Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России. – М.: Госкомстат России, 2003.
32. Серова Е.В. Аграрная экономика. – М.: Государственный университет – Высшая школа экономики; Проект Tacis, 1999.
33. Смирнягин Л.В. Районирование общества: теория, методология, практика (на материалах США): Автореферат на соискание ученой степени доктора географических наук. – М., 2005.
34. Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре / Под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2005.
35. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию: Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – М.: Министерство сельского хозяйства и продовольствия РФ; ВНИИ экономики сельского хозяйства, 2000.
36. Студенский Г.А. Сельскохозяйственные районы России, как типы сельского хозяйства // Экономическая география. Т. 2: СССР / Под ред. Н.Н. Баранского. – М.: Изд-во Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, 1929.
37. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. – Тверь, 1995.
38. Творогов А.Е. Социокультурная идентичность сельских жителей русского севера: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук, 2005.
39. Фадеева О.П. Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск: Наука, 2003.
40. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. – М.: Экономика, 1989.
41. Черкес Б.С. Город и аграрная среда. – Львов: Издательство «СВИТ», 1992.
42. Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов / Третьи Сократические чтения по географии. – М.: Университет Российской академии образования, 2002.
43. Эфендиев А.Г., Болотина И.А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России: Социология, этнология. – 2002. – № 4.

□.□.□□□ □□□□ □ □
(□.□□□□□□□□□□)

СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Kolbovsky E.Y.

SOCIAL-GEOGRAPHIC APPROACHES OF THE MUNICIPAL EDUCATIONAL SYSTEM PLANNING

The article deals with the main aspects of the modern educational quality and its provision on the municipal level. The key issues are the educational institutes set and status alteration and the change of the area conditions functioning in municipal educational systems caused by the increase of the transportation capacity.

Постановка исследовательской задачи. Современное российское общество поставило перед системой образования весьма значимые и непростые задачи, связанные с каче-

ственно новым подходом к проблеме воспроизводства поколений в нашей стране. Осознание российским социумом в целом и его отдельными представителями того обстоятельства

что качественное образование есть, возможно, одна из главных общественных целей и, безусловно, весьма значимая семейная ценность, привело к резкому изменению отношения граждан к системе образования как государственному институту. Можно без натяжки утверждать, что новое поколение граждан России воспринимают образование как «продукт», качество которого если и неизмеримо в простых нормативных категориях, то, во всяком случае, вполне осязаемо – в смысле заложенных в этом понятии возможностей развития и жизненной траектории конкретно взятого ребенка.

Именно поэтому главная задача российской образовательной политики на данном этапе определена как обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности общества и государства.

Очевидно, что выполнение такого рода задачи предполагает изменение принципов, структуры и функции системы управления образованием как государственно-общественного феномена прежде всего на муниципальном уровне, поскольку с одной стороны, этот уровень оказался наиболее чувствительным к произошедшим социо-культурным и экономическим сдвигам, с другой – именно этому уровню и делегированы новые более широкие, чем прежде полномочия, тем самым заложены потенциальные условия для дальнейшего развития.

Кардинальные изменения в экономической и социальной политике государства за последние годы существенно повлияли на все стороны жизнедеятельности муниципальных образовательных систем: сократилась и продолжает сокращаться сеть общеобразовательных учреждений в сельской местности, растет число школ с малой наполняемостью классов, устаревает материально-техническая база, учебное оборудование, возникла проблема сохранения и воспроизводства кадрового потенциала работников образования, снижается качество общего среднего образования. Подобная ситуация и вполне ощутимые тренды ее развития порождают целый ряд проблем, связанных с полнотой спектра и территориальной доступности образовательных услуг, отсутствием экономических механизмов, обеспечивающих заинтересованность учреждений общего образования в привлечении большего количества обучающихся, нерациональным использованием

ресурсов существующих сетей общеобразовательных учреждений. В этих условиях проектирование муниципальных образовательных систем для целей их структурно-содержательной модернизации становится жизненно необходимой как для устойчивого развития системы образования, так и для сохранения российской провинции в качестве этно-культурного феномена в целом.

Муниципальные образовательные системы (в дальнейшем – МОС) – социальная структура, безусловно вложенная в общее социальное пространство российского социума, каковое является как бы вмещающим для сферы образования. При этом разнообразие качества населения и условий его расселения на огромной территории страны и характер их влияния на эффективность функционирования систем социальной инфраструктуры должны, по идее, получать адекватное отражение в проектах развития и реструктурирования сетей учреждений социального обслуживания. Однако муниципальные округа крайне редко в последние годы становятся объектом социального планирования, объективированного в той или иной форме (районная планировка, генеральное планирование). Отмечая это, безусловно роковое для жизнедеятельности сельского социума обстоятельство, мы должны подчеркнуть, что и господствовавший многие годы в планировочной практике советской эпохи нормативный подход к градостроительному проектированию часто нивелировал роль региональных и локальных систем расселения. В этом смысле требования социума к процессу проектирования муниципальных образовательных систем и раньше не получали адекватного отражения. *Тем более в новых обстоятельствах мы должны говорить о необходимости разработки принципов, методологии и стратегии проектирования муниципальных образовательных систем на основе комплексного междисциплинарного подхода, который позволил бы сосредоточить все лучшее из теоретического багажа, накопленного в географической теории, современной теории управления, методологии социального проектирования, методах управления региональным развитием.*

Не прибегая к особому гипертрофированию, подчеркнем сегодня сферу образования, интегрально отражая все минусы и плюсы социально-экономической и социо-культурной

ситуации, в которой оказался российский социум на рубеже тысячелетий является одновременно и наиболее эффективным инструментом оптимизации (или усугубления) этой ситуации. В этом двойственном субъектно-объектном позиционировании и заключается сложность анализа любых проблем, связанных с проектированием и управлением муниципальными образовательными системами.

Нельзя сказать, чтобы попытки проблемного анализа современного образовательного пространства сельской местности России не предпринимались ранее, или не предпринимаются в настоящее время – однако, как правило, они несут «реактивный» (запаздывающий характер) и не направлены на устранение основной причины, заключающейся, на наш взгляд, в *отсутствии должной методологической базы управления МОС в изменившейся социально-экономической ситуации*. В свою очередь, отсутствие базы объясняется крайне сложным междисциплинарным характером проблемной области: проблемы управления образовательными системами рассматриваются общей теорией управления и социальной педагогикой в то время как сколь-нибудь серьезный анализ экономических перемен и трансформации систем расселения может быть осуществлен только с позиций социальной (в более широком смысле – гуманитарной) географии и только-только встающей на ноги регионалистики.

Проблема оптимизации сети учебных заведений возникла не вчера и даже не позавчера. Поскольку школы – особенно сельские – всегда были неким оплотом культуры и своего рода проводником государственной политики, всякий раз, когда российское общество переживало потрясения, пространственная сеть учреждений образования весьма тщательно анализировалась. Так, в Ярославском областном архиве сохранилась старая (1900 г.) скрупулезно выполненная Школьной комиссией Яргубземства карта учреждений образования Ростовского уезда – «Нормальная сеть училищ по Ростовскому уезду» принятого тогда масштаба: в одном дюйме – две версты. Это цветной многокрасочный лист, на котором нанесены все образовательные учреждения, аккуратно разделенные по типам (реальные училища, школы грамоты, школы по «духовному ведомству» – церковно-приходские). Вокруг каждого образовательного учреждения циркулем прорисован так называемый «школьный радиус» величиной в 2,5 версты,

охватывающий только близлежащие поселения. Как видим, далеко тогда не возили, оно и понятно: дороги были плохи, да и на телеге сильно не разгонишься...

Следовательно, уже и сто с лишним лет назад (а карта, безусловно, фиксирует ситуацию, сложившуюся в XIX веке) управленцы понимали, образование – это своего рода хозяйство, а потому образовательный продукт – в виде возвращенного выученного ребенка имеет номинальную стоимость, которая с учетом всех неизбежных затрат может быть большей или меньшей. Понимали также и то, что дифференциал (разница в стоимости образования) в принципе не должен быть чересчур большим, во всяком случае, он не может различаться в разы – это делает саму систему нерентабельной.

Проектирование образовательной сети любого региона ориентировано на решение широчайшего круга задач, связанного с тремя подсистемами любых территориальных систем: природой, хозяйством, населением – что, в свою очередь, диктует необходимость увязки приоритетных целей (экономических, социальных и экологических) в единую концепцию комплексного территориального развития. Однако на сегодняшний день сельские территории лишь фрагментарно и от случая к случаю могут стать объектом лишь отраслевых территориальных или инвестиционных планов. Отсутствие у нынешней власти институтов территориального развития приводит к крайне негативным последствиям, которые в первую очередь ощущает на себе система образования как наиболее дисперсно распределенная в пространстве бюджетная отрасль.

В условиях повсеместной нехватки средств, упадка традиционной сельской экономики, депопуляции, управление в сфере образования должно чрезвычайно скрупулезно просчитывать первоочередные точки приложения усилий. Требуется «угадать» перспективные узлы, оси и зоны экономического развития, в которых услуги системы образования окажутся востребованными не только сегодня, но в будущем. Однако такое профессиональное видение пространства не может появиться «ниоткуда», оно, безусловно, нуждается в реализации предваряющей процедуры территориального планирования.

Отсюда возникает необходимость *разработки методологии проектирования муниципальных образовательных систем на основе социально-географического анализа регионального образовательного пространства*.

Сформулированная подобным образом исследовательская цель предполагает, на наш взгляд, предварительное решение по меньшей мере трех следующих задач.

1. Анализ процессов эволюции социального пространства и изменения характера освоения территории российской провинции как ведущих внешних факторов, определяющих существование муниципальных образовательных систем на современном этапе. В этой связи мы должны исследовать основные свойства образовательного пространства как подсистемы социального пространства российской провинции, а также определить место и роль проектирования образовательного пространства в процедурах планирования регионального развития на уровне регионов и муниципальных образований.

2. Выявление на основе крупномасштабных социально-географических исследований специфики и свойств, состава и структуры муниципальных образовательных систем сельских территорий.

3. Разработка методологии стратегического планирования образовательного пространства и проектирования структуры и состава сельских муниципальных образовательных систем в рыночных условиях, базирующейся на определении пространственных (географических, транспортных) социально-педагогических и нормативно-правовых условий оптимизации процессов формирования и развития муниципальных образовательных систем в регионах Российской Федерации.

Ниже излагаются основные и, безусловно, предварительные результаты опытной разработки методологии проектирования МОС, проведенного на базе Ярославской области – одной из типичных областей севера и центра РФ.

В проведенном нами исследовании была теоретически обоснована и впервые применена методика крупномасштабного картографирования моделей структуры и состава муниципальных образовательных сетей. Сбор первоначальной информации проводился с использованием региональной геоинформационной системы последнего поколения «Терра»; результаты социально-педагогических исследований обрабатывались с помощью компьютерных средств анализа баз данных (программы Excel и Access). Итоговые синтетические картографические модели (картоиды) муниципальных образовательных систем для 17 муниципальных образо-

ваний Ярославской области содержали более 25 семантических слоев (природно-географических, социальных, инженерно-транспортных и специально-тематических) и выполнялись в графическом редакторе Corel Draw.

Гипотеза исследования: ареалы образовательного пространства как классические узловые районы. Методология проектирования образовательных систем базируется на *гипотезе* причинной обусловленности развития образовательных систем эволюцией внешнего социального пространства. Дискретизация образовательного пространства происходит в результате естественной эволюции социума – в ходе исторически реализовавшихся социально-экономических процессов как стихийных (освоение, реосвоение, кризисы, миграции), так и сознательно реализуемых (укрупнение деревень, создание новых поселений с инфраструктурой, градостроительство).

Результатом всех этих процессов в совокупности является социализация физического пространства и возникновение в нем деятельностных узлов, зон притяжения и связующих осей, которые в совокупности формируют социальное «поле». Образование как сфера деятельности, неразрывно связанная с человеческим общением в его самом концентрированном виде («ученики – учителя»), изначально тяготеет к центральным местам обитаемого пространства, полюсам сосредоточения человеческих коллективов и деятельности по сохранению и воспроизводству духовных ценностей.

Поэтому в социальное «поле» вложены и ареалы образовательного пространства различной размерности и иерархии, от региональных наиболее крупных до средних и наименее значительных – местных ареалов. В результате актов административно-территориального устройства границы ареалов получают нормативно-правовую трактовку: сами ареалы превращаются в образовательные районы, как бы вложенные в сетку административно-территориального деления (АТД). Сложившиеся в советское время и сохраняющиеся на всем постсоветском пространстве ареалы верхнего иерархического уровня можно считать региональными образовательными системами, а ареалы среднего уровня – муниципальными образовательными системами. Ареалы низшего уровня представляют собой элементы структуры средних, однако при этом они не могут быть уложены (по крайней мере на большей части территории РФ) в границы АТД, поскольку

они существовали в двух по сути конкурирующих сетках – сетке АТД низшего ранга (сельские советы, администрации, сельские волости) и сетке хозяйственного землепользования (совхозы, колхозы, леспромхозы и проч.).

Обитаемое пространство – сложная система, в модели которой все время ощущается недостаток информации для эффективного управления. Осваивая пространство и перестраивая социальные связи, человек неоднократно вызывал системные кризисы, весьма болезненно ощущавшиеся социумом, при этом одной из важнейших осей (социо-культурных «разломов») любого кризиса всегда была система образования. Кризисам, по-видимому, принадлежит важная роль в развитии общества: несоответствие новых целей и старой структуры рождает внутри социума напряженность пространственного порядка. Территориальные противоречия с самого начала оказываются в фокусе любой кризисной проблематики, выразившись во множестве явных (или неосознанных) территориальных конфликтов, воспринимаемых как кризисные (региональные, социальные или даже экологические) ситуации. Очевидно, что в этом случае управляющие воздействия должны быть направлены на формирование более эффективной и целесообразной территориальной структуры. Система образования не только не составляет здесь исключения, но напротив, является передним планом в общей картине изменений. В этом смысле состояние региональных образовательных систем, их функциональность и оценка социумом играют индикаторную роль, позволяя определять состояние социума в целом и находить «узкие» места в пространственной организации жизни общества.

Элементами современного образовательного пространства можно считать сформировавшиеся исторически и стихийно трансформирующиеся на нынешнем этапе ареалы. Наиболее значимые для системы образования в целом процессы в последние десятилетия происходят на уровне ареалов образовательного пространства низшего ранга (несколько смежных волостей) и на переходе от этих ареалов к средним – то есть к муниципальным образовательным системам, которые вследствие этих процессов эволюционируют как классические (с точки зрения социальной географии) узловые районы. Эволюция узловых образовательных районов – системный процесс, который может быть

описан как трансформация важнейших признаков им свойств: однородности, конфигурации и коннекционности.

На базе исследования свойств однородности МОС вычлениваются перспективные функциональные части образовательного пространства, различающиеся специализацией, актуальной и потенциальной ролью в предоставлении образовательных услуг. Анализ конфигурации МОС позволяет группировать мелкие ячейки образовательного поля в крупные районы коннекционного характера, в пределах которых возможно проектирование различных сетей, важных для образовательных систем – транспортных, информационных, методических, кадровых и так далее. Наконец исследование коннекционности – связей и взаимодействия между различными частями образовательного пространства – обязательно для выявления перспективных образовательных округов – территориальных систем, обладающих целостностью благодаря связывающим их потокам, и для разработки методов упреждающего управления МОС в рамках целого региона.

Поскольку образовательное пространство изначально вложено в социальные этапы развития последнего играет роль внешнего детерминирующего фактора развития собственно образовательных систем. В ходе развития социального пространства образовательные системы претерпевают трансформацию, которая заключается в изменении структуры и содержания составляющих ее элементов. Неизбежность трансформации заключается в том обстоятельстве, что существующая структура образовательного пространства перестает соответствовать новой цели, и для обеспечения новой функции приходится изменять структуру, а иногда и состав систем, перестраивая их полностью или частично.

Методология проектирования социально-географического анализа образовательного пространства как базовая операция проектирования муниципальных образовательных систем. Сельская местность в целом не представляет однородного пространственного поля: расселенческие структуры, характеризующиеся основными параметрами (плотность населения, густота расселения, средней людности сельских поселений, формы их взаимного расположения) сформировались в ходе эволюции пространства обитания и явлены нам как различные территориальные модели освоения. Модели освоения, грубо передаваемые сочетанием белого и зеленого

полей листа топографической карты, содержат в себе гетерогенные (унаследованные от разных эпох) элементы, обладающие различным возрастом, и что важнее — степенью устойчивости. Как показывает опыт, для проектирования муниципальных образовательных систем имеют значение следующие четыре типа пространственных моделей освоения.

А. Модели освоения, находящиеся на значительном удалении от городов и сохраняющие традиционные сельскохозяйственные функции в сочетании с отраслевыми природопользовательскими функциями. К территориям, переживающим эволюцию такого рода, относятся ареалы расселения с достаточно четким преобладанием средних (по числу жителей) для данной местности населенных пунктов, однако генеральная тенденция последних лет такова, что и здесь возможна потеря структурной устойчивости, переход концентрации жителей в крупных сельских поселениях при общем уменьшении численности населения, что уже произошло в ряде местностей.

Б. Модели освоения в буферной зоне городов высокоинтенсивного сельского хозяйства с прогрессирующим развитием основных экономических функций при очевидной помощи города, что позволяет развивать и образовательные услуги (зачастую в таких приближенных к городу селах существуют крупные по численности школы). Судьба отдельных населенных пунктов в этой зоне оказалась различной: небольшая их часть, по мере освоения территории, улучшила свое географическое положение и превратилась в довольно крупные поселения, другие, особенно на ближней периферии старожиловских крупных сел, по мере развития межселенных транспортных связей и с изменением структуры землепользования, просуществовав какое-то время как постоянно обитаемые, прошли обратный путь — превратились в сезонно обитаемые, агорекреационные, либо просто исчезли.

В. Модели освоения, эволюционирующие по типу функционального замещения, под которым подразумевается переход сельских населенных пунктов в агорекреационные поселения, связанное с городом маятниковыми миграциями различной периодичности и интенсивности (обязательности). Эти земли, обладающие доступными рекреационными ресурсами подверглись вторичному рекреационному освоению, характеризующемуся возникновением новых функциональных ти-

пов поселений — полностью занятых рекреантами деревень и новых дачных поселков.

Г. Модели освоения, в составе которых преобладают «дистрофные» населенные пункты, представляющие собой отмирающую расселенческую ткань, утратившие прежние сельскохозяйственные функции и по разным причинам не обретшие и агорекреационной

К этой модели, как правило, относятся ареалы с наибольшей долей мельчайших деревень, находящиеся в пограничных («ничейных») зонах межобластного освоения, с «неудачным» географическим положением (Намеренно поставленная нами в кавычки неудачность этих ареалов весьма относительна: если бы буферное «неудачное» положение этих зон было в свое время правильно осмыслено и увязано с их важнейшей экологической ролью крупных блоков формирующегося экологического каркаса России, а попытки развивать зерновое хозяйство заменились бы осознанным развитием охотхозяйства, лесных промыслов и экологического туризма, то, возможно, мы сейчас не стояли бы перед необходимостью рассматривать данные ареалы как кризисные). В пределах таких ареалов, где среднее звено расселения размыто, и практически остались только два вида поселений, резко различающихся между собой по качеству населения: немногочисленные, наиболее крупные села и масса мелких деревень с числом жителей, не превышающим, как правило, 10–15 человек. Первые, в развитие которых в свое время были вложены немалые средства, пока еще способны функционировать в качестве опорных точек социального и хозяйственного развития территории, судьба вторых predetermined — они исчезают и «списываются» в земли запаса.

Четыре описанных нами типа эволюции ткани сельских поселений по-разному сочетаются в пределах разных территорий, определяя потенциальные возможности выживания и развития тех или иных сельских муниципальных округов. Различия в этих возможностях, чрезвычайно важные для проектирования образовательного пространства, хорошо заметны при сопоставлении центральных и периферийных ареалов расселения на всех территориальных уровнях: областных (центральные и периферийные районы), муниципальных (центральные и периферийные волости), городских (города и пригород). *Исследование дифференциации расселенческой ткани на четыре основных типа с присущим каждому из них*

направлению эволюции – базовая операция проектирования МОС и планирования образовательного пространства.

Опыт проектирования МОС убеждает нас в том, что, несмотря на общие для всей России тенденции депопуляции, поляризации и концентрации населения в сельской местности, модели освоения, предопределенные сущностными характеристиками анизотропного географического пространства, проявляют удивительную устойчивость, что внешне выражается в практической неизменности территориальных структур – стабильности их плановой конфигурации, соотношении различных элементов, доминировании отдельных частей и так далее.

Концентрация – сосредоточения населения в сравнительно немногочисленных (почти всегда – наиболее крупных и жизнеспособных) поселениях увеличила очаговость расселенческой ткани. Поляризация выразилась в размытии средних поселений, большая часть которых перешла в разряд мельчайших и абсолютно меньшая – переросла в крупные населенные пункты. В результате депопуляции во многих регионах при почти неизменной сетке низового административного деления постоянно вырастает доля первичных систем расселения с небольшой численностью, являющихся и первичными микрорайонами обслуживания населения. Это ставит на первое место проблемы реорганизации всех систем обслуживания и особенно сетей школ, требующих определенного минимума клиентуры для удовлетворительного функционирования – что доказывает правильность нашей гипотезы об упреждающем, прогностическом и социально-значимом характере планирования образовательного пространства среди других видов разработки стратегии регионального развития.

Уровни проектирования образовательного пространства. Проектирование образовательного пространства и управление образовательными системами должны осуществляться на трех иерархически соподчиненных уровнях.

Местный (крупномасштабный – если использовать сложившуюся картографическую и планировочную терминологию) – уровень связан с низовыми, первичными системами расселения и образующими их поселениями. На этом уровне происходит формирование отношений «образовательное учреждение (ОУ) – обслуживаемые поселения («поселения – поставщики учеников»)), то есть возникают простейшие узловые структуры – элементарные

ячейки образовательного пространства с местными ядрами и осями-связями.

Средний муниципальный (среднемасштабный – продолжая ту же аналогию) уровень охватывает отдельные сельские муниципальные округа или крупный город с пригородом. Структура этих ареалов образовательного поля уже достаточно сложна, поскольку они включают множество (от 10 до 30) простейших узловых структур – элементарных ячеек, которые весьма разнообразно взаимодействуют друг с другом, обнаруживая отношения конкуренции, паритетного партнерства, «включения меньшего большим» и так далее. Наши исследования позволяют утверждать, что именно на среднем уровне возникают и развиваются процессы, во многом определяющие эволюцию образовательного пространства в целом.

Региональный (мелкомасштабный) уровень соотносится с территорией целой административной области, края, иными словами, субъекта РФ. На этом уровне между собой взаимодействуют сложные муниципальные образовательные структуры с границами разных типов. Кроме того, именно в этом масштабе весьма сильно проявляется позиционирование муниципального образовательного поля на шкале «центр – периферия».

Проектирование МОС должно опираться на предварительно выполненное крупномасштабное картографирование – специально выполненные карты с показом размещения всех образовательных учреждений и широким социально-экологическим фоном, содержание которого должно передаваться специально подобранной знаковой системой карты.

Крупномасштабные картографические исследования являются необходимой базой проектирования муниципальных образовательных систем, поскольку позволяют установить типологию элементарных узловых структур образовательного поля, вскрыть строение (модель состава) узловых структур муниципального уровня, обнаружить типы отношений между различными элементарными узловыми структурами, охарактеризовать тенденции развития композитных муниципальных образовательных систем, прогнозировать траектории эволюции (тренды развития) региональных образовательных систем.

Знаковая система специальных карт и составленных на их основе проектов должна прежде всего отражать специфику и типологию элементов муниципальных образовательных

систем сельских территорий. Такая типология должна учитывать в качестве признаков-оснований для деления понятия целый комплекс социально-экономических факторов: экономическую типологию вмещающего региона в рамках общероссийского разделения труда, экономическую ситуацию (положение муниципального образования на шкале «получатель дотаций – донор»), ведущая хозяйственная функция (функции) района и др.

Основной специальный слой карт связан с типологией образовательных учреждений, которая является результатом классификационной разработки и учета следующих свойств: числом учащихся (укомплектованность учреждений образования); полнота набора возрастных ступеней контингента учащихся; размеры области тяготения, или иначе – степень компактности микрорайона обслуживания (что определяет кроме всего прочего необходимость организации подвоза учащихся); развитость инфраструктуры вмещающего пространства (иначе говоря представленность других составных элементов образовательного пространства – домов культуры, библиотек, медицинских учреждений, спортивных школ и клубов, и т. д.); качество жилищных условий, которые могут как привлекать, так и отталкивать учителей, в том числе молодых; образ жизни «почти городской» или типично сельский, что определяет занятость учительского контингента в сельскохозяйственном секторе; надежность (в том числе – стоимость) связи с крупным центром всего региона (областным центром, центром края), которая кроме снятия синдрома «маргинальности» обеспечивает возможность регулярного повышения квалификации и тесных профессиональных контактов между учителями МО, характер и объем учебной нагрузки.

Картографический анализ МОС Ярославской области как одной из типичных областей российского Центра и Севера позволили выделить следующие значимые параметры характеристики формирующихся среднеуровневых *узловых структур образовательного пространства*: типологическая принадлежность центра (типология «узла»), периферийность МОС (положение на оси «Центр региона – периферия»), положение по отношению к крупным транспортным магистралям, транспортная освоенность района, расчлененность, компактность конфигурации, центростатичность, природная композиция территории.

Значение типологии центра узловой структуры для проектирования конфигурации образовательных сетей очевидно. Крупный центр, находящийся внутри компактного ареала, как правило, связан радиальными магистралями со всеми секторами последнего и способен в силу высокой доступности быть опорной базой для образовательной системы сельского муниципального округа. Напротив, большое село, слабо связанное с окраинными частями сельского района не может рассматриваться в качестве значимого «узла»; можно предвидеть ситуацию, в которой наиболее целесообразной окажется «переориентация» части ареала на образовательную систему соседнего района.

Признак «периферийности» в процедуре планирования образовательного пространства означает прежде всего доступность, уровень депопуляции и выраженность демографических трендов. Периферийные районы наших областей, как правило, имели чисто аграрную специализацию и вследствие этого практически лишены промышленности, а значит и сколь-нибудь развинутой сферы приложения труда. В общем случае можно утверждать, что они заведомо «беднее» центральных сельских районов, что означает почти «нулевую» вероятность кооперации, отсутствие потребителя, способного оплатить дополнительные услуги сферы образования, и многое другое. Среди немногочисленных плюсов периферийных районов следует упомянуть благоприятную экологическую ситуацию и, в силу отдаленности и известной замкнутости социума на себя, ориентированность хотя бы части молодежи на продолжение жизни «in situ». По данному основанию все сельские районы могут быть разделены на центральные, смежные с центральными, периферийные.

Положение по отношению к крупным транспортным магистралям определяет прежде всего «региональную доступность», которую мы определяем как возможность в относительно короткие сроки добраться до областного центра. От этого параметра следует отличать «локальную» доступность – возможность перемещаться внутри района, которая, как показывает опыт, также имеет серьезное значение для конфигурации образовательной сети.

Транспортная освоенность района – признак, определяющий условия внутренней доступности не связан прямо с предыдущим, хотя зависит в определенной степени от него. По этому признаку можно выделить: МОС

с развитой внутренней сетью, где радиальные «пучки» образованы магистральными автодорогами, МОС с развитой внутренней сетью, скомпонованной как тангенциальные пути, отходящие от осевой главной автомагистрали, МОС с «прямоугольной» сетью (параллели и меридианы), где только одна из сторон образована магистральной автодорогой, МОС с развитой внутренней сетью, где радиальные «пучки» образованы местными автодорогами, МОС с неразвитой сетью внутренних дорог.

Под расчлененностью мы подразумеваем достаточно типичную для России ситуацию — наличие непреодолимой водной преграды, в нашем случае — реки Волги, делящей некоторые сельские районы на две слабо связанные доли, поскольку в общем случае за исключением периода доставки связь возможна лишь по «лучам» дорог до районного центра.

Признак компактности вмещающего МОС района также важен. Компактные районы с неизрезанной линией границы — то есть с линией, которая не содержит множество глубоких заливов и выступов — как правило, характеризуются равными условиями доступности от местной периферии к местному центру, напротив, «разорванные» районы с далеко выдающимися частями в общем случае характеризуются очень разными показателями доступности (и освоенности).

Центросимметричность — признак, дополняющий компактность, но тем не менее отличный от него — он определяет насколько положение административного центра отличается от реального «центра масс» района. По этому признаку можно выделить центросимметричные районы с расположением центра в «геометрическом центре» и ассиметричные районы с расположением центра у края.

Крупномасштабные исследования выявили тесную зависимость конфигурации элементарных узловых структур, составляющих в совокупности МОС от комбинации в пространстве района различных моделей освоения. Все существующие пространственные модели освоения российского Центра и Севера могут быть сведены к ограниченному числу типов: очаговому, линейному, мозаичному, древовидному, фоновому, приозерному и пригородному.

Конфигурация узловых структур — ареалов образовательного поля определяется «моделями освоения», т. е. мозаикой зеленых (занятых «природой») и белых (освоенных пространств) полей топографической карты. В идеале узло-

вые структуры второго порядка стремятся к центросимметричной «многолепестковой» структуре, однако на местности она деформируется, согласуясь с направлениями основных проселочных дорог, локализацией местных границ обитаемого мира — крупных болот, лесных массивов, и рек.

Элементарная узловая структура образуется в результате формирования устойчивых связей между поселением со школой и окружающими поселениями — «клиентами» или лучше сказать «поставщиками» учеников. За редким исключением, крупные села или поселки городского типа обслуживают не только своих жителей, но и жителей окрестных сел и деревень. При этом исследования выявили относительность понятия «окрестный», поскольку дети могут подвозить в школу и на расстояние до 35–45 км. Число населенных пунктов, входящих в зону обслуживания конкретной школы, обычно колеблется в интервале от 4 до 6. Реже встречаются школы с одним-двумя или более чем семью населенными пунктами в зоне обслуживания. Соединение школ с пунктами-донорами примерно по линии связующих дорог как раз и образует на картах очертания конкретной узловой структуры, которая может выглядеть как почти правильная звезда, роза с лепестками, но может иметь и резко ассиметричные очертания дендрического характера — все зависит от моделей освоения, которые лежат в основе расселенческой ткани территории.

Крупномасштабные исследования позволили выявить два вида структур — изолированные и взаимодействующие. К первым относятся структуры, возникающие в замкнутых ареалах, где жители по тем или иным причинам лишены возможности выбирать — школа, в которую они доставляют ребенка, является единственным возможным местом получения образования.

Однако довольно часто территория находится в перекрывающих друг друга зонах влияния двух или даже более образовательных учреждений. Выявлено, что узловые структуры второго порядка могут находиться в различных позиционных отношениях, а именно:

- пересекаться локально — в одном или нескольких населенных пунктах-поставщиках, т. е. когда из одной деревни часть детей посещает одну школу, а часть — другую;
- пересекаться множественно — когда два узла «претендуют» на один и тот же набор населенных пунктов, каждый из которых поставляет учащихся и в ту и в другую школу — такие

отношения могут быть описаны как конкурентные — если узлы-школы занимают одну и ту же иерархию (скажем обе — основные или обе — начальные, или обе — средние);

- находиться в отношении соподчинения — в том случае если пересекаются (накладываются зонами влияний) два узла разной иерархии — средняя школа и основная.

Последний вариант особенно широко распространен на просторах российской провинции: младшие дети ходят в близрасположенную начальную или основную школу, старшие подростки (из этих же деревень) — в более отдаленную полную среднюю школу.

Выявление формирующихся узловых структур позволяет проектировать перспективные школьные округа, опираясь на стихийно (но — небеспричинно!) возникающие внутренние связи и отношения сельского мира. На наш взгляд, только крупномасштабные исследования позволяют оценить структуру и форму опорного для системы социальной сферы каркаса расселения, оценить степень урбанизированности или агрорекреационного замещения функций сельского района, выявить локально проявляющуюся обусловленность взаимозависимого развития собственно рассматриваемых территорий и прилегающих к ним других частей региона, определить местные различия в перестройке типов и видов землепользования, обусловленные пестротой типов и видов ландшафтов. В итоге управленцы системы образования могут представить реальную структуру образовательного пространства, определить конфигурацию ранг и устойчивость формирующихся узловых структур типизировать потенциальные модели объединения существующих образовательных учреждений в комплексы.

Дополнительные, но не менее важные для проектирования МОС характеристики формирующихся узловых структур образовательного пространства можно получить, изучая так называемый *феномен транспортной доступности*. Задача развития транспортных сетей является сопутствующей и совпадающей с задачами развития социальной инфраструктуры частью которой является сеть образовательных учреждений. Аналогия является на самом деле даже более глубокой, поскольку в современной географии разработан синтетический показатель интегральной транспортной доступности, максимально чувствительный к конфигурации сетевых коммуникаций, кото-

рый позволяет реализовать идеологию «линейной акупунктуры». Суть последней — в стимулировании инвестициями избранных участков сети, результатом которого является глобальный прирост качества транспортно-коммуникационной среды жизнедеятельности от локальных капиталовложений.

Территорию любого ранга (от сельсовета до страны) можно уподобить живому организму, к которому применимы принципы лечения с помощью акупунктуры. Как и у человека, на территории имеются особо активные точки, стимулируя которые можно добиться ее выздоровления. Особенность использования «акупунктуры» на территории в том, что ее пространственная организация, взаимодействие расположенных в ее пределах различных объектов осуществляются в значительной мере через транспортные коммуникации. И поэтому для образовательного пространства более продуктивна не точечная, а «линейная акупунктура» в виде инвестиционного стимулирования отдельных ареалов, узловых структур или их составных частей, позволяющая решить весьма важную задачу построения надежной сети из ненадежных элементов.

Как показал опыт нашего исследования, совместное проектирование МОС и транспортной сети зачастую приводит к выводу о целесообразности коррекции низового административного деления с точки зрения удобства пространственного управления и транспортной среды, поскольку приоритетным при выделении границ низовых районов должен быть критерий качества жизни (через норматив транспортной доступности до сферы обслуживания и в первую очередь до места получения качественных образовательных услуг), а не только эффективность производства.

Реструктуризация сети муниципальных образовательных систем. Инструментами модернизации муниципальных образовательных систем выступают две взаимосвязанные процедуры — изменение набора и состава (статуса) образовательных учреждений и изменение пространственных условий функционирования МОС в целом за счет активизации возможностей транспортных сетей. Общий вывод, подтверждаемый проведенными нами крупномасштабными исследованиями складывающихся узловых структур образовательного пространства, может быть сформулирован следующим образом: чем неуверенней ситуация, и выше степень риска инвестиций,

тем менее равномерно должна размещаться образовательная деятельность. «Каркасная» акупунктура в виде инвестиций в перспективные узлы и транспортную инфраструктуру повышает доступность услуг и продукции для потребителей, увеличивает диверсификацию и делает излишним однопродуктовое скопления, что ведет к большей целесообразности всей образовательной системы региона в целом.

Таким образом, крупномасштабное исследование и построенное на его базе перспективное проектирование образовательного пространства может являться основой разработки одного из вариантов реструктуризации сети сельских образовательных учреждений:

- восстановление (полное или частичное) традиционной ситуации, адаптированной к возникшим новым социальным, хозяйственным условиям жизни общества;
- полная ликвидация старой, «отжившей» схемы организации сети школ, переход на совершенно новый тип организации при риске «забрасывания» поселений – мест расположения в прошлом;
- переориентация периферии на другие центры при быстром развитии повсеместной качественной и количественной депопуляции;
- комплексная реструктуризация района (полная или частичная), параллельное создание взаимосвязанных производственных и непроизводственных межселенных систем;
- изменение специализации района при сохраненном приоритете и модификации основных черт социальной инфраструктуры.

Содержательная часть проектирования МОС состоит из конструирования целесообразной сети ОУ сельской местности и выбора

необходимого сочетания моделей реструктуризации.

Потенциально возможные (и уже возникающие модели) могут быть классифицированы следующим образом): преобразование образовательных учреждений в новые организационно-правовые формы, профилизация ОУ, открытие филиалов, ассоциирование ОУ, регулирование времени пребывания школьников в ОУ различного типа в зависимости от величины образовательного ареала. Сложившиеся в практике организационные формы и структуры образовательных учреждений в процессе реструктуризации школ нуждаются в дальнейшей разработке и обновлении. В первую очередь, это разработка комплексных образовательных учреждений, которые объединяли бы в себе дошкольное образование, общее образование, дополнительное и профессиональное образование различных уровней в любых, отвечающих потребностям данного социума сочетаниях.

Таким образом, географическая и структурная дифференциация показателей образовательного пространства требует соответствующей им дифференциации управленческих мероприятий и поиска системных решений по реструктурированию сети школ на основе репрезентативного отбора типичных региональных и внутрирегиональных (муниципальных) ситуаций. В противном случае запаздывание разработок верхнего планировочного уровня и отсутствие службы постоянного мониторинга и прогнозирования неизбежно приводит ко все более быстрому и широкому распространению зоны, в которой населенческая и расселенческая ситуация будет рассматриваться (особенно «снизу» – от субъекта-пользователя) как катастрофическая.



1. Владимиров В.В., Фомин И.А. Основы районной планировки. – М.: Высшая школа, 1995. – 238 с.
2. Вульфсон Б.Л. Западно-европейское образовательное пространство XXI века: прогностические модели // Педагогика. – 1994. – № 2. – С. 103–112.
3. Городское образовательное пространство: сценарии организации. – М.: Сентябрь, 2002. – 176 с.
4. Загвязинский В.И. Проектирование региональных образовательных систем // Педагогика. – 1999. – № 5. – С. 8–13.
5. Иоффе Г.В. Освоенность территории и сельское хозяйство в Европейской части СССР // Известия АН СССР. – Серия география. – 1990. – № 2. – С. 63–70.
6. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве Российских регионов // Проблемы прогнозирования / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2001. – № 6. – 100 с.
7. Пальянов М.П., Турченко В.Н., Копытов А.Д. Стратегия развития образовательного пространства региона // Педагогика. – 2000. – № 2. – С. 16–23.

8. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена. – 256 с.
9. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М: Смысл, 2001. – 364 с.
10. Концепция системной модернизации сельской школы России / Под ред. В.Г. Бочаровой, М.П. Гурьяновой. – М.: Изд-во Института педагогики социальной работы, 2002. – 52 с.

□.□.□ □□□□ □ □ □
(□.□□□□□□)

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ, ПОДХОДОВ И МЕТОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ*

Makhotkina A.I.

TRANSFORMATION OF THE SCIENTIFIC APPROACHES AND METHODS CONCERNING RURAL AREAS RESEARCHES IN ECONOMIC AND SOCIAL GEOGRAPHY

The article observes the main tendencies in Russian rural areas researches in economic and social geography and in adjacent sciences like economics, sociology, demography from the middle of the 20th century till now.

Его лицо было неточным,
как сельская местность.
А. Платонов

В ряду мнений исследователей, занимающихся сельской местностью, имеется ряд отличий в понимании пространственного контекста существования сельской местности.

Автор выделяет несколько основных направлений и научных школ, исследующих сельскую местность во второй половине XX века, в соответствии со спецификой предмета изучения, понимания объекта изучения и основных методов исследования. Часть из них в настоящее время в связи с изменениями, происходящими, как в сельской местности, так и в целом в России, трансформировалась в другие подходы и школы, часть осталась относительно стабильными и неизменными.

Основным принципом выделения той или иной «школы» стал принцип *научных организаций*, исследующих сельскую местность, и отдельных исследователей внесших наибольший вклад в исследование сельской местности, а также время, в которое проводились исследова-

ния. В результате этого одни и те же исследователи в разное время рассматриваются автором как представители разных школ, что связано с развитием их подходов к предмету и объекту исследования.

Выделение именно этих школ во многом сильно генерализировано и схематично, но оно позволяет упорядочить множество исследований и работ, посвященных сельской местности.

Были выделены следующие научные школы:

1. Географическая школа МГУ (аграрная и социальная) (г. Москва).
2. Школа Института географии РАН (г. Москва).
3. Центр крестьяноведения аграрных реформ (г. Москва).
4. Экономико-социологическая школа (г. Новосибирск).
5. Экономико-демографическая центра на родонаселения ИСЭП РАН (г. Москва).
6. Этносоциологическая (г. Москва).

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, номер проекта 06-06-80166-а.

□□□□□□ □ □□□□□□ □ □□□□□□□ □□□□□ □□□□□□□□□□ —
□□□□□□ □□□□□□□*

Исследователь	Подход к исследованию/определение сельской местности
Ковалев С.А. <i>Географический факультет МГУ</i>	«обитаемая территория, находящаяся вне городских поселений»
Алексеев А.И. <i>Географический факультет МГУ</i>	перенос акцента на выявление взаимосвязи с окружающей территорией; «сельская местность без городов, как всадник без головы»
Нефедова Т.Г. <i>Институт географии РАН</i>	сельский образ жизни и сельское хозяйство, «где бы они не реализовывались»
Вишневский А.Г. <i>Институт народохозяйственного прогнозирования; Центр демографии и экологии человека</i>	«в результате относительно современных городских ядра обрастали бесконечными полусельскими – полугородскими окраинами и пригородами, а они, в свою очередь, по-своему влияли на формирование городской среды, которая развивалась под воздействием менталитета и эстетики новых горожан – вчерашних крестьян»
Заславская Т.И. <i>Новосибирская экономико- социологическая школа</i>	Сельская местность носит не столь социально-экономический, сколько статистический и административный характер. Это понятие распространяется на всю совокупность поселений, имеющих сельский статус.
Никулин А., Шанин Т. <i>Московская Высшая школа социальных и экономических наук; «Центр крестьяноведения и аграрных реформ» (далее Интерцентр)</i>	Реализация сельского образа жизни в сельских населенных пунктах
Петриков А.В. <i>РАСХНВИАПИ</i>	«обжитая территория страны вне границ городов»

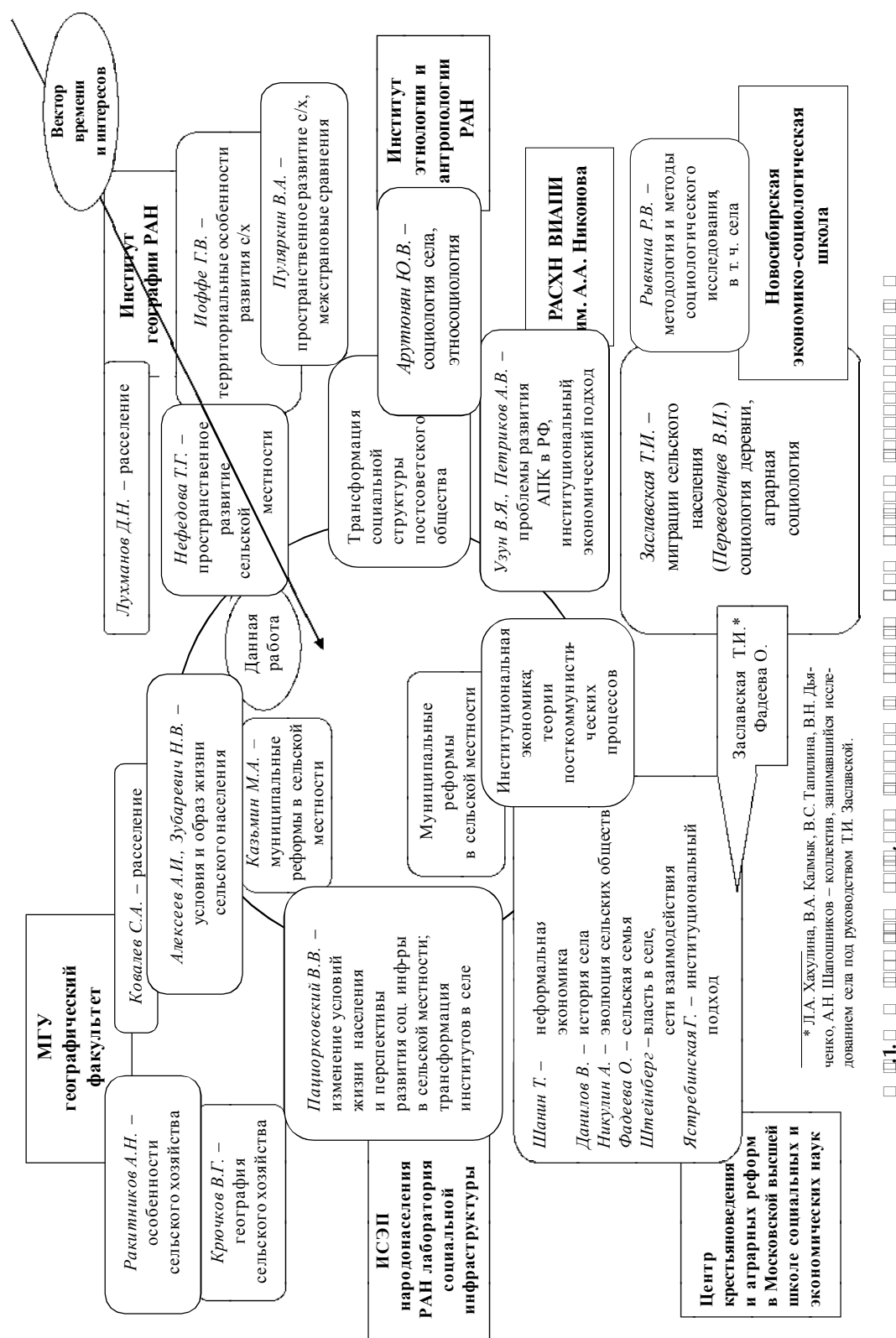
* Таблица составлена автором.

Генерализация взглядов и подходов к предмету и объекту исследования на примере нескольких исследовательских центров и направлений, представлена в таблице 1.

Реалии современной жизни заставляют по-новому взглянуть на привычное явление, на его закономерности развития, появляются новые центры исследования и подходы, схематично

этот процесс представлен на *рис. 1*. Понять существующие нормы и правила ведения сельского хозяйства, их региональные различия помогает институциональный подход

В основном к нему обращаются представители экономической социологической науки, современной аграрной науки, те в сферу интересов, которых попадает влияние современных



сельских сообществ, особенностиведениясельскогохозяйства, сколькохарактерныечерты взаимодействия между социальными группами внутри сельского общества. Анализ географических различий выступает способом познания социальных процессов в сельском обществе.

Задачей Арутюняна Ю.В. и его коллегявлялось установить закономерность во влиянии местных условий (национальных особенностей) на проявление общественных процессов: 1) существующую структуру через призму этнических характеристик общества; 2) влияние этнических факторов на социальную мобильность сельских жителей. Исследователь отмечает важность ЛПХ как элемента самообеспечения, но в работе чувствуется отрицательное отношение к этому явлению сельской жизни, как к рудименту общественного производства, хотя роль его в последствии социально-экономических реформ только выросла и укрепились.

Наиболее интересным явилось исследование социальной мобильности сельского населения. Основная цель – выяснить при каком уровне образования, дохода, половозрастной структуры населения достигается максимально благоприятная реакция на среду проживания (выражается в степени удовлетворенности условиями, желании переехать, которое оценивается с помощью социологических опросов) и от каких

факторов она зависит. Основной вывод состоит в том, что более благоприятные (природные, инфраструктурные) условия стимулируют в большей степени внутрисельскую мобильности, и потенциальный поток миграции село–город уменьшаются, но данный процесс зависит от региональных различий. Например, для Нечерноземной территории страны город станет главным фактором, влияющим на уровень развития, глубинусоциально-экономических диспропорций, территориальную организацию населения в сельской местности.

В начале 1990-х годов тематика работ этносоциологов, как и у многих исследователей изменилась, поскольку изменились внешние условия среды. Арутюнян Ю.В. отмечает, что степень проявления национальных особенностей минимальна в социально-экономической жизни (после бытовой, культурной), но учет национального фактора не менее важен, т. к. он сказывался на интенсивности урбанизации, трудоустройстве характера и типе ведения хозяйства

Достаточно ярко это проявление показано в поздних работах географов, в том числе Нефедовой Т.Г., в которых она приходит к выводу, что национальный фактор ярко дифференцирует сельскую местность (это показано на примере Чувашии в монографии Нефедовой Т.Г. «Сельская Россия на перепутье»).

□□□□□□□□ □□□□ □□□□□□□□

Новосибирскую экономико-социологическую школу можно определить в качестве самостоятельного исследовательского направления с 1967 г., когда был создан отдел социальных проблем труда и социального планирования трудовых ресурсов (с 1979 г. – отдел социальных проблем) на базе НГУ, руководителем которого стала Заславская Т.И. Характеризуя школу, можно выделить ряд ее методических особенностей

- 1) объективизм и эмпиризм, примат прикладной социологии над теоретической
- 2) ориентация на макроуровень, системный, структурный и функциональный подходы
- 3) междисциплинарность;
- 4) приоритет количественных исследований, разработка и применение математических методов в социологии

Для достижения объективизма исследований коллектив уделял особое внимание разработке строгих, логически выверенных программ исследования, надежного и достоверного инструментария, ориентированного на количественные методы сбора информации и анализа данных¹. Внимание исследователей было сосредоточено на выявлении многообразия внутренних связей сельской местности и его отношений с внешним окружением

Первый этап работы (до середины 1970-х гг.) Заславской Т.И. и ее коллектива характеризуется следующей тематикой исследований: 1) миграции сельского населения; 2) распределение по труду и трудовые ресурсы в сельском обществе; 3) методика социологического исследования. Отдельные исследовательские группы специализируются на изучении отдельных подсистем

¹ См.: Образ жизни сельского населения (методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). – Новосибирск: Наука, 1979; Методология и методика системного изучения советской деревни / Под ред. Заславской Т.И. – Новосибирск, 1980.

деревни (личное подсобное хозяйство, материальное потребление, доходы сельского населения, сельский образ жизни и т. д.).

Если Ковалев С.А. полагал, что сельское расселение необходимо рассматривать «в его собственных границах, а не по административно-территориальному делению», то Заславская Т.И. основывает изучение сельской местности на четко фиксированном АТД, выделяя это как одно из преимуществ.

Углубляя данную тематику, Заславская Т.И. и Рывкина Р.В. выделяют концепции размещения городских и сельских поселений: 1) дихотомическая, отражающая четкое разделение на город и село; 2) континуальная, в крайних точках которой находятся городские агломерации и сельские населенные пункты; между ними – непрерывное пространство объектов, по мере движения к агломерации меняется социальная структура, уровень инженерной обеспеченности, плотность населения, усложняется структура сферы приложения труда; 3) «многомерная», акцентирующая внимание на рассмотрении характера взаимодействия города и села в разных плоскостях.

Более глубоко развитие направление эволюции расселения получило в работах Зайончковской Ж.А. с середины 1980-х годов. В ее работах внимание сосредотачивалось именно на трансформации влияния города на сельскую местность. Она выделяет три основные стадии эволюции расселения:

1) автономное развитие сельского и городского расселения, главным признаком этой стадии является параллельность в развитии;

2) концентрация сельского расселения – этой стадии присуще разнонаправленное развитие сельского расселения на периферии и концент-

рация его в пригородных зонах, главным типологическим признаком становится местоположение сельского пункта по отношению к городу;

3) интегрированное расселение, которое складывается в агломерациях, благодаря высокой подвижности населения, высокой плотности транспортной сети, большей диверсификации мест приложения труда.

К концу 1980-х произошли изменения в сфере интересов новосибирских социологов: создана концепция социального механизма развития экономики (СМРЭ), призванная интегрировать эмпирические и теоретические наработки предыдущих периодов.

Основной тезис позиции социологов состоял в том, что советская система игнорировала взаимосвязь социально-культурных экономических процессов, не учитывала специфику поведения социальных групп и не использовала в полной мере потенциал общества. Смена приоритетов исследования происходила параллельно с трансформацией самого коллектива: сопровождалась переездом ряда ученых в Москву, в том числе Заславской Т.И., Зайончковской Ж.А., позже Рывкиной Р.В.

Важно отметить научное взаимодействие между географической и социологической школами в Новосибирске, что позволило дополнить подходы к исследованиям. Зубаревич Н.В. отмечает¹, что это сотрудничество позволило дополнить собственные социологические новаторские разработки пониманием комплексного воздействия базовых факторов на социальные процессы развития поселений: людности, плотности сельского населения, специализации хозяйства, положения относительно транспортных магистралей, городов.

□□□□ □□□ □□□ □ □□□□ □□□□ □

□ □□□□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ (□□□□□□ 1990-□ □□. – 2005 □.)

С начала 1990-х гг. в России появились новые направления исследования сельской местности, возникли новые темы изучения и стали применяться новые подходы и методы. Одновременно с этим происходит тратата старых направлений и методов, меняется состав исследователей, происходит переформирование старых и возникновение новых центров изучения сельской местности.

Направление *этносоциологии* продолжает существовать, но исследователей интересуют современные социальные трансформации всего российского общества, и сельская местность в силу разных причин выпадает из круга пристального интереса этносоциологов.

Научный коллектив по изучению миграций населения сформирован в лаборатории Института народнохозяйственного прогнозирования

¹ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: УРСС, 2003.

РАН, под руководством Зайончковской Ж.А. В рамках этого направления характерно уменьшение работ по миграции сельского населения, что обосновывается повышенным интересом к конъюнктурным миграционным процессам, охватившим Россию: коммерческая трудовая эмиграция и иммиграция, вынужденная и незаконная миграция, миграционное законодательство. Анализ миграции в разрезе процессов урбанизации, систем расселения, изучения миграции из села в город являлся традиционной тематикой, по разным причинам отнесенной в настоящее время на второй план.

Результатом трансформации новосибирской школы стало формирование новых исследовательских центров в Москве под руководством новосибирских социологов (Заславской Т.И., Зайончковской Ж.А., Рывкиной Р.В.). Заславская Т.И. не прекратила научной деятельности, но вектор ее интересов сместился в другую сторону, вслед за происходящими в стране изменениями. Реформирование российского общества размывало устоявшуюся систему и открывало новые возможности.

Как отмечает Котельникова З.В.¹, выпускница отделения социологии факультета экономики Новосибирского государственного университета, были характерны следующие тенденции в трансформации научных исследований Новосибирской школы:

- индивидуальные работы начали доминировать над коллективными;
- сказался дефицит объяснительных способностей социологии, возможностей социологического прогноза, так как общество менялось быстрее, чем развивалась российская социология;
- ускорился процесс размежевания прикладной и теоретической социологии, функции

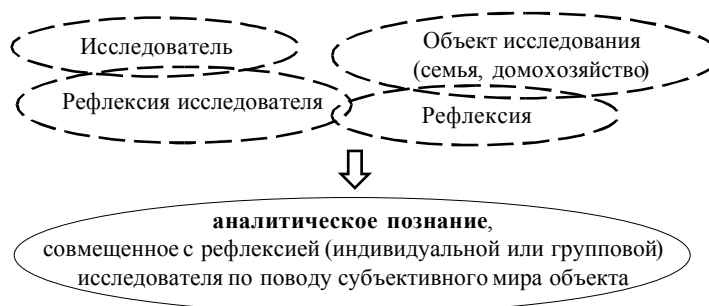
современной прикладной социологии и все больше выполняют рыночные структуры мониторинговые и маркетинговые службы.

В экономической социологии изучение сельской местности перестает быть приоритетной областью научных интересов. Аграрной социологией продолжают заниматься в Новосибирске Калугина З.И., Фадеева О.П., последняя тесно сотрудничает с МВСЭН (Московская высшая школа социальных и экономических наук). Приоритетными направлениями исследований Заславской Т.И. в Москве становятся институциональная экономика, теории посткоммунистических трансформационных процессов².

Процесс ослабления интереса к сельской местности шел параллельно с *возникновением новых центров и направлений исследования* (см. рис. 1).

Институционально оформился коллектив исследователей «Центре крестьяноведения и аграрных реформ» при Московской высшей школе социальных и экономических наук, так называемый Интерцентр. Он сформировался в начале 1990-х годов под руководством Шанина Т. Основным методическим итогом работы коллектива стала разработка методики двойной рефлексивности. Методология выработана на основе качественных длительных исследований на наиболее низких иерархических уровнях сельской местности, в семьях и домохозяйствах в различных регионах России.

Данная методология исходит из представления о том, что в ходе исследования происходит взаимное влияние исследователя и объекта исследования, активен и тот, и другой элемент. Схематично, эта система представлена в следующем виде*:



* Составлено автором.

¹ Экономическая социология. – Том 5. – № 1. – 2004.

² См.: Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. – Новосибирск, 1997; Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск, 1999; Социальная трансформация российского общества: деятельность-структурная концепция. – М., 2002.

Такой подход был совмещен с различными научными подходами тех, кто входил в состав исследовательских групп: историков, социологов, экономистов, философов, географов, в процессе совместной деятельности они могли быть дополнены опытом коллег. Интересно, что проекты охватывали последовательно самые низкие территориальные единицы: от семейного двора к местному крестьянскому сообществу, от него к уровню района. Фадеева О. отмечает, что межселенные различия определяются не факторами регионального масштаба, а ситуацией на локальном рынке труда, экономическим состоянием бывшего колхоза. Она приходит к такому же выводу о роли колхоза, что и Нефедова Т.Г., что высокоотоварное ЛПХ не возможно без устойчивой связи с колхозом даже в кубанских станицах. Отмечено также, что в результате ослабления влияния колхоза, повысился уровень самоорганизации и самоуправления, что коррелирует с выводами Нефедовой Т.Г. в ее монографии.

В целом особенность исследовательской практики Интерцентра укладываются в следующую последовательность: 1) междисциплинарность исследований; 2) крупнейший масштаб исследований; 3) приоритетным инструментарием выступают глубинные интервью, фокусные группы, неформализованные беседы, бюджетные обследования, в сочетании с количественными методами исследования; 4) многоаспектность в подходе к изучаемому объекту.

Анализ особенностей функционирования центра был интересен с точки зрения новой практики исследования сельской местности, которая дает возможность разорвать во взаимодействии механизмы жизни того или иного населенного пункта. Экстраполяция социально-экономического положения отдельного населенного пункта или района на весь регион может вызвать искажения реальной ситуации, но сопоставимость ряда выводов географов и социологов позволяет говорить о типичных процессах, характерных, как для низших иерархических уровней сельского пространства, так и в целом для региона.

Еще одним центром изучения сельской местности является *Лаборатория социальной инфраструктуры ИСЭПН РАН*. Основные задачи лаборатории – изучение условий жизни

населения, состояние и перспективы развития социальной инфраструктуры, потребление услуг населением в городской и сельской местности на уровне федерации, регионов и отдельных территориальных общностей¹. Экономический подход исследований сельской местности ярко отличается от комплексного географического.

Ряд работ «Лаборатории социальной инфраструктуры» (ИСЭПН РАН) не дает пространственного представления, их иерархический уровень либо крупномасштабен (село) или выводы касаются всей сельской местности России. Центральный тезис работ – «сельское домохозяйство интегрирует в себе человеческий и социальный капитал, который призван сыграть решающую роль, как в развитии сельскохозяйственного производства, так и гражданского общества в целом»². По мнению исследователей данного коллектива именно в терминах человеческого капитала необходимо оценивать развитие сельской местности. Разработанная методика оценки «человеческого капитала» представляет собой интегрированный показатель из трех составляющих: возраста, уровня здоровья и уровня образования сельского населения.

Одной из задач лаборатории является изучение условий жизни в сельской местности, этот анализ подкрепляется панельными социологическими обследованиями, выявляющими субъективные оценки сельским населением условий жизни (моральное, экономическое состояние, степень удовлетворенности жизнью и т. д.). На такой методический подход видимо, повлияло тесное сотрудничество с зарубежными коллегами в ряде проектов (с университетом Миссури, Южно-методистским университетом в Далласе; Университетом Санта Клара, Университетом Карлетон). Тем более что для западных исследований, как отмечает Зубаревич Н.В., характерна точка зрения, что объективные и субъективные показатели равнозначны, а показатели качества жизни определяются как комбинация объективных условий жизни и субъективного восприятия благосостояния.

Пациорковский В.В. придерживается позиции, что отношения между крупными хозяйствами и домохозяйствами должны укрепляться, но на «основе их опосредования рублем, а не натурой и бартером».

¹ www.cemi.rssi.ru

² Пациорковский В.В. Сельская Россия на рубеже веков: 1991–2001 г. – М.: Финансы и статистика, 2003.

Данный институт стоит несколько обособленно от остальных центров изучения, что косвенно можно проследить по количеству совместных работ, ссылок на исследования, участия в конференциях и семинарах и др. На формирование оригинального собственного направления исследования приведенных выше двух коллективов (для Интерцентра это крупномасштабность качественного исследования, для ИСЭПН РАН – акцент на оценку «человеческого капитала» в сельской местности) во многом повлияло *тесное сотрудничество с «западными» научными школами и университетами.*

Отмечено расширение интересов прежних исследований сельской местности в ИГ РАН. Одним из ведущих исследователей в данной области является Нефедова Т.Г. Её подход можно охарактеризовать как пространственный анализ современных проблем, особенностей взаимодействия всех элементов сельской местности, укладов. Совместные исследования Нефедовой Т.Г. и Иоффе Г.В. в большей степени касаются теперь анализа пространственной дифференциации развития сельской местности по осям «север–юг», «запад–восток», и особенно «центр–периферия». Результатом многолетней работы Нефедовой Т.Г. явилась монография, центральной темой которой стала «роль сельского хозяйства в жизни людей в различных частях страны, разный характер и разные результаты труда». Её основной тезис – переходность, промежуточность сельской России, которую по формальным признакам никак нельзя делить на городскую и сельскую, т. к. количество переходных форм организации жизни велико (что подтверждает первая часть книги, название, которой говорит само за себя – «Между городом и деревней»). Результаты сельскохозяйственной деятельности населения и предприятий рассматриваются через призму центр-периферийных отношений, демографических и расселенческих процессов, национальных особенностей, что отличает географический подход любого другого социологического, экономического Полян П., оценивая работу, отметил «по существу это работа целого института»¹. Вслед за этой монографией

уже вышла совместная с Дж. Пэллот работа², в которой ведется подробный анализ функционирования подсобного хозяйства сельских жителей, его пространственная дифференциация.

В работах Пуляркина В.А. сопоставлены особенности сельского хозяйства в разных странах. Таких межстрановых сравнений достаточно мало, а опыт познания, как происходит процесс трансформации в других странах, весьма полезен.

Начало нового тысячелетия стало периодом подведения итогов исследователей, которым 1990-е дали благотворную почву для накопления материала и его изучения.

Появляется новый ракурс исследований, акцентирующий внимание на институциональной среде села, на изменении соотношения ролей между различными институциональными структурами сельской местности: экономическими (фермеры, крупные хозяйства), властными (сельские администрации), домохозяйствами, на повышение роли ЛПХ в производстве. Это отмечают ученые, придерживающиеся разных подходов в исследовании сельской местности, например Пациорковский В.В. и Нефедова Т.Г. Слово «подсобное» в определении ЛПХ, указывая на второстепенность, не отражает реалий ведения личного хозяйства сельскими семьями на современном этапе. Не существует отдельной группы исследователей постоянно разрабатывающих тему институциональной среды сельского общества, разные ученые обращаются к анализу с этой точки зрения и экономисты, социологи, представители современной аграрной науки (см. табл. 2).

В работе Эфендиевой А.Г., Болотиной И.А., на основе обследований Белгородских сел, затрагиваются особенности функционирования домохозяйств как отдельной семьи, так и производительной единицы. Наиболее интересным является исследование в рамках этой работы «нравов повседневной жизни» (в том числе отношения к воровству). Подавляющее большинство сельских жителей демонстрируют терпимость к воровству из коллективного предприятия, причем это прямо не коррелируется с уровнем жизни населения, что отражают данные: среди живущих «бедно» признались в во-

¹ Полян П.М. Рецензия на кн. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. Татьяна Нефедова. – М.: Новое издательство, 2003.

² Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова. – М.: Новое издательство, 2006.

³ Пуляркин А.В. Характерные черты развивающихся стран в свете теоретической конструкции «Центр–периферия» // Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии. – М., 2001.

ровстве 48,9%; «кое-как» – 49%; «неплохо» – 50,%. Авторы делают вывод, что воровство – социокультурная проблема, которая приобрела легитимность в глазах населения, хотя характер взаимосвязей между домохозяйствами коллективным предприятием, как показали другие исследователи, значительно разнообразней.

Пациорковский В.В. представил новую институциональную среду в виде схемы¹, в которой взаимодействие гражданских и властных институтов с товаропроизводителями осуществляется посредством работы инфраструктуры рынка. Но именно слаборазвитость данной инфраструктуры является одним из лимитирующих факторов в развитии и сельского хозяйства, и сельской местности.

Произойдет ли рост числа прикладных разработок в сфере аграрной политики, которые осуществляются в РАСХВИАПИ. Они представляют собой экономический анализ, значительная часть которого нацелена на выработку рекомендаций и предложений в сфере аграрной политики. Разработаны методологические особенности проведения сельскохозяйственной переписи, которые были реализованы во время ее проведения летом 2006 года.

Необходимость переписи обусловлена, по мнению Петрикова А.В., следующими факторами: 1) перепись не проводилась с 1920-х гг.; 2) в сельском хозяйстве ведутся переписи по отдельным аспектам: посевные площади, скот; 3) ряд показателей предоставляется только в агрегированном виде; 4) требуется более четкий учет деятельности хозяйств населения, фермеров; 5) необходимость переписи объясняется не только ее важностью для управления и контроля, но потребностью науки в усовершенствованной информационной базе.

Еще один блок исследований представлен экономическими исследованиями в сфере аграрной экономики и аграрной политики различных институтов, в которых анализируется в большей степени результаты функционирования сельского хозяйства как вида экономической деятельности.

Стоит отметить повышенный интерес исполнительной власти к проблемам сельскохозяйственного производства, что отразилось в национальном проекте «Развития АПК», который включает три основных направления: «Ускоренное развитие животноводства», «Стиму-

лирование развития малых форм хозяйствования» и «Обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе». К малым формам хозяйствования отнесены не только крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ), но и личные подсобные хозяйства населения, что свидетельствует об осознании значимости ЛПХ как товарного производителя на всех уровнях российского общества.

Новое направление в научных исследованиях сельской местности было вызвано *изменением в законодательстве страны* (№131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003), касающемся новых принципов местного самоуправления. Результаты реализации этого нормативного акта, влияние на территориальную организацию сельской местности изучаются на географическом факультете МГУ, а также в Интерцентре.

Каждый период характеризовался своими особенностями, новыми методологическими наработками, опытом и материалами для исследований, к которым обращается каждое следующее поколение исследователей. Изменившийся характер самой сельской местности, ее усложнение отражается и в многообразии уровней и характеров взаимодействия ее основных институтов (сельских семей, ЛПХ, крестьянско-фермерских хозяйств, новых интенсивных вертикально интегрированных производственных цепочек, крупных хозяйств), усилении влияния внешних условий (политики государства), схем финансирования (государственной, различными фондами, в т. ч. зарубежными). Это привело к появлению новых подходов исследования (институциональный агро-экономический, качественный социологический подходы и т. д.), на что не в последнюю очередь повлияло и международное сотрудничество ученых разных стран. Появление новых форм международного сотрудничества (совместные проекты, создание центров в России) способствовало рождению новых направлений работ по исследованию сельской местности.

Усилилось разнообразие как самих центров, групп исследователей, так и аспектов изучения сельской местности и сельского хозяйства.

Вышеприведенные выводы Котельниковой З.В. с большой степенью вероятности

¹ Научный доклад лаборатории социальной инфраструктуры ИСЭП РАН «Российское село 1999–2001 гг.» // www.isesp-ras.ru

можно распространить на исследования, которые проводятся в настоящее время в сельской местности.

По данным интервью с ведущими специалистами в этой области можно сделать вывод, что в условиях перехода советской науки в российскую науку и уменьшения средств, направляемых из государственного бюджета на фундаментальные научные исследования, изменился в значительной степени и сам характер этих исследований.

В данном случае эти изменения мы рассматриваем на частном примере научных исследований сельской местности, ранее достаточно активно финансировавшихся. Это давало возможность образования и функционирования больших научных коллективов, проведения крупномасштабных полевых исследований с массовыми опросами населения или детальнейшим анализом статистических данных на уровне населенных пунктов.

Изменение форм финансирования выразилось в виде снижения государственного финансирования, но увеличения возможности получать средства на исследования из различных фондов, это в том числе повлияло и на расширение подходов изучения к объекту исследования.

Соответственно произошло, с одной стороны, расширение применяемых методов, а с другой – сужение возможностей детального статистического анализа, даже на уровне районов, не говоря уже про уровень отдельных СНП.

Эти же или сходные процессы идут и в других направлениях географии, и в других науках. Мы на примере исследования сельской местности как наименее конъюнктурного и поэтому более рельефно отражающего проблемы как наук, так и общей ситуации в стране, показали в детальном приближении, что происходит в этой сфере научных исследований.



1. Алексеев А.И. Ковалев С.А. Социально-географические исследования в современный период ускорения развития страны. – М., 1987.
2. Алексеев А.И. Многоликая деревня. – М., 1990.
3. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. – М.: Мысль, 1971.
4. Арутюнян Ю.В. Современные этносоциальные процессы на селе. – М., 1986.
5. Вишневский А.Г. Серп и Рубль. Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998.
6. География населения и социальная география 1985–1996. – М.: УРСС, 2001.
7. Город и Деревня в Европейской России: 100 лет перемен. – М.: ОГИ, 2001.
8. Образ жизни сельского населения (методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизни деятельности) / Под ред. Заславской Т.И. – Новосибирск: Наука, 1979.
9. Заславская Т.И. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ. – Новосибирск, 1980.
10. Методология и методика системного изучения советской деревни / Под ред. Заславской Т.И. – Новосибирск, 1980.
11. Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. Новосибирск, 1997.
12. Зубаревич Н.В. Проблемы формирования жилого фонда сельских поселений Нечерноземья // Географические аспекты развития сельской местности Нечерноземья. – М., 1989.
13. Зубаревич Н.В. Проблемы жилищной политики на селе // Расселение, жилищная политика и архитектурно-строительный комплекс. – М., 1990.
14. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. – М.: УРСС, 2003.
15. Иоффе Г.В. Освоенность территории и сельское хозяйство в Европейской части СССР // Известия АН СССР. – Серия география. – 1990. – № 2.
16. Калугина З.И. Новое время – новые задачи: институциональный подход к изучению трансформационных процессов // Социальная траектория реформируемой России. – Новосибирск, 1999.
17. Ковалев С.А. Сельское расселение: географическое исследование. – М., 1963.
18. Ковалев С.А. География потребления и география обслуживания населения. – М., 1966.
19. Ковалев С.А. Исследование проблем сельского расселения в районах разного типа // Региональное расселение в СССР. – М., 1984.

20. Ковалев С. А. Региональное расселение в СССР // Исследование проблем сельского расселения в районах разного типа. – М., 1984.
21. Ковалев С. А. Ковальская Н.Я. География населения СССР. – М., 1980.
22. Лухманов Д.Н. Эволюция сельского расселения в первой половине XX в., в 1959–1989 гг. // Город и деревня Европейской России: сто лет перемен / Под ред. Нефедовой Т.И., Поляна П.М., Трейвиша А. – М.: ОГИ, 2001.
23. Мадюскин П.Н. Территориальная дифференциация уровня и качества жизни населения России: Диссертация. – М., 2005.
24. Мкртчян Н.В. «Западный дрейф» российской миграции // Отечественные записки. – 2005. – № 1.
25. Население России // Ежегодный демографический доклад / Под ред. Вишневского А.Г. – М., 2004.
26. Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. – М.: Новое издательство. – М., 2003.
27. Нефедова Т.Г. Индивидуальные хозяйства населения как объект географического изучения // Известия АН. – Серия география. – 2002. – № 3.
28. Нефедова Т.Г. Кризис и возможности устойчивого сельского развития в России // Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: зарубежный опыт и проблемы России. – М., 2005.
29. Нефедова Т.Г. Регионализация в сельском хозяйстве // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. – М., 2001.
30. Нефедова Т.Г. Три уклада современного сельского хозяйства России: специфика и взаимодействие // Вестник Евразии. – 2002. – № 1.
31. Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна королева? – М.: Новое издательство, 2006.
32. Никулин А. Крупхозы современной России / Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. – М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002.
33. Никулин А. Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: МВШСЭН, 2001.
34. Никулин А. Современные исследования сельской России // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / Под. ред. В. Куренного. – М., 2006.
35. Отчет о научно-исследовательской деятельности за 2004 г. – М: РАСХН ВИАПИ, 2005.
36. Пациорковский В.В. Сельская Россия на рубеже веков: 1991–2001 гг. – М.: Финансы и статистика, 2003.
37. Пациорковский В.В. Институциональные преобразования и изменения условий жизни населения в сельской местности России в 1991–1999 гг. // Трансформация экономических институтов в постсоветском пространстве России. – М.: МОНФ, 2000.
38. Пациорковский В.В., О'Брайн Д., Вегнер С. Сельская местность в 1991–2001 гг. // Народонаселение. – 2003. – № 3.
39. Полян П. М. Рецензия на кн. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. Татьяна Нефедова. – М., 2003.
40. Пуляркин А.В. Характерные черты развивающихся стран в свете теоретической конструкции «Центр–периферия» // Регионализм и централизм в территориальной организации общества и региональном развитии. – М., 2001.
41. Серова Е.В. Предпосылки и сущность современной аграрной реформы в России // Вопросы экономики – 1995. – № 1.
42. Серова Е.В. Аграрная экономика. – М., 1999.
43. Социально-экономические и экологические проблемы сельской местности. Материалы конференции. – Саранск, 2000.
44. Фадеева О. Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. – М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002.
45. Фадеева О. Современное российское село: путешествие в параллельные миры. Модель «слоеного пирога» или еще раз об аксиоме параллельности // [http: /www. ruralworlds.ru](http://www.ruralworlds.ru)
46. Штейнберг И. Останется ли в России крестьянин // Отечественные записки. – 2003. – № 2.
47. Штейнберг И. Дифференциация продолжается: репродуктивные круги богатства и бедности в сельских сообществах России // Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России. – М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002.
48. Экономическая социология. – Том 5. – 2004. – № 1.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

□.□.□ □ □□□ □
(□.□□□□□□)

МИКРОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ (НА ПРИМЕРЕ КОЛОГРИВСКОГО РАЙОНА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Baburin V.L.

MICROGEOGRAPHICAL ANALYSIS OF THE RURAL AREAS SOCIAL-ECONOMIC DYNAMICS (BASED ON THE EXAMPLE OF KOLOGRIVSKY DISTRICT OF THE KOSTROMSKAYA REGION)

The article deals with the analysis of the dynamics of the social-economic development in a typical rural area in the central part of Russia (based on the example of Kologrivsky district of the Kostromskaya region)

Для исследования проблем периферийных сельских территорий был избран Кологривский район Костромской области, расположенный на севере области на удалении более 70 км от ближайшей железной дороги (см. рис. 1). Площадь района – 3,5 тыс. кв. км, при этом 90% территории района покрыто лесом.

Предварительный анализ социально-экономической ситуации в Кологривском районе показал, что наиболее острой проблемой является демографическая. В абсолютном большинстве из 80 поселений района происходит сокращение численности населения в результате как его естественной убыли, так и миграционного оттока. В настоящий момент в районе осталось 8,0 тыс. чел. населения (против 8,6 тыс. чел. в 2003 г.), в т. ч. 3,5 тыс. чел. (против 3,7) в г. Кологриве и 4,5 тыс. чел. в сельской местности (против 4,9 в 2003 г.). При этом преобладают малые поселения, в т. ч. с численностью менее 10 чел. – 24 с.н.п., без постоянного населения – 22 с.н.п. (см. график 1). Численность более 200 чел. имеет лишь 9 с.н.п., однако в них проживает более половины сельского населения района.

Особенностью системы расселения Кологривского района является его концентрация

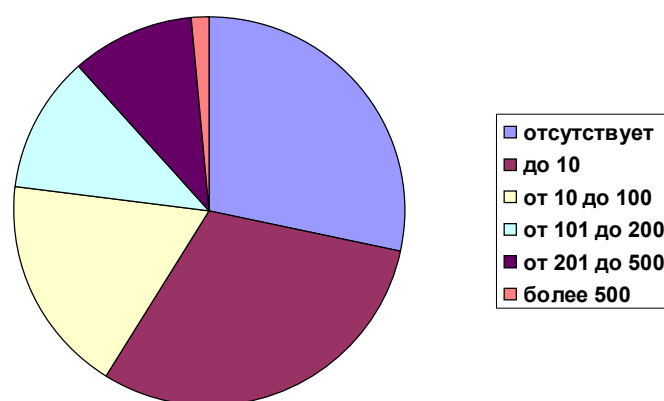
вдоль долины р. Унжы (за пределами долины реки населенные пункты с постоянным населением практически отсутствуют), которая одновременно, в силу наличия лишь одного мостового перехода в районе г. Кологрив является важным природным и социально-экономическим рубежом, делящим ее на две подгруппы.

1. Правобережная подгруппа включает в себя населенные пункты Панговского сельского поселения с общей численностью 164 чел. (3,6% общей численности сельского населения района), Илешевского – 708 чел. (15,7) и Суховерховского – 720 чел. (16) сельских поселений. Таким образом на правобережье приходится чуть более 1/3 сельского населения и менее 1/5 общей численности населения района. Подобное распределение населения, с учетом барьерной функции р. Унжа, следует рассматривать как благоприятный фактор для поддержания заповедного статуса Кологривского леса.

1.1. Панговское с.п. расположена на крайнем севере района, на правом берегу р. Унжа в максимальном удалении от районного центра (52 км). Из четырех с.н.п. лишь в трех имеется постоянное население, при этом на пос. Даравка приходится почти 90% общей чис-



1.



1. **Introduction**

ленности сельского поселения, что является благоприятным фактором (с учетом близкого расположения остальных с.н.п.) для решения проблем социально-экономического развития данной территории, а следовательно, сохранения населения и в отдаленной перспективе в масштабах, необходимых для обслуживания северной части заповедника и прилегающих к нему территорий. Следует также отметить, что это единственное сельское поселение района, увеличившее за последние 4 года численность населения.

1.2. Южнее, на значительном расстоянии
вдоль правого берега вытянулась группа с.н.п.

Илешевского сельского поселения вдоль основной дороги, идущей от мостового перехода в северном направлении (24 км от районного центра). В составе данного муниципального поселения 11 с.н.п., в двух из которых постоянное население отсутствует. Крупнейшими с.н.п. являются поселки Варзенга (40% населения) и Красный Бор (33), а также дер. Овсяниково (16), которые в общей сложности концентрируют свыше 90% населения. В целом данная подсистема расселения более дисперсная и значительная часть ее с.н.п. удобнорасположены по отношению к восточной части заповедника. Кроме того, южные поселения расположены

Кроме того, южные поселения расположены

относительно недалеко (15 км) от районного центра, связаны с ним мостовым переходом и дорогой с улучшенным покрытием.

1.3. Южную часть правобережья занимают 20 населенных пунктов Соховерховского с.п. Это наиболее многоселенная правобережная подсистема и одновременно самая протяженная, хотя ее наиболее северные с.п. расположены в нескольких км от районного центра. По степени дисперсности расселения она схожа с Илешевской подсистемой, но в целом уровень концентрации здесь ниже. На наиболее крупный с.п. – д. Суховерхово приходится 42% населения с.п., следующие два по численности населения с.п. концентрируют около 18% населения подсистемы каждый. Еще на одно поселение приходится 11%. Данная подсистема имеет невыгодное транспортно-географическое положение, ибо любые выходы на межселенные и внерайонные коммуникации возможны только через г. Кологрив.

2. Левобережная подгруппа включает в себя с.п. Черменинского с.п. – 306 чел (7% сельского населения района), Ужугского с.п. – 760 (около 17), Тодинского с.п. – 771 (17), Ильинского с.п. – 915 (20) и Высоковского с.п. – 195 (4). Общая численность сельского населения левобережья 2947 чел или 2/3 сельского населения или 1/3 общей численности населения района. Столь существенное превышение в численности населения по сравнению с правобережьем связано с прохождением здесь основных коммуникаций, связывающих районный центр с другими поселениями области, а также отсутствием природного барьера в виде р. Унжа для связей с райцентром и что еще более важно – с остальными регионами Костромской области.

2.1. Черменинское с.п. включает в свой состав 6 компактно расположенных с.п. из которых только два (пос. Октябрьский и дер. Черменино) имеют постоянное население, доля его в отношении 2 к 1. Это наиболее периферийная левобережная подсистема расселения, что определяет и общие негативные тренды ее динамики.

2.2. Ужугское с.п. расположено на небольшом удалении от районного центра. В его составе всего три с.п., но почти все население сосредоточено в двух поселках, однако расположенных на значительном удалении друг от друга – Ужуга (2/3 населения подсистемы) и Колохта (1/3). Оба поселения тесно связаны с лесозаготовительной отраслью и на перспективу остаются основными базовыми поселениями лесозаготовки на левобережье, да и в районе

в целом. Именно они, в случае реализации проекта «Модельный лес» получают наибольшие социально-экономические преимущества.

2.3. Тодинское с.п. непосредственно прилегает к районному центру и его населенные пункты фактически являются пригородом г. Кологрива, что определяет относительно лучшую динамику всех показателей социально-экономического развития. Хотя в трех из семи с.п. постоянное население отсутствует, остальных оно распределено достаточно равномерно – дер. Тодино (41%), пос. В. Унжа (31%), дер. Судилово (24%), дер. Березник (6). Очевидно, что и перспективы развития у этой подсистемы одни из наиболее благоприятных.

2.4. Ильинское сельское поселение наиболее многоселенное из всех подсистем сельского расселения района, оно включает в свой состав 20 с.п. из которых правда 9 вообще не имеют постоянного населения, а еще в 3 проживает менее 5 чел. в каждом. Одновременно оно самое дисперсное по характеру распределения населения. В сел. Ильинское проживает лишь 24% населения подсистемы. Почти столько же в пос. Воймас (23%), чуть меньше в д. Маракино (21%). Еще в 4 с.п. проживает от 3,5 до 10% общей численности населения с.п. в каждом. Подобное расселение в принципе, при прочих равных условиях, в сочетании с хорошей инфраструктурой освоением территории создает наилучшие в районе предпосылки для сохранения, а в перспективе и восстановления сельского хозяйства.

2.5. На крайнем юге района расположено самое мелкоселенное Высоковское сельское поселение. Из 8 с.п. в его составе в 7 проживает менее 10 чел. в каждом, а на дер. Высоково приходится 90% населения подсистемы. Таким образом, данная подсистема расселения сочетает в себе черты сверхвысокой концентрации населения в ядре и дисперсности территориальной структуры в целом.

Особенности общей демографической ситуации района заключаются в том, что отрицательная динамика естественного движения населения превышает 17 промилле, что более чем в три раза превышает среднероссийский уровень. Это общая динамика складывается из снижающейся рождаемости (от 74 чел в 2002 г., до 62 в 2005) и сохраняющейся на достаточно высоком уровне смертности (270–220). В итоге только за счет естественной убыли население района сокращается на 150–200 чел. ежегодно. Усугубляет ситуацию отрицательное сальдо

Общие негативные демографические процессы еще более рельефно выступают при анализе ситуации в образовании, которое в значительной степени выполняет функцию воспроизводства трудовых ресурсов. Если в 1995/96 учебном году в образовательных учреждениях района обучалось 1583 чел., то к 2005/06 учебному году их численность сократилась до 790 чел., почти в два раза. В 2005 г. в образовательных учреждениях обучалось 862 чел., что на 113 меньше, чем в предыдущем году. Учитывая, что школу окончили в том же году 100 человек, это дает основание утверждать, что в первые классы поступило около 40 чел. При сохранении подобной тенденции к 2015 г. в образовательных учреждениях района будет обучаться не более 150–200 чел., а это значит, что возможности пополнения рынка труда за счет собственных трудовых ресурсов окажутся полностью исчерпанными. Кроме того, следует учитывать, что из 78 выпускников 11 классов в вузы и техникумы поступило 59 чел. (т. е. 3/4). Опыт показывает, что большинство из этого контингента в район не возвращается.

Численность экономически активного населения в результате всей совокупности демографических и общеэкономических факторов постоянно сокращается, причем с ускорением, и в настоящее время составляет 4,3 тыс. чел. (против 4,6 в 2003). Наиболее значительные трудовые ресурсы в Кологриве, Ильинской, Тодинской, Ужугской и Суховерховской администрациях. При этом важно подчеркнуть, что при общем сокращении численности населения во всех сельских поселениях (за исключением Понговского с.п.), благодаря вступлению в трудоспособный возраст в последние годы представителей третьей многочисленной послевоенной волны трудовые ресурсы почти всюду выросли, за исключением Суховерховского и Ильинского сельских поселений (см. табл. 1).

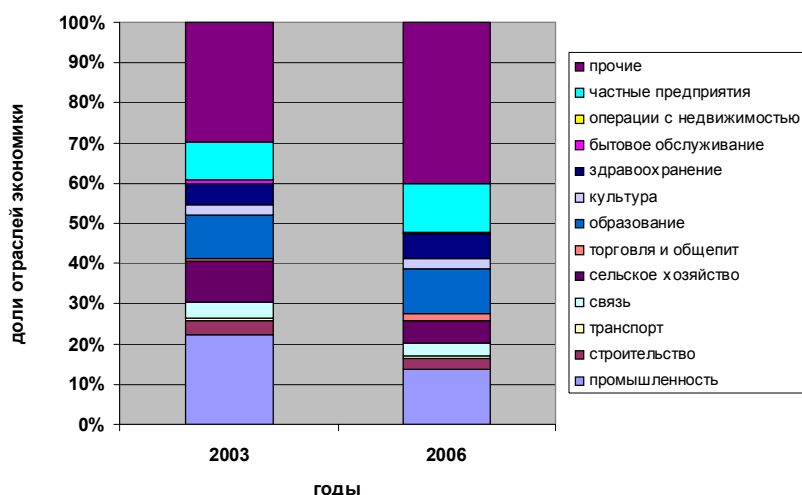
□□□□□□ **1**

Наименование с.п.	Удаленность от райцентра (км)	Численность населения / в т. ч. трудоспособного (чел.)			
		2003	2003 доля трудоспособного населения (%)	2006	2006 доля трудоспособного населения (%)
Высоковское	38	208/81	39	178/103	58
Ильинское	20	987/596	60	904/566	63
Илешевское	24	753/362	48	684/365	53
Понговское	52	140/51	36	156/53	34
Суховерховское	3	744/423	57	713/419	59
Тодинское	1	787/397	50	752/390	52
Ужугское	20	786/401	51	739/409	55
Черменинское	38	340/138	41	312/167	54
г. Кологрив				3526/2218	63
в целом по району		8566/4580	53	8000/4340	54

Таблица составлена по данным кологривской администрации.

Общее социально-экономическое неблагополучие ведет к ухудшению *криминогенной ситуации*. Рост преступности достигает 20–25% в год. Особенно резко (в 3–6 раз) возросло за последний год количество тяжких и особо тяжких преступлений и причинения тяжкого вреда здоровью. При этом треть всех преступлений совершена в состоянии алкогольного опьянения.

Если, с учетом определенной некорректности применения понятия ВРП к муниципальному уровню, оценить его душевые показатели (22 тыс. руб), то это будет цифра в несколько раз ниже среднероссийских показателей («среднедушевая» заработная плата в 2005 г. составила 12,1 тыс. руб), что многократно меньше, чем среднероссийские показатели.



При этом средняя заработная плата работающих в том же году составила 26,6 тыс. руб. (почти в 4 раза ниже средней по России величины номинальной заработной платы). Очевидно, что при подобных параметрах экономики ни о каком самофинансировании развития и бюджетной самостоятельности муниципально-го образования не может быть и речи.

Вывод: существующая специализация экономики района, глубина переработки сельскохозяйственного и биологического сырья не обеспечивают соответствующий современным требованиям саморазвития территориальных систем уровень производительности труда и производного от него уровня доходов населения.

В лесном комплексе, который остается ведущим сектором экономики района, в 2005 г. всеми основными лесозаготовителями было заготовлено 254 тыс. куб. м. древесины (127% к уровню 2004 г.) Объем производства продукции в текущих ценах составил почти 90 млн. руб. Крупнейшими предприятиями отрасли являются: ООО «Кологривлеспром» (54% от общего по комплексу объема производства), ООО «Кологривлестранс» (26), ЛПХ-1 (7). В среднем стоимость одного куб. м заготовленной древесины составила менее 350 руб, в то время как при глубокой переработке древесины и ориентации на цены мирового рынка эти объемы могут быть увеличены в несколько раз. При этом следует иметь в виду, что расчетная лесосека лесного фонда района более чем в три раза превышает современные объемы лесозаготовки. Другое дело, что в эксплуатацию вовлечены наиболее качественные и легкодоступные древостои, что неизбежно приведет к росту издержек лесозаготовительной отрасли по мере исчерпания этой части лесных ресурсов района.

Таким образом, в качестве главной проблемы лесного комплекса можно выделить резкое сокращение вывозки за пределы района необработанной древесины. При сохранении подобной ситуации бедность будет неотъемлемым атрибутом образа жизни подавляющей части его населения.

В сельском хозяйстве в 2005 г. объем реализации продукции составил 13,2 млн руб. (109% к уровню предыдущего года). Однако подобные объемы не позволяют хозяйствам выйти на безубыточный уровень производства. Продолжается сокращение поголовья скота в среднем на 10% в год: в настоящее время молочное стадо не превышает 500 голов. Объемы производства мяса на душу населения (73 кг),

хотя и существенно выше, чем в среднем по России (50 кг), тем не менее среднегодовая выручка от его продажи (менее 7 тыс. руб), не обеспечивает значимую доходность домашних бюджетов с учетом растущих издержек производства. Надои молока в 2005 г. составили 114 л/чел., что не обеспечивает даже собственное потребление (среднероссийский уровень душевого потребления молока составил в 2004 г. 233 л, в развитых странах более 350, даже в Таджикистане он составил 130 л). При этом привесы скота снижаются. Крайне низка урожайность в растениеводстве (менее 8,4 ц/га в 2005 г.), что ставит его на грань рентабельности. Ежегодное списание парка тракторов достигает 20% и без принятия мер по его обновлению он исчезнет в течении ближайших 5 лет.

Таким образом, можно констатировать, что сельское хозяйство не является сегодня отраслью специализации экономики района, ибо не обеспечивает даже внутреннее потребление в основных видах продовольствия, а большинство хозяйств остаются убыточными, не имея перспектив стать прибыльными.

Крайне незначительна роль *малого бизнеса* в экономике района. На территории муниципального образования функционирует лишь 121 субъект малого предпринимательства, из них более половины – в розничной торговле и менее четверти – в промышленности. В среднем на один хозяйствующий субъект приходится 2 работника, что свидетельствует об абсолютном преобладании индивидуальных частных предпринимателей. По оценке администрации, удельный вес объема производства в малом бизнесе может быть оценен в 38% от общего объема, в то время как удельный вес в налогах – 8%. При всей важности малого бизнеса для обеспечения занятости его низкая доля в налогах говорит о преобладании тенденций к укрывательству от налогов.

В условиях дефицита всех видов ресурсов районе практически не ведется новое *строительство*. В 2005 г. в районе велось строительство 21 дома средней площадью 80 кв. м., из которых лишь 2 строили организации, а остальные – частные застройщики. В строй введено лишь 8 домов средней площадью 80 кв. м. и один лесопильный цех в д. Пехарово с населением 31 чел, что говорит о неизбежной близкой проблеме отсутствия здесь кадров.

Следствием слабости экономики района является дотационный характер его *бюджета*. Из утвержденных на 2005 г. доходов в размере

64 млн руб, лишь 24% (менее 1/4) пришлось на собственные доходы. При низкой рентабельности основных секторов экономики (лесного комплекса и сельского хозяйства) основной статьёй доходной части бюджета по собственной доходной базе является доход с физических лиц (45%). В условиях отсутствия глубокой переработки лесной и сельскохозяйственной продукции, сохраняющейся бедности населения и преобладания серых схем в экономике, прежде всего в лесном комплексе, возможности расширения собственной налоговой базы крайне ограничены.

В расходной части основная часть бюджета идет на выплату заработной платы работникам бюджетной сферы (свыше 60%) и эта статья расходов имеет постоянную тенденцию к повышению, что косвенно характеризует нарастающую иждивенческую направленность бюджетных расходов.

Анализ состояния *здоровья населения* показывает, что больным является каждый 9 житель района и в среднем на одного жителя приходится в год 4 посещения медицинского учреждения. В 2005 г. в районе умерло 233 чел., в т. ч. 13% от неестественных причин. Но основными причинами, как и всюду, являются сердечно-сосудистые заболевания (45%), еще 19% пришлось на неврологические заболевания. Удельный вес этих двух причин возрастает, что отражает прогрессирующее старение населения района. В качестве позитивного явления следует отметить некоторое сокращение смертности в трудоспособном возрасте, однако тот факт, что 1/5 всех смертей приходится на эту возрастную категорию, свидетельствует об общем социально-экономическом неблагополучии в районе. Обеспеченность кадрами, больничными койками и другими формальными показателями, с помощью которых оценивается уровень здравоохранения, несколько выше, чем в среднем по России.

Однако уровень предоставляемых услуг, в первую очередь за счет низкой технической оснащённости, не позволяет существенно снизить как общую заболеваемость, так и смертность населения.

С точки зрения возможности получения среднего и основного *образования* наиболее перспективными являются сельские населенные пункты, в которых имеются школы – Варзена, Колохта, Чежема, Понгово, Ужуга, Черменино, Суховерховье Ильинское и Илешево. Именно они являются цементирующим зве-

ном, обеспечивающим сохранение существующих подсистем расселения. Поэтому вне зависимости от их комплектации принципиальное значение имеет их сохранение, как и учительских коллективов – костяка местной интеллигенции.

По результатам проведенного анализа, можно сделать ряд предварительных заключений.

1. Для района характерно состояние активной депопуляции населения. При среднем по России значении естественной убыли – 5 промилле, в районе она достигает 17,9 промилле, что при сохранении существующей тенденции приведет к полному обезлюдению района уже к 2030 г., особенно с учетом сохраняющегося устойчивого отрицательного сальдо миграций.

2. На фоне сокращения населения и трудовых ресурсов для района характерен дефицит мест приложения труда, что поощряет трудоспособное население, и в первую очередь молодежь, выезжать за его пределы. Таким образом формируется замкнутый круг с эффектом «шагреневой кожи».

3. В условиях необходимости сохранения социальной инфраструктуры постоянно увеличивается доля расходов на содержание бюджетной сферы, как следствие – район становится все более дотационным.

4. Сельское хозяйство утратило значение отрасли специализации и при сохранении существующих тенденций уже к 2010 г. район станет дефицитным по сельхозпродукции.

5. Лесной комплекс в его современном состоянии не обеспечивает необходимой экономической базы для существования населения и формирования доходной базы муниципальных бюджетов.

Отдельным исследованием явилось проведение *социологического опроса* по территории района.

Предварительные результаты опроса показали, что 36% опрошенных жителей правобережных подсистем расселения проживают здесь с рождения. Еще 25% переехало из других с.н.п. Кологривского района. Еще 12% приехало из других районов Костромской области и соседних районов Вологодской (в основном в пограничную северную Понговскую подсистему. Если учесть, что из общего числа приезжих 60% проживает в своих поселениях более 20 лет и еще 20% от 10 до 20 лет, то можно сделать вывод, что в с.н.п. правобережья практически отсутствует приток нового населения (см. табл. 2).

□ □□ □□ □□□□□□ □□□□ □ □□□ □□□□□□ □□□□
 □□□ □□□ □□ □ □ □ □

Район выезда	Количество (чел)
Из других н.п. Кологривского района	34
Из других районов Костромской области	10
Из Вологодской и Ярославской областей	8
Из других районов России	16
Из стран ближнего зарубежья	12
Приезжают только на лето	9
Не ответили	4
Живут здесь с рождения	53
Итого	146

Таблица составлена по результатам опроса населения правого берега р. Унжа.

Среди мотивов приезда основным (46%) является приезд по семейным обстоятельствам это хорошо коррелирует с количеством приехавших из соседних поселений Кологривского района и ближайших областей. Вторым по значимости мотивом (43%) является поиск работы, что в совокупности с распределением в советский период (10%) дает более половины мотивации. Это крайне важный результат опроса, т. к. позволяет сделать вывод, что именно *решение проблем занятости может не только остановить отток населения из района, но и стать важнейшим фактором привлечения мигрантов.*

Сравнение результатов опросов по левобережному и правобережному подсистемам расселения показало резкое различие отношение жителей разных берегов Унжик созданию заповедника. Если жители правого берега в целом

относятся к созданию заповедника скорее негативно, то жители левого, напротив, в принципе не возражают против его создания. Однако негативное отношение в значительной мере основано на утере части доходов связанной с браконьерством, и при компенсации этих потерь другими, связанными с лесом, видами занятости подобное отношение может быть изменено.

Другой важный вывод, который позволяет сделать опрос, состоит в том, что примерно для трети жителей лес играет значительную роль в жизни и доходах, еще четверть в той или иной степени зависит от доходов от лесного сектора.

Таким образом, современная низкая доходность лесного комплекса в связи с отсутствием рациональных схем его использования и глубокой переработки древесины в районе является основной причиной бедности в районе.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Gladkova O.N.

TRANSFORMATION OF EDUCATIONAL AND MEDICAL SERVICES IN RURAL AREAS IN THE POSTSOVJET PERIOD

This article is devoted to the tendencies of the service sector in the rural area of Russia from the beginning of the 90s of the 20th century till now. The future of the rural areas depends on the development level of such social significant services like medicine and education. The new factor of the transformation of the service sector in rural areas (that is the adoption of the statute of the municipal government) is analysed on the example of some municipal areas with different economical-geographical locations and socio-economic situations.

В настоящее время в географической науке мало исследований, посвященных социальной сфере. В то же время многие социальные проблемы сельской местности остаются острыми и актуальными, тем более, что кроме старых тенденций – сокращения числа учреждений образования, медицины, культуры, протекающих на фоне кризиса в сельском хозяйстве, сложной демографической ситуации, миграционного оттока населения – появляются новые факторы, которые смогут повлиять на развитие сферы обслуживания в сельской местности. Это реформа местного самоуправления, сопровождающаяся изменениями в финансировании и управлении учреждениями бюджетной сферы и их переходом на баланс местных властей. Авторы реформы считают, что при увеличении самостоятельности местных властей в управлении социальной сферой управление будет более эффективным за счет лучшей информированности местных властей о состоянии и проблемах объектов социальной сферы на местах, нуждах и потребностях местного населения.

В постсоветский период государство предпринимало ряд попыток улучшения положения социальной сферы села, но успехи в этом не достигло. В течение 90-х годов государством был принят ряд программ развития села. В 1990 году еще до распада Советского Союза

появилась программа «Возрождение российской деревни и развитие агропромышленного комплекса», предусматривающая улучшение жилищных и социально-бытовых условий сельского населения. Предполагалось ежегодно увеличивать объемы жилищного строительства на 15,7 %, строительство школ – на 41%, детских дошкольных учреждений – на 15,4%, газовых сетей – на 26%, внутрихозяйственных автомобильных дорог – на 11,7 %.

Можно сказать, что эта программа уже с момента подписания была обречена на неисполнение. Финансирование было передано с федерального на местный уровень, отсутствовал четкий механизм его осуществления. Системный кризис, долго назревавший в стране, не позволил государству заняться решением социальных проблем села.

Другими программными документами в области регулирования социальной сферы в сельской местности были: «Структурная перестройка и экономический рост в 1997–2000 годах», «Программа социальных реформ на период 1996–2000 годов». Последними по времени документами, призванными улучшить условия жизни сельского населения и способствовать развитию социальной сферы на селе была федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года» и национальные президентские проекты.

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 06-06-80166-а.

Аналитики отмечают неблагоприятные тенденции в финансировании программы – уменьшение фактического финансирования бюджетами всех уровней [4].

Первые шаги к передаче управления социальной сферой местным органам власти были сделаны в 1992 году. На основании ряда законов и постановлений (в частности, Постановления Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов») функции управления социальной сферой были переданы из ведения сельских предприятий муниципальным образованиям и специальным ведомствам.

Социально-экономическая структура социальной сферы села была неоднородной и в советский период. Она включала государственную собственность (крупные объекты культуры, санатории, дома отдыха, а также объекты инфраструктуры, состоявшие на балансе совхозов), имущество местных властей (школы, детские дошкольные учреждения, больницы, амбулатории, предприятия торговли и бытового обслуживания, культуры, физкультуры и спорта), кооперативно-колхозную кооперативную (объек-

ты, принадлежавшие потребительской кооперации), общественную (профсоюзные клубы, пионерские лагеря и другие лечебно-оздоровительные учреждения) собственность.

Принятие федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» окончательно закрепило передачу объектов социальной инфраструктуры в муниципальную собственность. Во всех изученных нами регионах процесс передачи предприятий социальной сферы в руки муниципалитетов закончен. Тем не менее, в некоторых районах предприятия несут на себе расходы по содержанию учреждений социальной сферы. Например, в Оренбургском районе «Оренбурггазпром» содержит учреждения здравоохранения.

Средства на содержание социальной сферой муниципальные образования обязаны находить из собственных бюджетов. Логично предположить, что развитие социальной сферы будет зависеть от уровня собственных доходов. Рассмотрим ситуацию с сельскими бюджетами на примере нескольких муниципальных районов.



Собственные доходы муниципальных районов формируются из местных налогов: налог на прибыль предприятий и организаций, налог на прибыль физических лиц, единый налог на вмененный доход, единый сельскохозяйственный налог, налоги на имущество (физических лиц, организаций, земельный налог); неналоговых доходов (главным образом от собственности муниципалитетов); местных займов и субсидий из центральных бюджетов. Размеры собственных доходов бюджетов зависят от уровня развития экономики района – наличия рентабельных сельскохозяйственных и промышленных предприятий, крупного агробизнеса, величины доходов населения, активности предпринимательской деятельности населения.

Региональные различия в уровне доходов местных бюджетов можно проиллюстрировать на примере Альменевского, Шадринского районов Курганской области, Кинель-Черкасского района Самарской области, Гайского и Оренбургского районов Оренбургской области (см. таблицу 1).

В Курганской области выбраны Альменевский и Шадринский районы. Альменевский район находится на юго-западе Курганской об-

ласти. Район можно отнести к депрессивным. На его территории нет крупных промышленных предприятий. По показателям выпуска промышленной продукции и сельхозпродукции район занимает предпоследнее место в области. Число прибыльных предприятий в 2004 году составляло 22%, по этому показателю район занимает последнее место в области.

Экономико-географическое положение Шадринского района более благоприятно, чем Альменевского. По его территории проходит участок железной дороги, Курган-Екатеринбург, на территории района находится город областного подчинения с населением 81 тыс. чел. (2004 г.). По объемам продукции сельского хозяйства район занимает второе место в области, производя 8% сельскохозяйственной продукции в (2004 г.), а по объемам промышленного производства – третье. В Шадринском и Шадринском районе присутствуют крупные бизнес-группы, которых более нигде нет в области («РусАгро», «Настюша», «Юнимилк»).

В Оренбургской области в качестве объектов исследования были выбраны Гайский и Оренбургский районы. Выбранные районы отличаются положением в системе «центр-

□□□□□ □ □□□□□ □ □□ □□ □□□□□

Район	год	численность населения, чел.	доходы бюджета, тыс. руб.	из них собственные доходы, %	Доходы бюджета на 1 жителя муниципального района, тыс. руб./ чел.
Гайский	2006	12 188	144 614	17	11,9
Оренбургский	2006	70 682	625 095	45	8,9
Кинель-Черкасский	2005	48 900	254 221	24	5,2
Альменевский	2006	14 700	98 786	9,5	6,7
Шадринский	2006	33 331	239 629	7,3	7,2

Рассчитано автором по данным о бюджетах муниципальных районов.

периферия» Оренбургский район – это пригородный район, Гайский является скорее периферийным. Это районы с развитым сельским хозяйством. По показателям экономического развития Оренбургский район выделяется лучшими показателями – это лидер в области по производству сельхозпродукции. По показателю производства промышленных товаров в расчете на душу населения он на порядок превосходит другие «ключевые» районы.

Следующим регионом является Кинель-Черкасский район Самарской области. Показатели уровня развития экономики Кинель-Черкасского района выглядят более оптимистично по сравнению, например, с Альменевским районом, несмотря на общие для сельской местности страны трудности – неблагоприятная ситуация на рынке производства и переработки сельхозпродукции, недостаточная развитость инфраструктуры. Это связано с высоким уровнем развития экономики Самарской области, доступностью рынков сбыта сельхозпродукции «продвинутой» политики местных властей. Динамика показателей работы ряда районных сельскохозяйственных и промышленных предприятий демонстрирует не только восстановление после кризиса 1998 г., но и наметившиеся положительные тенденции в их деятельности. В Кинель-Черкасском районе за последние годы наблюдается тенденция уменьшения числа убыточных предприятий. Доля прибыльных предприятий составляла в 2005 году около 55%, наблюдается увеличение инвестиционной активности.

Все изученные районы являются дотационными, большая часть доходной части бюджета

финансируется из бюджетов более высоких уровней. Доля собственных доходов составляет в бюджете Кинель-Черкасского района 24%. Среди изученных районов это высокий показатель, только Оренбургский район имеет более высокую долю собственных доходов в бюджете (45%). Доли собственных доходов Альменевского и Шадринского района Курганской области составляют 9,5% и 7,3 % соответственно. Самый высокий показатель доходности бюджета, рассчитанный на душу населения, имеет Гайский район Оренбургской области.

Ситуация с бюджетами сельских поселений еще более сложная. Сельские поселения не могут самостоятельно справиться с формированием бюджетов, причиной этому служит как низкая потенциальная возможность получения налогов, т. е. «фискальный потенциал» территории, так и недостаточная квалификация муниципальных служащих. Уровень дотационности в бюджетах колеблется от поселения к поселению. Например, в Погорельском сельском поселении Шадринского района Курганской области доля собственных доходов составляет 47%, тогда как средний показатель по району составляет 75%, а в некоторых поселениях достигает 1–2%, т. е. расходы покрываются полностью за счет консолидированного бюджета района.

По показателю доходов бюджета на душу населения на последнем месте оказался Кинель-Черкасский район Самарской области – 5198 руб./чел., несмотря на то, что экономическое развитие района находится на более высоком уровне по сравнению с Альменевским районом, имеющим удельный показатель доходов муниципального бюджета – 6720 руб./чел.

Таким образом, подтверждается тот факт, что удельный показатель доходов бюджета дотационного района может оказаться выше, чем в районе, самостоятельно обеспечивающем высокую долю собственных доходов в муниципальный бюджет. Отсутствует прямая связь между показателем дохода на душу населения района и уровнем социально-экономического развития района, что является следствием особенностей регулирования межбюджетных потоков бюджетов разных уровней.

В объеме расходов бюджета муниципальных районов и поселений наибольший удельный вес занимают расходы на жилищно-коммунальное хозяйство. Например, в бюджете на 2005 г. Кинель-Черкасского района они утверждены в размере 30% всех бюджетных расходов, в структуре расходов Погорельского поселения Шадринского района составляют 36%. В районах с неразвитой жилищно-коммунальной сферой, с низким уровнем благоустроенности жилищного фонда расходы на ЖКХ небольшие. Например, в расходах Альменевского района доля расходов на ЖКХ в 2006 году составляет 3,6%.

Доля расходов на образование колеблется в изученных районах от 12% в Кинель-Черкасском районе до 43% в Шадринском, 47% в Альменевском, 53% в Гайском районе. В сельских поселениях на образование и дошкольное воспитание детей тратят еще больше. В Погорельском сельсовете Шадринского района расходы

составляют 44%, сельских советах Альменевского района – 51%.

Наблюдается тенденция увеличения расходов на образование. Например, в Кинель-Черкасском районе в 2004 г. расходы районного бюджета на образование составили 115,2 млн. руб., что в 6,9 раза больше уровня 2000 г. Доля расходов на образование в совокупных бюджетных расходах района составляет 30%. Данный показатель вырос более чем в 2 раза по сравнению с 2000 г. Расходы на заработную плату осуществляются за счет трансфертов из бюджетов более высокого уровня, а основная тяжесть расходов на коммунальные расходы, фонды, хозяйственные расходы, согласно закону о муниципальной реформе, ложится на бюджеты сельских поселений. Так как доходная база бюджетов большинства сельских муниципальных районов крайне скудна, то проведение муниципальной реформы скорее усугубит состояние сети учреждений образования в депрессивных регионах.

На такую социально значимую отрасль, как здравоохранение, из бюджета тратится относительно немного: в Альменевском районе расходы составляют 10%, в Кинель-Черкасском – 12,2%, Шадринском – 10%. В расходах сельских поселений этот показатель еще ниже: в муниципальных поселениях Альменевского района – 2,4%. Финансирование отрасли осуществляется в основном за счет региональных фондов обязательного медицинского страхования.



Динамика количества школ разных ступеней показывает уменьшение числа начальных и основных (девятилетних), причем уменьшается как абсолютное их количество, так и их удельный вес в общем количестве школ (таблица 3). Данные крупномасштабных исследований в «ключевых» районах, полученные автором в результате экспедиций по сельской местности России 2005–2006 году, дают более полную картину происходящих изменений. Сокращение числа школ происходило в основном за счет сокращения числа начальных школ. Такая ситуация наблюдается практически во всех «ключевых» районах, процент закрытых начальных школ составляет от 38 до 100% от уровня начала девяностых годов. Как правило, закрываются школы, расположенные в небольших населенных пунктах с небольшим количеством учащихся.

Основной причиной служит уменьшение количества детей в сельской местности вследствие неблагоприятной демографической ситуации, с точки зрения властей, «педагогическая нецелесообразность», то есть неэффективность обучения в малокомплектных школах, число которых в сельской местности Российской Федерации увеличивается. Обеспечение качественного образования требует наличия соответствующего преподавательского состава, что в настоящих условиях на селе невозможно, так как требует больших финансовых затрат.

Переход на финансирование учреждений образования из федерального бюджета согласно подушевому нормативу грозит для регионов с малоселенным расселением и «постаревшей» демографической структурой населения резким сокращением финансирования,

особенно это коснется малокомплектных школ. Сейчас районные органы управления образованием пытаются распределять деньги равномерно между школами, таким путем поддерживая малокомплектные школы.

Новые принципы финансирования в соответствии с подушевым нормативом уже реализуются в ряде регионов, в том числе в Самарской области. Исключение составляет сельская местность Оренбургской области, где сеть школ относительно стабильна и сокращения числа школ не наблюдается. Это связано с центральностью положения района (его территория прилегает к областному центру – г. Оренбургу) стабильностью сети сельских населенных пунктов в этом регионе и растущей численностью населения района. Прирост составил с 1989 года с учетом административно-территориальных преобразований 18%. Концентрация населения в крупных селах создает условия для сохранения сети образовательных учреждений.

Достаточно благоприятная ситуация с сетью сельских школ также в Шадринском, Альменевском, Исетском районе, где сохранено 80–90% школ от уровня начала девяностых годов. В Тобольском и Кинешемском районе количество школ уменьшилось на 40–30%, практически деградировала сеть школ в Холмском районе – осталось менее половины школ, при этом в районе не осталось ни одной начальной и средней школы. Ученикам старших классов приходится ездить в районный центр. Проблемы с доставкой учащихся в школы решаются путем подвоза учащихся в школы школьными автобусами и автотранспортом предприятий. В Большеглушицком районе подвозится 297 учеников, в Кинешемском – 269, в Переволоцком – 381, в Холмском, Шадринском, Альменевском также осуществляется подвоз учащихся.

В остальных районах (Оренбургском, Гайском) не требуется массового подвоза учащихся, так как сеть учебных учреждений сохранилась и соответствует распределению населения по территории. В ряде случаев подвоз производится по инициативе родителей учеников старших классов, стремящихся, чтобы их дети учились в городской школе. Есть практика переезда учащихся старших классов в райцентры для получения более качественного образования.

Динамика сети образовательных учреждений, сочетание в структуре школьных учреждений школ разных ступеней влияет на территориальную доступность общего образования в изучаемых районах. Кроме того, на доступ-

ность влияют расселенческие показатели. Наиболее доступно образование в крупносельных районах, компактных районах с хорошо развитой инфраструктурой.

Динамика уменьшения педагогических кадров небольшая. В Шадринском районе количество учителей по сравнению с 1990 годом уменьшилось всего на 2%, в Кинешемском районе даже увеличилось на 7%. Нагрузка на одного учителя уменьшилась с девяти учеников до шести. При этом происходит уменьшение количества ставок, зачастую один учитель замещает несколько преподавателей. Во многих районах учительский состав состоит из специалистов предпенсионного и пенсионного возраста. Особенно это характерно для районов с «постаревшей» демографической структурой. С 1994 года по 1997 количество учителей-пенсионеров в Кинешемском районе увеличилось в 4 раза и составляло 21% от всего количества педагогических кадров. Этот факт смягчит последствия возможного сокращения числа занятых в сфере образования. Тем не менее, сокращение числа занятых в социальной сфере вызовет снижение доходов населения, т. к. на селе работа в бюджетной сфере для многих является основным источником денежных доходов. Экономия расходов на жилищно-коммунальном хозяйстве вынуждает к объединению школ с детскими садами в школы с дошкольной группой.

На основании изученных тенденций развития сети учреждений образования можно сделать вывод о дальнейших путях ее трансформации. Останутся средние и основные школы в крупных сельских населенных пунктах. Доставка учеников из населенных пунктов, в которых нет школ, будет осуществляться путем подвоза учащихся силами родителей и местных властей, при развитии сети интернатов для учащихся из труднодоступных территорий.

Последние тенденции развития системы образования можно проследить на примере Самарской области. Область является экспериментальным полигоном для государств в области социальной политики. В регионе происходит укрупнение единиц управления образования – создаются округа, которые объединяют образовательные системы нескольких муниципальных районов. На базе образовательных учреждений Кинель-Черкасского района создаются специализированные центры. Всего в районе созданы и действуют 6 специализированных центров на базе трех школ села Кинель-Черкассы,

		Районы										
		Шадринский	Альменевский	Исетский	Тобольский	Б-Глушицкий	Кинешемский	Угличский (вместе с г. Углич)	Холмский	Переволоцкий	Оренбургский	Гайский
всего школ	1990/91	46	30	34	56	30	26	41	11	43	52	28
	2002/03	40	27	29	42	23	19	31	5	42	53	29
2002/1990 (%)		87	90	85	75	77	73	76	45	98	102	104
начальные школы – всего	1990/91	16	10	13	27	...	12	...	4	15	6	8
	2002/03	10	8	8	16	10	5	5	0	14	6	8
2002/1990 (%)		63	80	62	59	...	42	...	0	93	100	100
основные школы – всего	1990/91	16	7	7	5	...	6	...	5	5	9	12
	2002/03	16	7	6	3	5	6	16	4	6	9	13
2002/1990 (%)		100	100	86	60	...	100		80	120	100	108
средние полные школы – всего	1990/91	14	12	13	22	...	8	...	0	20	37	8
	2002/03	14	12	14	23	8	8	10	0	21	38	8
2002/1990 (%)		100	100	108	105	...	100	...	0	105	103	100

Составлено автором по данным районных департаментов статистики.

школь в селах Кротовка, Александровка и Тимашево. В них планируется принимать детей не только из соседних населенных пунктов района, но и из соседних районов, т. е. они будут выполнять функции межрайонных обслуживающих центров. Это может помочь решить проблему с кадровым, материально-техническим

обеспечением. Но формирование современных образовательных центров возможно только при достаточном финансировании, что представляется проблематичным на сельских территориях с большим миграционным и естественным оттоком, деградировавшим кадровым потенциалом.



Если в сфере образования уменьшение количества детей обуславливает меньшую потребность в школах, то стареющая структура населения увеличивает потребность сельского населения в медицинских услугах в развитой сфере обслуживания. На практике же медицинская сфера находится в кризисном положении.

Последней тенденцией является сокращение числа коек в стационарах в связи с открытием при них палат дневного пребывания. Причем процесс сокращения происходит не стихийно, а при целенаправленных действиях государства по внедрению стационаров замещающих технологий. В районах, где существуют офисы врачей общей практики, сокращение числа коек наиболее заметно. Например, в Кинель-Черкасском районе показатель числа коек на 10000 населения уменьшился по сравнению с 1990 годом на 45%, в Шадринском – на 40%. Тем не менее, эта цифра более чем в два раза превышает средний показатель для сельской местности (19%).

Действия властей направлены на замещение участковых больниц со стационарными койками офисами врачей общей практики. Но, несмотря на резкое уменьшение обеспеченности населения койками, в Шадринском и Кинель-Черкасском районе этот показатель остается довольно высоким по сравнению со средним по стране – 105,0 и 60,2 соответственно. Высокие показатели обеспеченности также в Тобольском районе и в районах Оренбургской области – Переволоцком, Гайском, Оренбургском.

Основой территориальной организации медицинских учреждений муниципального района являются сельские врачебные участки. В состав участков входят участковая больница или амбулатория, фельдшерско-акушерские пункты, здравпункты. Врачебная помощь оказывается в фельдшерско-акушерских пунктах (ФАПы) и медпунктах, обслуживающих население отдельного населенного пункта или нескольких мелких. На высшей ступени иерархии

находится центральная районная больница (ЦРБ). Районные больницы выполняют очень важную функцию обслуживания населения, как на уровне муниципального района, так и межрайонном уровне. Из изученных районов межрайонные функции выполняют ЦРБ Кинель-Черкасского, Шадринского, Кинешемского, Оренбургского, Угличского районов. Как правило, функции межрайонных центров выполняют больницы, находящиеся в центрах районов с большой численностью населения. Усиливается специализация больниц на лечении определенных заболеваний (кардиологическое отделение в Кинель-Черкасской, Отрадное – урологический, Кинель – кабинет эндоскопии), которая формирует направления территориальной подвижности населения низовых систем расселения.

Анализ динамики численности больничных учреждений показывает уменьшение общего числа больничных учреждений, при резком уменьшении числа участковых и районных больниц (их число уменьшилось на 34% по сравнению с 1990), при небольшом увеличении числа центральных районных больниц. Число негосударственных больниц в сельской местности крайне незначительно – 3 учреждения. Сеть первичных учреждений доврачебной помощи – фельдшерско-акушерских пунктов в «ключевых» районах остается стабильной (таблица 4), что подтверждает официальная статистика. Сокращение числа ФАПов на 2004 год составляет всего 6% от уровня 1995 года.

Таким образом, трансформация сети сельских учреждений здравоохранения идет путем сокращения среднего звена – амбулаторно-поликлинических и участковых больниц, при сохранении сети первичной доврачебной помощи и центральных районных больниц.

Величина территории сельского врачебного участка зависит от численности населения, типа его расселения, состояния дорог и радиуса обслуживания (т. е. расстояния от центра, где размещена участковая больница или амбу-

латория, до наиболее отдаленного населенного пункта). В литературе по организации медицинского обслуживания есть цифра оптимальной численности населения в пределах 5–7 тыс. при радиусе обслуживания 7–10 км [7]. На практике же ситуация другая. В изученных районах радиус врачебного участка колеблется от 50 км до 15 км, и составляет в среднем 28 км (таблица 4).

Шадринский район. В районе увеличилось число медицинских учреждений, была открыта участковая больница и 2 ФАПа, за счет чего уменьшился радиус доступности врачебной помощи. Соответственно увеличилась транспортная доступность врачебных учреждений. Но обеспеченность врачами и больничными койками на 10 000 населения ухудшилась, хотя и осталась в 2 раза большей, чем в среднем по России. На качество и доступность получаемой населением помощи влияет то, что центром района является второй по численности населения город области, выполняющий межрайонные функции медицинского обслуживания. Жителям района нет необходимости ехать в областной центр для получения узкоспециализированной медицинской помощи. Врачей общей практики нет.

Альменевский район. По обеспеченности врачами район занимает последнее место в группе изучаемых районов. Радиус врачебных участков относительно небольшой – 26 км. Происходит ухудшение качества медицинской помощи из-за уменьшения количества врачей и ухудшения материально-технического обеспечения лечебных учреждений, следствием чего является снижение статуса врачебных учреждений. Участковые больницы переформируются во врачебные амбулатории.

Исетский и Тобольский район. Особенностью расселения Тобольского района является его дисперсность, следствием этого является трудность в обеспечении населения медицинской помощью, особенно на западе района. Средний радиус доступности врачебной помощи в Тобольском районе составляет 50 км, тогда как в Исетском районе – 28 км. Нагрузка на одного врача в Тобольском районе меньше, чем в Исетском, и этот показатель с 1990-х годов существенно не изменился. Кроме того, функции медицинского обслуживания населения выполняет город областного подчинения Тобольск, который находится на территории района.

Кинель-Черкасский район. Организация медицинского обслуживания населения района

с 1990-х годов претерпела существенные изменения, пытаются изменить прежде всего ее организацию и структуру. В районе участковые больницы заменены офисами врачей общей практики. Количество врачей на 10 000 населения увеличилось, но их в 2 раза меньше, чем в среднем по России. В то же время почти на 50% уменьшилась обеспеченность больничными койками. Транспортная доступность врачебных учреждений не изменилась. Радиус врачебного участка составляет 22 км, что меньше, чем в среднем по группе. Некоторые отделения районной больницы выполняют функции межрайонного обслуживания.

В районах Нечерноземья (Кинешемском, Угличском и Холмском) ситуация с медицинским обслуживанием во многом схожая, она обусловлена депопуляцией сельского населения и общим социально-экономическим положением села. Современная ситуация является продолжением тенденций советского периода. Отсюда и самые низкие показатели обеспеченности населения врачами.

Например, в Холмском районе на 10 000 населения приходится всего 13 врачей. Радиус врачебного участка составляет 41 км. В Холмском районе имеется лишь одно больничное учреждение, которое находится в райцентре. Особых изменений в медицинском обслуживании в Холмском районе в постсоветский период не произошло, ситуация настолько плоха, что хуже уже быть не может. В других районах ситуация не столь плачевна. В Кинешемском районе территориальная доступность медицинских учреждений лучше, в течение 1990-х годов сохранилась имевшаяся сеть учреждений.

Другой группой районов, отличающихся по уровню и основным тенденциям в области медицинского обслуживания, являются районы Оренбургской области. Показатель обеспеченности врачами населения здесь остался на уровне 1990-х годов. Этот показатель является наиболее высоким в группе изученных районов, произошло даже некоторое его увеличение. Сеть врачебных учреждений практически не сократилась. Неблагоприятной тенденцией является сокращение количества ставок, что означает ухудшение уровня медицинскими обслуживания населения.

В настоящее время предпринимаются попытки изменения структуры учреждений здравоохранения. В стране создается институт врача общей практики (земский или семейный). В целом по России в 2004 году врачей общей

Составлено автором по данным районных департаментов статистики.

практики насчитывалось 3,9 тыс. человек, что в 2,5 раза больше, чем в 2000 году. В Кинель-Черкасском районе функционирует 3 кабинета врачей общей практики (ВОП), а в Самарской области самое большое число врачей общей практики в РФ. В области зарегистрировано 599 ВОП, в которых работает 549 человек, в то время как осталось 474 должности участковых терапевтов. В результате реформ более половины первичного звена здравоохранения Самарской области составляет ВОП [6]. В изученных нами районах, кроме Самарской области, в системе здравоохранения врачи общей практики есть в

Шадринском районе. Главной трудностью при организации кабинетов ВОП является необходимость выделения значительных средств для оборудования кабинетов, домов для врачебного персонала и специальной подготовки врачей. Выполнение этих условий возможно при достаточном финансировании в регионах с эффективно работающим государственным управлением. Миграция квалифицированных кадров, отток молодежи из сельской местности вследствие непривлекательности жизни на селе создадут серьезные трудности при кадровом укомплектовании кабинетов ВОП.

□□□ □□□□ □□□□□□□□□□

1. Анализ социально-экономического развития Кинель-Черкасского района. Фонд института экономики города. – Кинель-Черкассы – Москва, 2005.
2. Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социологические исследования. – 2005. – № 11.
3. Гаврилов Н.И. и Фофанов В.П. Организация медицинской помощи сельскому населению. – М., 1982.
4. Данишевский К.Д. Факторы, препятствующие внедрению эффективных технологий управления системой здравоохранения // Главный врач. – 2003. – № 2.
5. Здравоохранение в России. 2005: Стат. сб. / Росстат. – М., 2005.
6. Образование в России. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003.
7. Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. / Росстат. – М., 2005.
8. Социально-экономическое положение районов Курганской области: Стат. сб. / Курганский статистический комитет. – Курган, 2005.
9. Социально-экономическое положение районов Оренбургской области: Стат. сборник / Оренбургский статистический комитет. – Оренбург, 2005.

□.□.□ □ □□□, □.□.□ □□□□ □□
(□.□□□□□□)

СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Kazmin M.A., Chernisheva E.A.

THE MODERN DYNAMICS OF THE RURAL SETTLEMENT PROCESS IN THE EUROPEAN PART OF RUSSIA

The article concerns the issues of the modern rural settlement dynamics and territorial transformation diversities of the settlement net.

Бурные социально-экономические преобразования сельской местности России в 1990-х гг. оказали значительное влияние на образ жизни населения и характер его расселения. Для выявления общих тенденций в изменении системы сельского расселения и рассмотрения региональ-

ных различий в работе были проанализированы материалы трех последних переписей населения. При этом более детально изучались данные за 1989 и 2002 гг., в промежутке между которыми в стране активно проводились в жизнь земельная, аграрная и административная реформы.

Сопоставление динамики сети сельских поселений на региональном уровне показывает схожесть происходящих явлений на большей части ЕТР. Анализ статистической картографической информации, проведенный по материалам переписей 1989 и 2002 гг., свидетельствует о повсеместном сокращении сети населенных пунктов. Из 55 рассматриваемых субъектов только в трех (республиках Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии) количество снт незначительно увеличилось. Поэтому правильнее говорить не о различиях в происходящих процессах, а о разнице в масштабах сокращения поселенческой сети.

Исследование показало, что в период с 1989 по 2002 г. общая тенденция сокращения сети поселений имела зональный характер – от 20% на севере до 2% на юге Европейской России. В большинстве областей и республик Нечерноземной зоны убыль числа снт составила 10–20%, а в трех областях (Костромской, Вологодской и Мурманской) плотность поселений сократилась более чем на четверть. В регионах Северного Кавказа, отличающихся высоким уровнем механического и естественного прироста, динамика числа сельских поселений имела слабоотрицательный характер и была в 5 раз ниже среднего показателя по ЕТР.

Несмотря на сокращение числа населенных пунктов, географический рисунок плотности сети поселений, складывающийся в течение длительного времени под влиянием природных и социально-экономических факторов, в основном сохранил сложившиеся черты распространения (рис. 2).

При средней плотности поселений ЕТР в 3 снт на 100 км², максимальные ее значения характерны для староосвоенной части региона – зоны смешанных и широколиственных лесов и лесостепи, где данный показатель составляет 7–10 снт на 100 км². Наибольшая плотность снт в этих природных зонах во многом сложилась за счет высокой концентрации мелких и мельчайших поселений. Анализ размещения сельских населенных пунктов в границах этих природных зон свидетельствует о том, что плотность поселений в их западных частях в 2–3 раза превышает подобные показатели на востоке.

На севере ЕТР – в лесотундровой и северотаежной природных зонах и в самых южных регионах – в зоне пустынь и полупустынь, поселенческая сеть имеет минимальные значения плотности – не превышающие одного на-

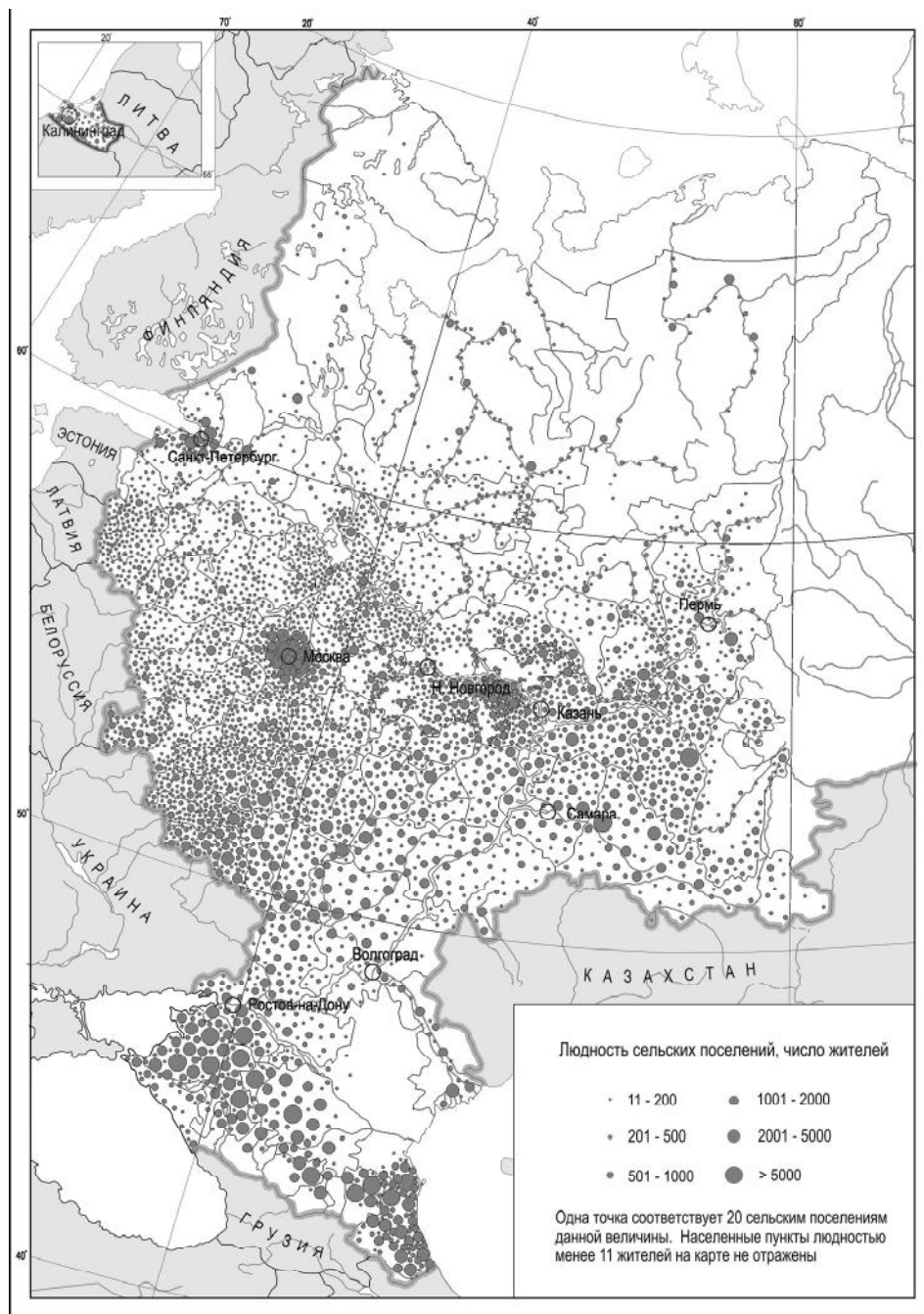
селенного пункта на 100 км², и тенденцию к уменьшению (рис. 3).

По материалам Всероссийской переписи населения 2002 г. наибольшее число снт отмечено в регионах центральной России. В Псковской, Вологодской, Ярославской и Тверской областях насчитывается более 6 тыс. сельских поселений в каждой. Наименьшее число характерно для Ненецкого автономного округа, Мурманской области, республик Калмыкия и Карачаево-Черкесия – менее 300 поселений.

Уменьшение количества сельских населенных пунктов ЕТР в последний межпереписной период со 134,2 до 122,4 тыс. сопровождалось существенной трансформацией структуры расселения. Наряду с сокращением числа снт произошло изменение в соотношении сети сельских населенных пунктов разной людности. Этот процесс, продолживший тенденции предыдущих периодов, был направлен на укрупнение особо крупных сел и измельчение остальных, и в первую очередь самых мелких. Количественные изменения сети поселений на ЕТР происходили по двум направлениям.

Наиболее устойчивая ситуация оказалась в двух противоположных категориях сельских поселений – самых мелких (людностью до 10 жителей) и крупных (людностью свыше 1000 чел.) – +5,3% и –1,0% соответственно (табл. 1). Главной причиной увеличения числа мельчайших деревень является переход в более низкий ранг поселений людностью 11–200 чел, количество которых уменьшилось за этот период на 16,3%. Наименьшие изменения произошли в сети поселений, имевших свыше 1000 жителей. Их количество и число проживающих в них изменилось на 1% и 10,3% соответственно (табл. 2). По нашим подсчетам, увеличение таких снт примерно в 70% случаев произошло за счет преобразования городских поселений в сельские.

Наименее устойчивой оказалась категория средних населенных пунктов. Продолжился процесс «размывания» прослойки поселений с числом жителей от 201 до 1000 чел. Общая численность таких поселений сократилась на 2 тыс., или на 15,5%. Однако число проживающих в снт данной категории граждан уменьшалось более высокими темпами. Если учесть, что средние по людности населенные пункты являются основой сельского расселения, то повсеместное уменьшение их числа на территории Европейской России ведет к нарушению каркаса сельского расселения.



□□□.2□ □ □□□□ □ □ □□□□□□□ □□□□□□ □ □
(□□ □□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□ □□□□□□□□ 2002 □.)

При общем росте сети мельчайших поселений на ЕТР, изменение их числа в регионах проходило с различной интенсивностью. Количество снт людностью до 10 человек уменьшилось в среднем на 4–10% в северной половине ЕТР и, прежде всего в зоне лесотундры и тайги. В остальных природных зонах происходили рост от 4,3 до 32,4%. При относительно росте

мельчайших снт в полупустынях пустынях на треть, абсолютный рост произошел в основном за счет увеличения поселений данной категории в республике Калмыкия.

Наряду с 5% ростом числа мельчайших поселений доля проживающих в них увеличилась на 10%. Обгоняющие темпы роста численности жителей по сравнению с числом снт имели

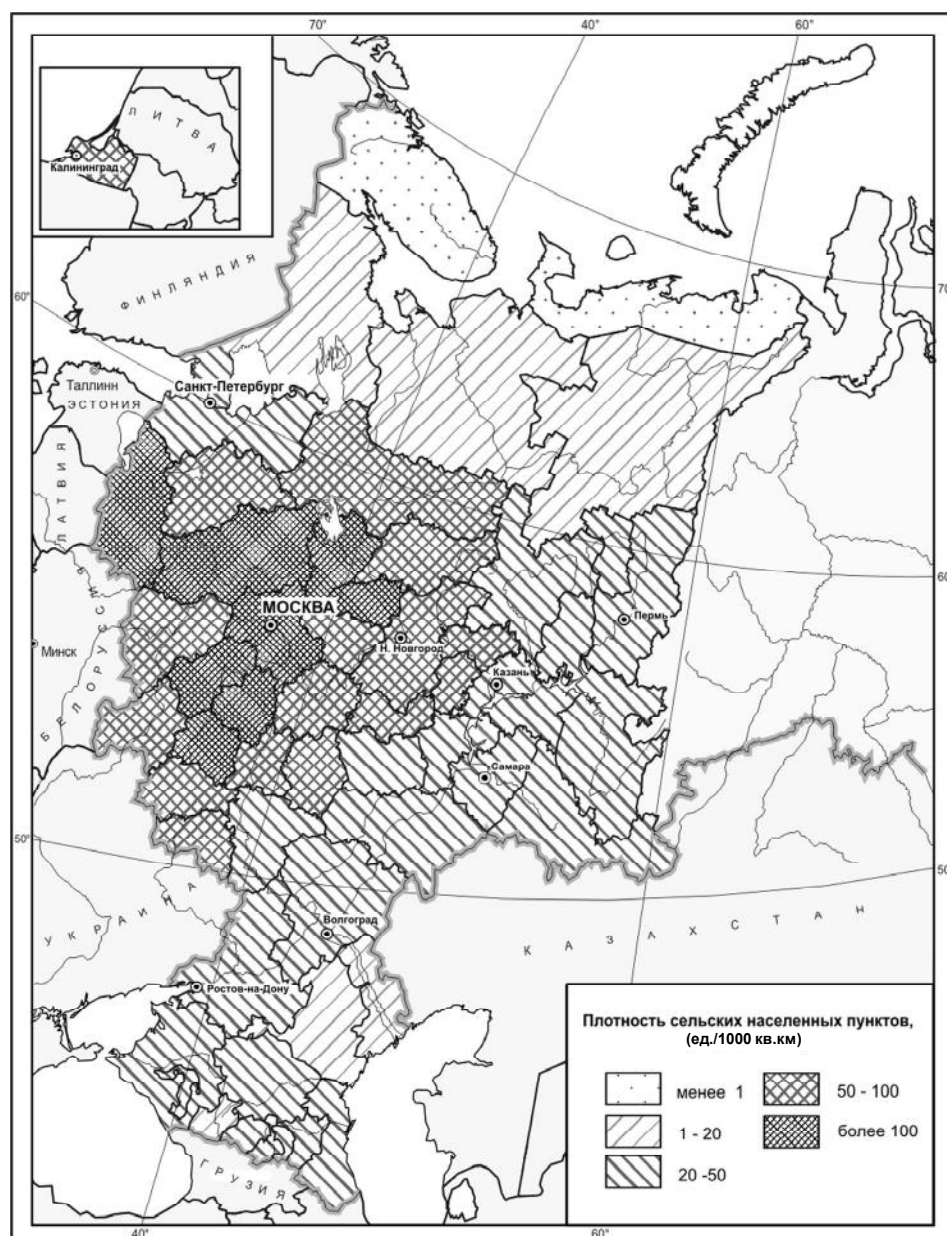


Рис. 3. Плотность сельских населенных пунктов в Европейской России в 2002 г.

место только в северных регионах ЕТР. В то же время на большей части Европейской России рост числа мельчайших деревень был несколько выше темпов прироста проживающего в них населения.

Мелкие снп с числом жителей 11–200 человек в последний межпереписной период сокращались повсеместно, достигнув наибольших масштабов в северной половине ЕТР и, прежде всего на территории таежной и смешанно-широколиственной лесной зон. Размер убыли

населения в этой категории населенных пунктов в целом колебался в пределах 8–20%, причем темпы уменьшения и сети поселений, и числа проживающих в них оказались примерно на одном уровне.

Число средних поселений (с числом жителей 201–500 и 501–1000 чел.) сокращалось по всей территории Европейской России. Темпы сокращения поселений и численности населения, проживающего в них, в целом уменьшались с севера на юг, при этом особенно

□□□□□□ 1

□□□□ □□□□□□ □□□ □□□□ □□□□□□
 □□ □□□□□□□□ □□□□ □□□ □ 1989 □□ 2002 □, %

Природные зоны	Сельские населенные пункты с числом жителей				
	до 10 чел.	11–200 чел.	201–500 чел.	501–1000 чел.	более 1000 чел.
Лесотундра и северная тайга	–6,8	–8,3	–23,8	–33,7	–15,7
Средняя тайга	–9,6	–16,3	–8,6	–25,2	–8,6
Южная тайга	–4,3	–19,7	–10,4	–16,5	–5,3
Смешанные и широколиственные леса	21,7	–18,0	–9,3	–10,9	–5,7
Лесостепь	25,9	–9,0	–5,7	–6,7	–8,7
Степь	4,3	–8,0	–9,0	0,0	4,6
Полупустыни и пустыни	32,4	3,4	–15,4	–4,0	0,2
В целом по ЕТР	5,3	–16,3	–9,0	–8,5	–1,0

Таблица составлена по расчетам авторов.

□□□□□□ 2

□□□□ □□□□□□ □□□□ □□□□□□□□□□, □ □□□□ □□□□□□□□ □ □□□□ □ □□□□□□□
 □□ □□□□□□□□ □□□□ □□□ □ 1989 □□ 2002 □, %

Природные зоны	Сельские населенные пункты с числом жителей				
	до 10 чел.	11–200 чел.	201–500 чел.	501–1000 чел.	более 1000 чел.
Лесотундра и северная тайга	15,0	–11,3	–24,4	–33,5	–18,6
Средняя тайга	6,1	–17,2	–9,2	–25,9	–0,6
Южная тайга	–0,3	–19,2	–9,9	–15,7	1,0
Смешанные и широколиственные леса	14,5	–19,2	–8,9	–8,9	1,1
Лесостепь	23,4	–15,0	–4,3	–1,0	–5,4
Степь	4,3	–8,3	–8,4	–1,1	17,2
Полупустыни и пустыни	31,3	–9,7	–11,7	–5,9	8,2
В целом по ЕТР	10,0	–17,0	–8,3	–7,6	10,3

Таблица составлена по расчетам авторов.

динамично этот процесс проходил в лесотундре и таежной природной зоне.

Анализ изменения количества крупнейших поселений (с числом жителей более 1000 чел.) показал, что их сокращение оказалось незначительным по сравнению с общим уменьшением числа сельских поселений в ЕТР. Наблюдается следующая тенденция: темпы уменьшения количества поселений данного размера снижаются с севера на юг.

В предыдущие десятилетия административные изменения по преобразованию городских поселений в сельские имели иной характер и были направлены на перевод сельских населенных

пунктов в городские. Начало современным масштабным административным преобразованиям поселений было положено в 1991 г. и только за период 1991–1992 гг. было переведено в сельские около 40% общего числа городских населенных пунктов, изменивших свой статус за последний межпереписной период.

В период с 1989 по 2002 г. трансформация статуса населенных пунктов произошла почти во всех субъектах ЕТР, и 211 городских поселений стали сельскими населенными пунктами с общим числом жителей 487,3 тыс. чел. Именно регионы, в которых чаще других проходили административные преобразования, характери-

зуются чрезвычайно высокими темпами роста доли сельского населения. Так, в 6 регионах – Ярославской, Оренбургской, Ростовской, Пермской, Костромской областях, республиках Коми и Карелия – «административной рурализации» подверглись более 10 поселков в каждом. Абсолютными лидерами в ряду данных преобразований по численности населения оказались Оренбургская область, где 147,5 тыс. чел. превратились из горожан в сельских жителей, Ростовская область – 116,7 тыс. чел., и республика Карелия – 72,3 тыс. чел. Последняя серия преобразований произошла в 2004 г. и стала самой значительной в современной истории страны.

Динамика структурных изменений привела к дифференциации сельских поселений, как по их количеству так и по числу проживающих в них жителей. Этот процесс определил изменение средней плотности поселений, которая как в целом по ЕТР, так и по большей части макрорегионов выросла за последний межпереписной период. Согласно переписи 2002 г., средняя плотность одного сельского населенного пункта ЕТР выросла на 8% и составила 238 человек.

Сравнение итогов трех последних переписей показывает преобладание сложившихся тенденций роста плотности одного сельского поселения – 214, 220 и 238 чел. на каждый год переписи. Анализ данного показателя по природным зонам подтверждает рост средней плотности поселений на большей части ЕТР в пределах таежной, степной и полупустынной природных зон и незначительное (менее 1%) измельчение сети поселений в самых северных и центральных частях Европейской России (табл. 3).

Расселение, по определению классиков социальной географии [1], является сложной системой, обладающей способностью к самоорганизации и адаптивностью к внешним воздействиям, что является важнейшим свидетельством трансформирующихся систем. Несмотря на относительную устойчивость, расселение подвержено изменениям, как по численности, так и по системным характеристикам. Динамика изменений находится в тесной взаимосвязи с экономическими, социальными, политическими и демографическими аспектами развития общества.

□□□□□□ 3

□□□□ □□□ □ □□□□□□□ □□ □□□□□□□□ □□ □□□□ □□ □□□□□□
□□ □□□□□□□□ □□□□ □□□□

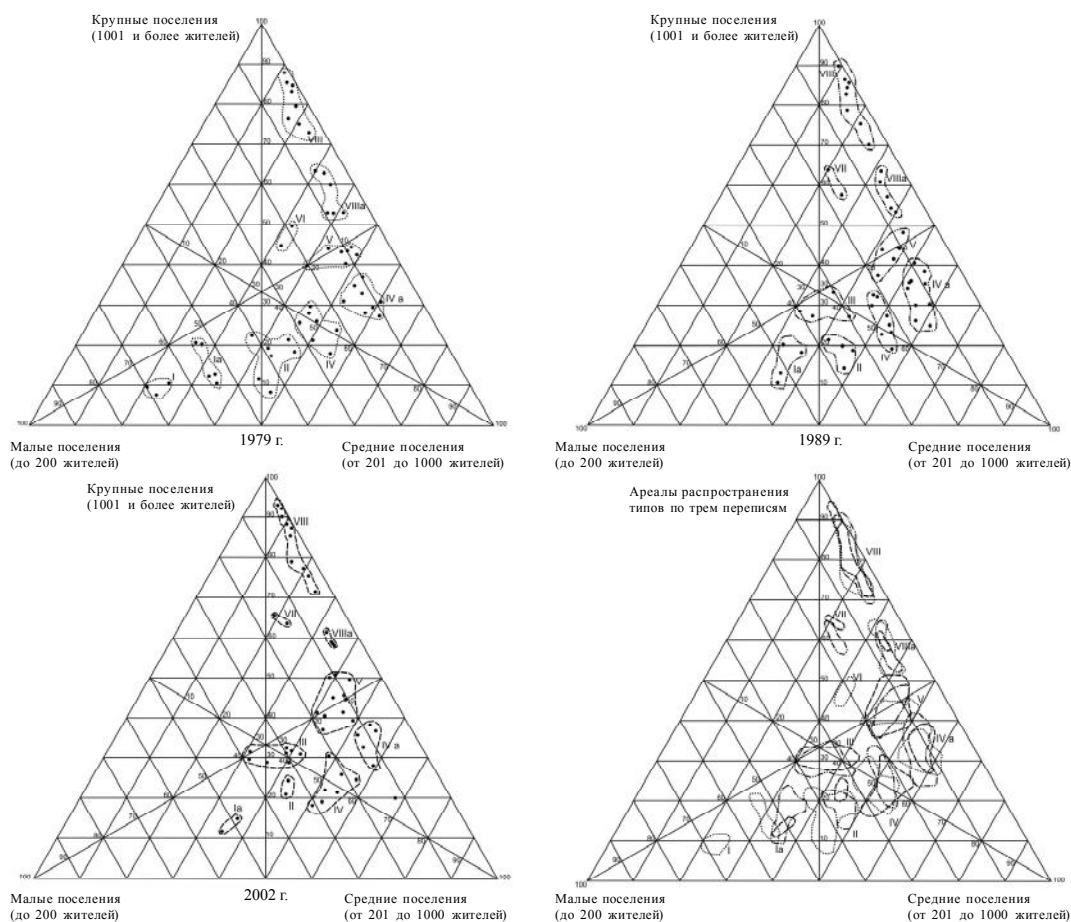
Природные зоны	Изменение числа снт за 1989– 2002 г., %	Плотность снт в 2002 г. на 100 км ²	Средняя плотность одного снт в 2002 г., чел.	Изменение средней плотности одного снт за 1989– 2002 г., %	Доля снт без населе- ния в общей численности снт в 2002 г., %
Лесотундра и северная тайга	–11,7	0,3	20,8	–0,9	12,0
Средняя тайга	–16,4	1,1	12,3	12,0	15,3
Южная тайга	–13,7	4,7	10,4	7,8	14,7
• западный сектор	–7,4	5,8	9,8	2,5	10,0
• восточный сектор	–16,7	4,2	10,8	10,6	16,9
Смешанные и широколиственные леса	–7,3	7,6	14,5	0,5	8,7
• западный сектор	–8,0	9,1	11,5	–2,2	9,8
• восточный сектор	–3,7	4,3	28,3	3,6	3,2
Лесостепь	–5,3	4,3	30,5	–0,7	3,8
• западный сектор	–4,6	8,8	18,4	–3,0	3,6
• восточный сектор	–4,2	2,8	37,4	3,9	3,1
• центральный сектор	–6,4	4,3	34,4	–2,9	4,3
Степь	–4,3	1,9	74,2	13,0	2,6
Полупустыни и пустыня	–2,2	0,7	60,9	3,7	2,3
В целом по ЕТР	–8,8	3,1	23,8	8,4	9,2

Таблица составлена по расчетам авторов.

При сравнении динамики структуры расселения в работе были использованы результаты трех последних переписей населения, то есть период, охватывающий промежуток времени в четверть века. За это время общая тенденция развития социальной сферы в сельской местности ЕТР была направлена на уменьшение численности сельского населения и сокращение поселенческой сети.

Для систематизации изменений в соотношении сельских поселений разной категории людности в работе была проведена типология сельского расселения в регионах, основой для которой послужила принятая трехступенчатая

градация – малые поселения (до 200 жителей), средние (201–1000 жителей) и крупные (более 1000 жителей). Для наглядности полученные соотношения разных категорий поселений были изображены на графиках, анализ которых позволил выделить типы расселения, рассмотреть их эволюцию в пространстве и во времени (рис. 4). В итоге на ЕТР было выделено 11 типов сельского расселения. Матрица перехода, построенная по данным переписей населения за 1979, 1989 и 2000 гг., позволила выделить наиболее статичные и динамичные регионы и направления трансформации расселенческих структур (табл. 4, 5).



Тип I – мелкоселенный
 Тип Ia – мелкоселенный со значительной долей средних снт
 Тип II – мелко- и среднеселенный
 Тип III – равноселенный
 Тип IV – среднеселенный
 Тип IVa – среднеселенный со значительной долей крупных снт

Тип V – средне- и крупноселенный
 Тип VI – средне- и крупноселенный приагломерационный
 Тип VII – крупноселенный приагломерационный
 Тип VIII – крупноселенный
 Тип VIIIa – средне- и крупноселенный со значительной долей крупных снт

[illegible]

Таблица составлена по расчетам авторов.

																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																					</
--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	----

* по типологии регионов 2002 г. Ненецкий ОА не вошел ни в один из представленных типов. Таблица составлена по расчетам авторов.

Составление таблиц и графиков очень четко характеризует динамику расселенческих структур поэтому вкратце стоит остановиться на основных территориальных тенденциях в выделенных типах.

Тип I – был представлен только в 1979 г. тремя субъектами – Тверской, Псковской и Ярославской областями, которые по данным последующих переписей трансформировались в другие типы.

Тип Ia – в 2002 г. объединял Псковскую и Тверскую области, которые ранее входили в мелкоселенный тип. С 1979 г. этот ареал сузился за счет перехода в другие группы Вологодской, Новгородской, Костромской, Ивановской и Смоленской областей вследствие роста населения в крупных и средних сельских поселениях.

Во II типе за 23 года произошло резкое сокращение регионов. Доля этого типа в общем числе регионов упала с 12% до 4% и сохранилась лишь в Смоленской и Ивановской областях.

III тип впервые появился в 1989 г. и был представлен регионами с близкими долями мелко-, средне- и крупноселенных поселений. В последние межпереписные периоды идет активная трансформация регионов предыдущих трех групп (включая I мелкоселенный тип, который к 2002 г. исчез) в III тип. В 2002 г. он в основном объединял регионы Нечерноземной зоны.

Тип IV, в котором сплотностью 200–1000 жителей концентрируют более половины населения. Этот тип хотя и был подвержен определенным трансформациям, однако является достаточно устойчивым. В 1979 г. он включал 7 регионов, в 1989 г. – 8, а в 2002 г. – 9 субъектов ЕТР. Сейчас в него входят 16% регионов Европейской России, главным образом с юга опоясывающих Московскую область, а также республика Чувашия, Кировская и Владимирская области.

Тип IVa в 1979–1989 гг. количественно увеличился за счет перехода регионов из V типа (республика Мордовия, Ульяновская область). Однако в период 1989–2002 гг. данный тип был максимально сокращен. Это произошло преимущественно за счет искусственного увеличения доли крупных снп в процессе административных преобразований, что вывело к 2002 г. из их числа в тип V Белгородскую, Оренбургскую области и республику Карелию. Согласно последней переписи, тип IVa объединяет компактную зону из 5 регионов Урало-Поволжья.

Тип V с 1979 г. увеличил число регионов с 7 до 11. Пять регионов этого типа (Липецкая, Там-

бовская, Волгоградская, Пензенская области и республика Коми) обладают высокой устойчивостью структур расселения и не подверглись трансформациям. География этого типа расселения очень мозаична и включает регионы Северного, Центрально-Черноземного, Уральского и Поволжского экономических районов.

Тип VI включает Московскую и Ленинградскую области, сельское расселение которых развивается под влиянием крупнейших городов. К 1989 г. произошел резкий скачок в сторону увеличения доли крупных поселений с 50% до 65%. Поэтому этот тип целиком трансформировался в крупноселенный приагломерационный (тип VII).

Тип VIII является крупноселенным. В 1959 г. он был распространен только на Северном Кавказе, однако в 1979 г. к нему присоединилась Мурманская область. За 2 межпереписных периода ни один субъект не вышел из числа этого типа, пополнившись только 2 регионами из типа VIIa. Однако произошли внутрисистемные подвижки в сторону роста доли крупных снп на 5–7% за счет средних поселений.

Тип VIIa характеризуется относительно устойчивой структурой расселения. Он сформировался под преобладающим влиянием крупноселенных поселений со значительной долей средних. В период 1979–2002 гг. данный тип медленно терял регионы за счет перехода в разряд крупноселенных сначала Астраханской области, а потом и республики Дагестан. В результате чего в 2002 г. тип VIIa был представлен компактным ареалом на юге страны, состоящим из Воронежской, Ростовской, Самарской областей и республики Калмыкия.

К началу 1979 г. на территории РСФСР 3/4 регионов были распределены между типами II, IV, IVa и V. Как уже было отмечено, продолжился процесс концентрации населения в крупных снп за счет уменьшения населения в средних. Как следствие этого процесса, происходило перераспределение населения внутри групп, и в 2002 г. большая часть регионов страны приходилась на III, IV, V и VIII типы.

Наиболее устойчивым за межпереписной период оказался крупноселенный тип VIII, который за 23 года «пополнился» лишь 2 регионами. Анализ динамики структур расселения, проведенный Д.Н. Лухмановым за 1959–1979 гг. выявил наименьшую трансформацию этого типа, а также полярное ему мелкоселенное с высокой консервативностью систем расселения [2]. Однако последующие две переписи

показали интенсивную деформацию структур расселения типов со значительной долей населения, проживающего в мелких снт (II тип потерял 70% регионов, тип Ia – 40% и I тип вообще исчез). То есть произошел резкий поворот в сторону динамичности мелкоселенных структур расселения. Необходимо также отметить существенную динамику III, IVa и V типов, увеличивающихся за счет I, Ia, и II типов.

К основным тенденциям динамики системы сельского расселения ЕТР за последние два межпереписных периода можно отнести следующее:

1) происходит общий сдвиг территориальных структур в сторону увеличения концентрации населения в крупных снт. Однако проведенный анализ свидетельствует о высокой устойчивости многих типов расселения;

2) происходит перераспределение регионов внутри выделенных типов. Большая часть регионов перешла из одного типа в другой. Постоянную принадлежность к типу сохранили лишь 23 региона, или 43%;

3) наблюдался процесс трансформации типов поселений. VI тип, включающий Московскую и Ленинградскую области, к 1989 г. целиком эволюционировал в VII. Перепись 1989 г. фиксирует образование нового III типа, состоящего сначала из 5, а потом из 8 административно-территориальных единиц I, Ia и II типа. В то же время группа мелкоселенных регионов (I тип) полностью исчезла с карты Европейской России.

В целом для Европейской территории России сокращение поселенческой сети проходило менее высокими темпами, чем уменьшение численности сельского населения, что способствовало изменению не только степени заселенности территории, но и существенной трансформацией структуры расселения в сторону концентрации и поляризации сети поселений. Эти тенденции продолжили направление эволюции сельского расселения второй половины XX века в сторону умень-

шения плотно заселенного пространства Европейской части России.

В 1990-е гг. население и расселение ЕТР стало менее инерционным, чем в предыдущие десятилетия. Проявившиеся перемены в динамике населения, в частности, в перераспределении населения в снт разной плотности, оказались весьма существенными. Анализ руралистической структуры показывает рост средней плотности сельского поселения и концентрацию населения в особо крупных снт.

Исследование показало, что, интенсивность современных процессов трансформации системы сельского расселения ЕТР меняется с учетом зональной специфики территории и снижается с севера на юг. При этом масштабы изменений в направлении с запада на восток в пределах одной природной зоны также велики и соответствуют уровню зональных различий.

Схожую динамику поселенческой сети имеют группы регионов, расположенные в разных природных зонах. Наибольшие изменения произошли в северных территориях и, прежде всего в местностях, входящих в зону тайги и лесотундры. За последний межпереписной период именно северные регионы претерпели наибольшие масштабы сокращения сети сельских поселений, включая населенные пункты самых разных категорий. Интенсивность процессов сокращения числа сельских населенных пунктов здесь вдвое превышала подобные показатели по ЕТР и втрое данные по южным регионам. Процесс уменьшения количества сельских поселений в ближайшее время здесь будет активно продолжаться, о чем свидетельствует самая высокая на ЕТР доля снт без постоянного населения.

В наименьшей степени расселенческая сеть подверглась трансформации в самых южных регионах ЕТР, расположенных в границах степных и полупустынных ландшафтов. Здесь минимальным образом сократилось число сельских поселений разной категории плотности и лишь 2–3% снт не имеют постоянного населения.



1. Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение. – М., 1991.
2. Лухманов Д.Н. Динамика и устойчивость структур сельского расселения // Вопросы географии. – 1988, сб. 132.

□.□.□□□□□□□□
(□.□□□□□□□□□□)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ БЫВШЕЙ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ (КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Levchenkov A.V.

TRANSFORMATION OF THE RURAL SETTLEMENT SYSTEM ON THE TERRITORY OF THE FORMER EASTERN PRUSSIA (THE KALININGRADSKAYA REGION)

The article deals with the history and factors of the German rural settlement system formation on the Eastern Prussia territory, its transformation during 800 years, and its influence on the modern system settlement formation in the Kaliningradskaya region.

Долгое время официальная советская историография пыталась игнорировать сам факт наличия исторического наследия Восточной Пруссии в Калининградской области, хотя его следы всячески напоминали о себе. Ситуация изменилась с началом перестройки, когда стали появляться первые публикации и научные исследования по этим вопросам. Многие проблемы были восполнены.

В первую очередь, это касалось вопросов краеведения, истории и культуры. В географической науке на тот период, к сожалению, такого интереса к историческому прошлому не происходило. На наш взгляд, тут был целый комплекс причин. Все имеющиеся к тому времени немногочисленные научные исследования, касающиеся систем расселения на территории области, ограничивались послевоенным периодом.

Степень влияния немецкой системы расселения на формирование советской оставалась малоизученной, несмотря на то, что ее

исторические корни, факторы развития прослеживаются довольно четко, особенно в сельской местности. С развитием трансформационных процессов последних десятилетий актуальной становится разработка новых принципов планирования систем расселения, исходя из новых социальных и экономических условий.

На разных этапах общественного развития степень влияния социальных, экономических и политических факторов различна, что наглядно проявляется в процессе изучения системы расселения на территории Калининградской области, неоднократно испытывавшей радикальные изменения как в направленности развития сельских поселений, так и в степени их развития.

В данной статье рассмотрены история и факторы формирования немецкой системы сельского расселения, её трансформация в течение восьмисот лет, дана краткая характеристика состояния на 1939 г.

□□□□□□□□ □□□□ □□□□□□□□□□ VI-XII □□.

Первоначальное освоение земель на стадии общин (пруссский период VI–XII вв.) зависело от качества природной среды и способа ведения хозяйства. Высокий процент лесистости территории, в сочетании с заболоченными пространствами, преобладание моренного ландшафта, развитая речная сеть обусловили концентрацию расселения на отдельных, наиболее для этого подходящих участках. Пруссский этнос был вынужден приспособливаться к вмещающему его ландшафту. Его хозяйственная

деятельность также зависела от определённых природных условий, заставляя пруссов заниматься охотой, рыболовством, пастбищным животноводством и в ограниченной степени земледелием там, где позволяли природные условия. Внешними границами заселённой территории выступали естественные природные преграды, так как пространственная структура общинно-родовых племен пруссов сильно зависела от развития и состояния средств и транспортных возможностей [7].

Заселенные участки территории ещё не образовывали замкнутого пространства, а представляли собой небольшие островки посреди лесной чащи, в зависимости от ландшафтных и экономических условий.

Поселения располагались на берегах рек, в широких долинах, концентрируясь на делю-

вии и основных моренах, избегая конечно-моренного ландшафта.

Из планировочных форм прусских поселений середины XIII в. преобладали отдельно стоящие хутора и небольшие по размерам крестьянские деревни, в которых земля принадлежала всем членам общины.

Особенности расселения в XIII–XVI вв.

Немецкая колонизация прусских земель (со второй четверти XIII в.), как и завоевание, происходила по принципу: последовательно равномерное продвижение с запада на восток с использованием наиболее приемлемых ландшафтных условий и обустройство в наиболее благоприятных местах. Очень часто в этом качестве выступали уже имевшиеся в наличии прусские поселения или укрепленные пункты-городища. Большинство существовавших поселений было интегрировано в новую систему расселения. К существовавшим прусским поселениям добавились две основные формы поселений – дворянские усадьбы с фольварками и крупные крестьянские деревни. Размеры крупных поместий достигали 165–660 га. Общая величина земельных угодий, выделяемых крестьянской деревне, равнялась 500–1000 га, что позволяло

выделять значительное число крестьян-членов общины, при среднем количестве колонистов около 20 дворов, когда каждый двор получал в пользование 30–65 га. Это позволяло отдельным членам общины иметь некоторую экономическую свободу, чем в более мелких прусских деревнях, где крестьянин имел всего лишь 10–20 га в пользовании [18].

Существующие основные типы ландшафта привели к формированию на территории Пруссии определенного типа деревень немецких колонистов с относительно компактным расположением усадеб (дворов) с полевыми участками, за которыми располагались общинные земли совместного пользования в виде леса или пастбищ. Формой использования земельных угодий выступало трехполье: озимые, яровые и пар, которые ежегодно менялись между собой [8].

Особенности расселения в XVI–XIX вв.

С середины XVI в. со сменой политической и социальной обстановки начинается колонизация восточных районов нынешней Калининградской области, бывших до того времени практически незаселенными. Происходит значительное увеличение доли крупного землевладения. Прусские и немецкие деревни перестают отличаться друг от друга, попав под дворянскую или государственную власть. Именно с этого этапа воздействие человека на окружающую среду в процессе расселения значительно усиливается, растёт количество населённых пунктов и их жителей, территориально расселение занимает все большие площади нетронутого природного ландшафта. Сельское хозяйство развивается по экстенсивному пути, интенсивно вырубается лес, регулируется естественный водоток и строятся искусственные водные пути (каналы), начинают осуществляться мелиоративные мероприятия. Сельское расселение формируется

как взаимосвязанная система. Степень лесистости к 1800 г. уменьшается до 33% [17].

С начала XIX в. происходит качественный скачок в развитии сельских поселений, связанный с проводившейся на протяжении первой половины XIX в. аграрной реформой. Трансформация социально-экономических условий повлекла за собой изменения в системе расселения людей, в типах и формах поселений. Взамен деревень, имевших различный социальный статус, увеличивается численность разновидностей отдельных форм поселений: хуторов, отрубов, фольварков, а также поместий. Данный процесс, однако, имел и региональные различия. Не во всех районах провинции процесс выделения крестьянских хозяйств из общины и образования отдельных хуторов происходил одинаково. Так, на Земландском полуострове хуторов или отрубов образовалось очень мало. Немецкий историк Ханс Мортензен считает, что тут дело в культуре немецких

(Гильге, Тавелле, каналы Кляйн- и Гросс-Фридрихсграбен, Зекенбургский) и вдоль лесных опушек. Внутри заболоченной Неманской низменности и в центры лесных массивов и верховых болот расселение продвинулось незначительно.

Наибольшая плотность наблюдается по краям областей со сложными для расселения природными условиями. Поэтому характерными формами сельских населённых пунктов являются малолюдные формы – хутора, отдельно стоящие двory (рис. 1).

Крупных центров лишь несколько Кукернезе/ Ясное (Kuckerneese) – 4492 жителей, Нойкирх/ Тимирязево (Neukirch) – 1589, Зекенбург/ Заповедное (Seckenburg) – 1488, которые размещены на благоприятных местах – возвышенные или осушенные участки.

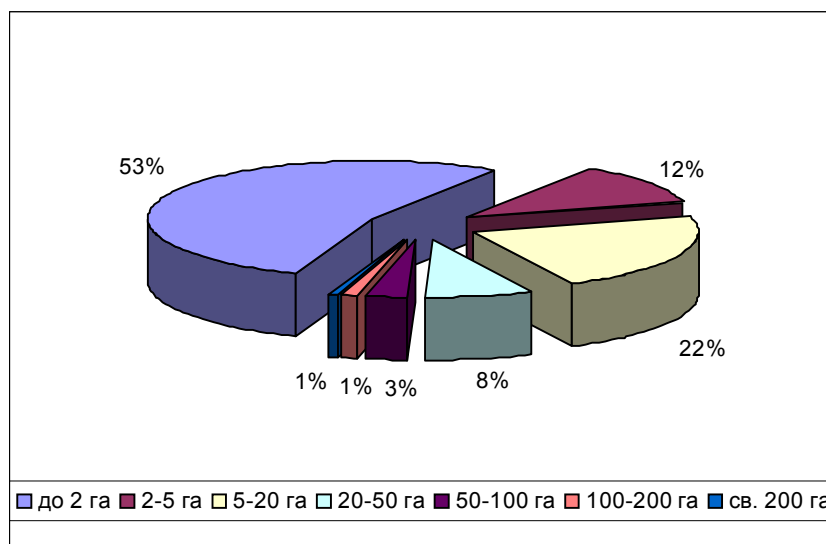
Для сельских поселений вокруг г. Кёнигсберг характерны кольцевая и звездообразная формы, простирающиеся до морского побережья. В остальных районах представлены кучевые и линейные формы. Более плотные поселения сформировались вдоль водных путей – каналов, рек, на берегах заливов и моря; по окраинам лесных массивов; вокруг крупных городов.

Подобный узор расселения характерен для Центрального Черноземья России по состоянию на начало XX в. Основными формами расселения здесь были почти непрерывные полосы, объединявшие довольно крупные сёла в

долинах рек и немногочисленные пятна вблизи крупных промышленных центров (Тамбова, Воронежа, Белгорода). На водораздельных пространствах поселения значительно более мелкоселенные, но в целом сплошные. Большое число мелких предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья располагалось в крупных селах. Удовлетворительная для того времени сеть железных и гужевых дорог определяла формирование системы расселения. В последующем это определило явно выраженную по направлению «центр-периферия» эволюцию типов и форм сельского расселения, в настоящее время наиболее чистом виде наблюдаемую именно в этой части Европейской России [1].

Одной из главных проблем в сельской местности оставалось преобладание крупного землевладения, в первую очередь дворянского – 24% от числа всех помещиков над земледелием крестьянским (рис. 1) [15].

Концентрация крупноземельного землевладения достигала значительных величин: 1,9% всех хозяйств провинции занимали 50,6% земель. Однако распределение крупных хозяйств (св. 100 га) по провинции было неравномерным. Крупные землевладельцы доминировали на западе области (Земландский полуостров, крайсы Фридланд, Прейсиш-Эйлау). Здесь доля владений свыше 200 га доходила до 45–55%.



1. *Landwirtschaftliche Betriebszahlung. Die Landwirtschaft im Deutschen Reich (Statistik des Deutschen Reich, Bd. 412/II), Berlin 1931, S. 18 f.; S. 22 f.*

¹ Landwirtschaftliche Betriebszahlung. Die Landwirtschaft im Deutschen Reich (Statistik des Deutschen Reich, Bd. 412/II), Berlin 1931, S. 18 f.; S. 22 f.

□□□□□□ 1

□ □□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□

□ □□□□□□□□□ □□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□, 1938 г. [14]

Крайс	общая площадь, га	в сельхоз- обороте	в % к общей площади	леса, га	в % к общей площади	водоёмы, застройка и пр.	в % к общей площади
Кёнигсберг	108 072	83 944	77,7	10 768	10,0	13 360	12,4
Фишхаузен	104 820	72 019	68,7	22 435	21,7	10 366	9,9
Лабиау	107 836	60 290	55,9	35 737	33,1	11 809	10,9
Велау	105 030	67 335	64,1	29 600	28,2	8 095	7,7
Гердаун	84 701	65 163	76,9	13 080	15,4	6 458	7,6
Прейсиш-Эйлау	125 057	87 136	69,7	21 968	17,6	15 953	12,8
Хайлигенбайль	88 679	71 057	80,1	9 407	10,6	8 215	9,3
Эльхнидерунг	99 701	68 035	68,2	17 467	17,5	14 199	14,2
Тильзит-Рагнит	114 868	89 169	77,6	13 527	11,8	10 172	10,6
Шлоссберг	105 433	79 883	75,8	15 413	14,6	10 137	9,6
Гумбиннен	71 262	59 198	83,0	5 465	7,7	6 599	9,2
Инстербург	121 355	83 299	68,6	27 941	23,0	10 115	8,3
Ангерapp	75 814	60 224	79,4	9 273	12,2	6 317	8,4
Эбенроде	70 933	60 224	84,9	4 652	6,6	6 057	8,6
Всего:	3 689 973	2 515 989	68,19	720 026	19,51	453 958	12,3

Некоторые исследователи считали, что возможной причиной распространения той или иной структуры землевладения является тип и вид почвы, то есть природные факторы.

Тяжелые глинистые почвы, равнинный рельеф около водоёмов и слабо выраженные ландшафты основной морены сдерживали развитие хозяйственной деятельности [20]. Мелко- и среднеземельные хозяйства располагались, как правило, на возвышенностях и водоразделах. Преобладание мелких хозяйств, до 20 га – характерная черта восточных районов провинции. В районе Эльхнидерунг, например, 43,0% всех хозяйств имели земельные наделы менее 20 га и только 10,5% более 100 га. Средние по размерам хозяйства (от 20 до 100 га) были представлены повсеместно, но особенно сильно на востоке. Более всего в районе Эбенроде – 49,7%. В то время как крупное землевладение (более 100 га) было наиболее представлено на западе, где его доля в структуре общего землевладения доходила в зависимости от района до 50%. Но наиболее значительной доли достигало

в крайсе Фишхаузен – 57,8%, с его 18,2% мелкоземельных крестьян.

Сельское хозяйство Восточной Пруссии специализировалось на молочно-мясном животноводстве с развитым товарным зерновым растениеводством. По состоянию на 1938 г. в землепользовании преобладала пашня (69,1%). Пастбища занимали 17,6%, луга – 11,8%; 1,5% приходилось на сады и огороды [14].

К началу Второй мировой войны количественный рост земель сельскохозяйственного использования был по области завершён, то есть в сельскохозяйственный оборот были вовлечены почти все пригодные для этой цели земли.

Дальнейший рост производительности сельского хозяйства должен был идти только за счёт его большей интенсификации. Исключением считалась лишь прибрежная зона (Славский и Большаковский и отчасти Полесский районы), где имелись ещё неосвоенные болотные земли. По отдельным районам ситуация отличалась незначительно (табл. 1).

□□□□□□□□ □□□□ (□ 1945 □.)

По решению Потсдамской конференции к СССР отошла северо-восточная часть Восточной Пруссии площадью 15,1 тыс. км². Сельскохозяйственные угодья в её границах составили

1 161,5 тыс. га, из них на пашню приходилось 580 тыс. га, 170,3 тыс. га – на сенокос, 52,5 тыс. га – на усадебные земли, 238 тыс. га – на леса и кустарники, 120,2 тыс. га – на прочие земли.

По состоянию на 17.05.1939 на этой территории Восточной Пруссии проживало 1 млн 165 тыс. 837 человек, из которых в сельской местности – 512 тыс. человек [22].

Вследствие военных действий население резко сократилось¹. Заселено было очень незначительное количество населенных пунктов. Осенью 1946 г. в Гусевском районе, например, всего было заселено только 18 поселений из 262 довоенных. Силами советской военной администрации весной 1945 г. стали создаваться подсобные хозяйства². К весне 1946 г. в ведении воинских частей и военных совхозов уже находилось около 30% сельскохозяйственных угодий бывшей Восточной Пруссии³.

Внеплановые мероприятия по восстановлению мелиоративной системы, которая в результате боевых действий была сильно разрушена и вышла из строя, начались практически сразу. В первую очередь это касалось защитных дамб, наиболее пострадавших из всех объектов мелиорации от военных действий⁴. Защищенные ими сельскохозяйственные угодья лишь наполовину были пригодны для использования, остальные же были затоплены⁵. В то время как планомерное развитие существующей сети и прокладка новой стали проводиться с конца 1950-х гг. Несмотря на то, что сельскохозяйственные угодья были в значительной степени мелиорированы ещё в довоенное время, тем не менее, потребовались значительные капиталовложения. Старая дренажная система просто не могла быть восстановлена в прежнем состоянии. Другая культура хозяйствования и образ жизни приводили к значительным недоразумениям при восстановлении старых мелиоративных систем. Практически вся система закрытого дренажа с отводными каналами была, вольно или невольно, разрушена и/или заменена на новый дренаж.

Причин тут несколько. Во-первых, изменился характер землепользования: вместо раздробленного частного землевладения образовались крупные коллективные собственники и мелиоративная система, таким образом, не отвечала потребностям и требованиям крупного социалистического хозяйства. Большое количество мелких тальвеговых и соединительных каналов и канав разрезало земельные угодья на участки площадью в 0,5 га. На отдельных участках полей водоподъём осуществлялся рядом мелких насосных станций, а не одной крупной.

Во-вторых, система была сильно повреждена во время войны, планов и схем не сохранилось. Однако и в начале XXI в., несмотря на значительные инвестиции, часть территории остаётся подтопленной, особенно в лесных массивах.

При формировании системы сельского расселения природные факторы практически не учитывались. Из факторов восстановления и развития населенных пунктов выделялось лишь выгодное транспортное положение. Дорожная сеть сохранилась в размерах, которые отвечали хозяйственным нуждам коллективных хозяйств. Это привело к сильному сокращению плотности сети, так как многочисленные сообщения между отдельными поселениями, выполнявшие часто только жилые цели, были заброшены, как не предназначенные для хозяйственных нужд больших по размерам хозяйств.

Учитывались степень сохранности жилых и хозяйственных построек, возможность создания на их базе машинно-тракторных станций, молочно-товарных ферм, а также качество земель. В иных случаях, находясь вдали от основ-

¹ По состоянию на 01.09.1945 г. общее количество немецких граждан на территории Особого военного округа составило всего лишь 139614 чел. (по другим данным ок. 200 тыс. чел. оказалось в северной части Восточной Пруссии при захвате её советскими войсками [21]). К 1.06.1946 немецкое население Кёнигсбергской области возросло до 170 тыс. чел., из которых в сельской местности было зарегистрировано 61122 чел., из них 20957 мужчин и 40165 женщин [5].

² К лету 1945 г. организовали первые пять хозяйств, по 5 тыс. га каждый – в районах Велау, Тапиау, Инстербург, Вальдау/Низовье и Кёнигсберг [4].

³ В военных совхозах, по данным на 24.05.1946 г., работало 2232 человека немецкой и советской национальностей [5].

⁴ Например, в Большаковском районе у колхоза имени Мичурина (32 хозяйства) из выделенных 500 га в 1949 г. обрабатывалось только 68, остальные площади были затоплены. В Славском районе колхоз имени Калинина был образован в 1948 г. из 41 хозяйства. Отведено было 934 га земли, из которых обрабатывалось 193 га (пашни – 150 га, сенокоса – 10 га, выгона – 33 га), а 739 га оставались залитыми водой [3].

⁵ Постановление Военного Совета «О восстановлении мелиоративной системы в районе залива Куриш-Гафф» от 23.11.1945.

⁶ «... существующие осушительные системы обладают рядом серьёзных отрицательных сторон, являющихся следствием старых социально-экономических условий сельского хозяйства» [9, с. 172].

ных транспортных путей, хорошо развитые и даже сохранившиеся после войны усадьбы, комплексы и целые деревни прекратили существование. Значительная часть прежних деревень, хуторов оставались незаселёнными, так как число переселенцев оказалось вдвое меньше прежнего (проживавшего здесь) немецкого населения.

Как отмечено в советских документах той поры «... хозяйственного и культурно-бытового строительства в колхозах, в период кампании заселения, не проводилось. Колхозные центры размещены в населённых пунктах и хуторах, которые в полной мере не отвечают требованиям современных колхозных центров и должны быть в ближайшее время подвергнуты перепланировке» [3].

Новая власть сознательно не допускала расселения прибывших переселенцев на хуторах, даже если они и хорошо сохранились: «... для переселенцев 1949 г. отремонтировано 5069 домов-квартир при плане 5000. Таким образом, все прибывшие в 1949 г. семьи переселенцев были вселены в отремонтированные дома-квартиры, находящиеся в населённых пунктах, не допуская расселения их на хуторах» [3].

В соответствии со сложившимися к этому времени в СССР особенностями ведения хозяйства в виде относительно крупных колхозов и совхозов¹ и соответствующих населённых пунктов и рисунка расселения, переселенцы размещались, прежде всего, в более крупных поселениях, что сформировало отличный от Европейской части России рисунок расселения, когда относительно крупные населённые пункты – центры обслуживания – сочетались с хуторской системой, как и в республиках Советской Прибалтики.

В новых политических и социально-экономических условиях коллективного хозяйствования системе расселения не требовалось такое, как раньше, количество поселений, большую часть которых составляли мелкие и разрозненные пункты. Изменилась и структура землепользования. Мелкие участки, с площадью от 5 до 20 га, не удовлетворяли критериям планового социалистического хозяйствования. Распределение дорожной сети и мест переездов также не увязывалось с организа-

цией крупных механизированных хозяйств. Огромные по сравнению с довоенными размеры хозяйств (свыше 1000 га) и уменьшение их абсолютного числа увеличили масштабы и концентрацию нагрузки на природную среду (1946 г. – 240 колхозов и совхозов; 1947 г. – 362; 1950 г. – 217; 1965 г. – 170) [2].

В сравнении с состоянием 1939 г. наиболее значительные изменения произошли со структурными особенностями системы расселения. Социалистическая форма собственности обуславливает развитие крупных хозяйств – колхозов и совхозов, которым должны соответствовать крупные посёлки. На ликвидацию сложившейся в условиях частной собственности на землю мелкоселенности и были направлены мероприятия государства по реконструкции сельского расселения после 1945 г.

Площадь вовлечённых в оборот земель так и не смогла достичь довоенных размеров. В первые послевоенные годы хозяйства стремились занимать наиболее пригодные земли, которых, однако, было мало. Прирост сельскохозяйственных площадей происходил довольно медленно². К 1967 г. размеры земель, вовлечённых в сельскохозяйственный оборот, составили только 63,7% от довоенного или 739,6 тыс. га против 1161,5 тыс. га [3]. К 1980 г. они достигли своего максимума в 805 тыс. га [16]. Что касается состояния лесных массивов, то процент лесистости слегка снизился – с 19,3% до 17%.

В области одновременно происходили два разнонаправленных процесса: регулярная лесозаготовка и наступление леса на некоторых участках Славского и Полесского районов, как правило, заболоченных. Изменился и характер антропогенного воздействия на территории сельскохозяйственного освоения. Советское аграрное производство оказалось насилием над природой в том смысле, что поля по размеру и форме не вписывались в ландшафт, отчего в разных частях огромного поля урожай был разным и созрел не одновременно» [9, с. 6].

Достигнув к 1960 г. максимальной численности в 219 тыс. человек, сельское население Калининградской области, в дальнейшем стало сокращаться: в 1970 г. – 195,5 тыс., 1989 г. – 182,3 тыс. человек. В этот период происходило укрупнение сельского расселения.

¹ Количество колхозов постоянно сокращалось через их укрупнение. Если в 1950 г. насчитывалось 160 колхозов, то к 1975 г. их осталось 102, а в 1989 г. существовало только 73 коллективных и 108 советских хозяйств [20].

² В 1947 г. посевные площади равнялись 113,3 тыс. га, в 1948 г. – 163,5 тыс. га [9].

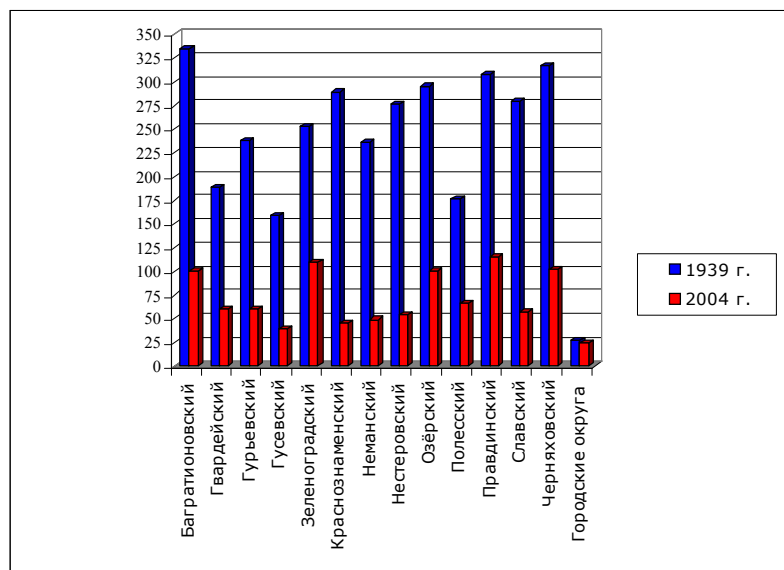


Рис. 2. Число населённых пунктов в районах Калининградской области в 1939 и 2004 гг.

Ликвидировались «неперспективные» населенные пункты, жилищное, культурно-бытовое и производственно-строительство концентрировалось в «перспективных» поселениях, доля которых возрастала. Дело доходило до крайностей, когда, например, в 1963 г. Озёрское производственное колхозно-совхозное управление предлагало в перспективе ликвидировать или снести 156 сельских населённых пунктов района, оставив лишь 27 в качестве центральных усадеб и отделений бригад. Озёрский райисполком, однако, не утвердил этот перечень, ограничившись лишь утверждением перечня перспективных населённых пунктов, в которых было целесообразно вести новое жилищное строительство. Удобства новых домов в выбранных перспективных населённых пунктах должны были соответствовать городским, что, однако, не учитывало условий жизни на селе. Городского вида двухэтажные блочные дома не имели хозяйственных построек во дворе, а размеры приусадебных участков были минимальны [12].

В советское время система расселения в области сильно изменилась, в первую очередь, по такому основному показателю, как количество населённых пунктов, число которых уменьшилось в 5,5 раз (рис. 2).

Как видно из рисунка, наиболее существенно сократилась система расселения там, где происходили активные военные действия – это восток области (Краснознаменский, Нестеров-

ский, Неманский районы), или там, где свою роль сыграли природные факторы (Славский и Багратионовский районы). Разрушения были настолько большими, а переименования в первые послевоенные годы настолько бессистемными, что немецким историкам, например, окончательно не удалось идентифицировать, опираясь на все источники и ссылки, все поселения 1650 общин на территории северной Восточной Пруссии/Калининградской области довоенного времени.

Особенному сокращению подверглась система расселения на польдерных землях Славского и Полесского районов. Здесь в первые послевоенные годы заселялись, прежде всего, возвышенные участки, восстанавливались крупные поселения, в то же время ряд хуторов (особенно в наиболее низменных районах) был заброшен. Таким образом, крупноселёдность в Славском районе усилилась. Наибольший процент сельских поселений сохранился в пригородной зоне областного центра (Зеленоградский, Гурьевский районы).

Выводы. В процессе трансформации системы сельского расселения Калининградской области изменялись как степень воздействия на него социально-экономических, природных факторов, так и их спектр. Если на начальной фазе формирования сельского расселения значительную роль играли одни факторы, то в дальнейшем степень воздействия некоторых факторов постоянно изменялась.

Как было сказано выше, в процессе трансформации система сельского расселения на территории Калининградской области прошла в своём развитии шесть этапов различной длительности и с различным сочетанием природных и социально-экономических факторов заселения (прусский (VI в. – 1280 г.); начало немецкой колонизации (1280–1525 гг.); развитие системы (1525–1810 гг.); завершение формирования (1810–1939 гг.), советский этап (с 1945 г.)).

Таким, образом, можно утверждать, что современная система сельского расселения Калининградской области сформировалась на базе довоенной мелкоселенной системы. В новой системе расселения относительно крупные населенные пункты – центры обслуживания – сочетались с мелкоселенной системой. Из-за резкого снижения количества сельских жителей по сравнению с довоенным населением произошло значительное снижение числа именно малых поселений – усадеб, деревень, фольварков и т. п. При восстановлении сельских поселений в послевоенное время под заселение использовались, в первую очередь, наиболее крупные и не пострадавшие от военных действий поселения.

Исследования показали, что частичное восстановление существовавшего ранее в Восточной Пруссии частного землевладения с начала 1990-х гг. не привело к заметным изменениям в системе расселения [10]. На современном эта-

пе именно состояние элементов социальной инфраструктуры оказывает значительное влияние на функционирование хозяйства и сельских поселений сейчас и на дальнейшее их развитие в будущем. При сохранении современной организации системы обслуживания села решающее значение приобретает наличие или отсутствие в населенных пунктах элементов благоустройства и компонентов социальной сферы. Согласно прогнозам, выполненным В.П. Ждановым, В.И. Пустовгаровым и Г.М. Фёдоровым, в перспективе в системе сельского расселения области будет наблюдаться медленный рост численности населения (около 1% в год); произойдёт стабилизация количества населенных пунктов, крупные и часть средних выгодно расположенных поселков будут и в дальнейшем повышать людность, а в малые и средние отдаленные пункты снизят количество своих жителей [6].

По нашему мнению, подходящей была бы существовавшая в довоенный период система сочетания мелкоселенного хуторского расселения (с размещением фермерских хозяйств) с крупными поселками (центрами размещения остающихся коллективных хозяйств и их подразделений, а также местными социально-культурными центрами). Крупные поселения должны усилить при этом функции местных социально-культурных и районообразующих центров – центров первичных социально-экономических районов.



1. Волошенко Е.В. Взаимодействие ландшафтов и сельского расселения (на примере южной части Северо-запада РСФСР): Автореф. дисс. канд. геогр. наук. – Л., 1978. – 15 с.
2. Гальцова С.П. Основные этапы сельского хозяйства Калининградской области. – Калининград, 1986. – 87 с.
3. Государственный архив Калининградской области (ГАКО), Ф. 183. Оп. 5. Д. 133. Л. 11, 13; Д. 134. Л. 57.
4. ГАКО, Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
5. ГАКО, Ф. 298. Оп. 4. Д. 2. Л. 9.
6. Жданов В.П., Пустовгаров В.И., Федоров Г.М. Пространственное развитие экономики и расселения региона (на примере Калининградской области): Монография / Под. ред. Г.М. Фёдорова. – Калининград: БИЭФ; Изд-во КГУ, 2002. – 323 с.
7. Левченков А.В. Взаимосвязи системы сельского расселения и ландшафтных факторов Калининградской области // Вестник КГУ. – Вып. 5. – Серия Экология региона Балтийского моря. – 2004. – С. 33–39.
8. Левченков А.В. Заселение Восточной Пруссии // Региональная география России. Калининградская область: Учебное пособие для студентов, обучающихся по географическим специальностям. – Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2005. – С. 13–31.
9. Панов В.К. К вопросу о специализации сельского хозяйства Калининградской области. – Пос. Тимирязево: СНИИГМ, 1948. – 204 с.

10. Пустовгаров В.И., Жданов В.П., Федоров Г.М. Экономика и расселение Калининградской области: Экономические предпосылки обоснования Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и её частей: Монография. – Калининград: Изд-во КГУ, 2000. – 124 с.
11. Родоман Б.Б., Каганский В.Л. Кто сшил лоскутное одеяло?// География – 2004. – № 5.
12. Хлопецкий А.П., Фёдоров Г.М. Калининградская область: регион сотрудничества: Монография. – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – 736 с.
13. Barran, F. Städte-Atlas Ostpreußen, Leer 1994.
14. Bloech, H. Ostpreußens Landschaft, Leer 1980.
15. Habich, T. Deutsche Latifundien. Bericht und Mahnung, Stuttgart 1947, S. 138 ff.
16. Knappe, E. Der Wandel der Landnutzung in der Region Kaliningrad // in: Europa Regional, 2/1993, S. 22–30.
17. Mager, F. Der Wald in Ostpreußen als Wirtschaftsraum, 2 Bde.; Köln und Graz 1960.
18. Mortensen, H. und G. Die Besiedlung des nordöstlichen Ostpreußens bis zum Beginn des 17. Jahrhunderts, Teil I u. II in: Deutschland und der Osten, Bd. 7, Leipzig 1937/38.
19. Mortensen, H. Siedlungsgeographie des Samlandes, Stuttgart 1923.
20. Munzberg, W. Der Einfluss der Grundbesitzverteilung auf die ostpreußische Auswanderung. In: Archiv für Wanderwesen Bd. 5. 1932/33.
21. Neumann, R. Ostpreußen unter polnischer und sowjetischer Verwaltung, Frankfurt/Main, Berlin 1955.
22. Neuschaffer, H. Das „Königsberger Gebiet“, Plon 1991.
23. Scheu, E. Ostpreußen, Eine wirtschaftsgeographische Landeskunde. – Königsberg, 1936, 196 S.

□.□.□ □□□□□□
(□.□□□□□□)

ЖЕНЩИНЫ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РОССИИ: ПУТИ АДАПТАЦИИ К НОВЫМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ¹

Savoskul M.S.

WOMEN IN RURAL AREAS OF RUSSIA: WAYS OF ADAPTATION TO THE NEW SOCIAL-ECONOMIC CONDITIONS

The article concerns the regional peculiarities in gender relationship and life strategies of the women from different Russian rural areas.

Проведенное исследование, посвященное региональным особенностям гендерных отношений, а также жизненным стратегиям женщин, проживающих в сельской местности, стало первым и пока единственным в данном направлении социальной географии. Для исследования были выбраны следующие субъекты РФ: Ставропольский край, Воронежская, Калужская, Кировская, Архангельская области.

В ходе исследования данных регионов (от Северного Кавказа до Белого моря), относящих-

ся к разным типам сельской местности, были проведены массовый опрос сельского населения (более 600 человек), экспертные интервью (50 респондентов). Анализ полученных статистических данных позволяет говорить об основных направлениях трансформации сельской местности.

В статье охарактеризованы особенности гендерных отношений, а также предложена анализ гендерных различий в сельской местности в тех сферах, где они проявляются наиболее

¹ Статья написана по итогам проекта фонда Дж. И Кэтрин Макартуров Reference № 02-73232-000-GSS.

□□□□□□ 1

□□□□□□: «□□□□□□□ □□□□ □□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□?»

(% □□ □□□□ □□□□□□□□ □□ □□□□□ □□□□□□)

количество часов	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Летом										
0 часов	3,6	0	0	0		1,3	6,1			
1–2 часа	17,9	9,9	4,4	2,9	10,7	5	33,3	17,4	20,6	11,9
3–5 часов	30,3	30,9	26,5	17,1	37,5	30	21,2	34,7	61,8	42,4
6–8 часов	16,1	25,9	27,9	35,7	25	41,2	6,1	2,2	8,8	20,3
более 8 часов	19,6	29,6	26,5	35,7	14,3	17,5	30,3	43,5	2,9	16,9
Затрудняюсь ответить	12,5	3,7	14,7	8,6	12,5	5	3	2,2	5,9	8,5
Итог	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Зимой										
0 часов	7,1	1,3	0	0	0	1,3	33,3	13	8,8	0
1–2 часа	35,7	40,7	44,1	51,4	28,6	21,4	33,3	39,2	41,2	39
3–5 часов	25	29,6	27,9	20	42,8	57	15,2	34,8	35,3	39
6–8 часов	5,4	19,8	5,9	8,6	12,5	11,4	6,1	4,3	0	6,7
более 8 часов	12,5	3,7	5,9	8,6	3,6	3,8	9,1	6,5	0	3,4
Затрудняюсь ответить	14,3	4,9	16,2	11,4	12,5	5,1	3	2,2	14,7	11,9
Итог	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

помимо экономического аспекта проблемы экспертов волнует вопрос разрыва передачи опыта от поколения к поколению.

При сокращении числа занятых в крупных сельскохозяйственных предприятиях увеличивается численность самозанятого в домашнем хозяйстве населения. Это подтверждают данные нашего исследования, а также данные анкетирования сельских жителей в исследовании В.В. Пациорковского.

Женщины чаще переходят на самозанятость, чем мужчины. Как правило, мужчины редко порывают с коллективным хозяйством, благодаря чему они имеют доступ к заготовке кормов, и могут обеспечить ими собственное подворье. Данная функция мужчины в семье наполняется содержанием самозанятой женой, обслуживающей домашнюю скотину. Такое разделение труда в домохозяйстве делает занятость преимущественно женской.

По данным В.В. Пациорковского в сельской местности России от 2,5 млн. до 3 млн. человек создали себе рабочие места в неформальном секторе экономики¹. Среди них значительная доля женщин.

Об усилении неформального сектора сельскохозяйственного производства свидетельствуют данные нашего опроса относительно использования продукции ЛПХ (табл. 3). Во всех регионах исследования по сравнению с началом 1990-х гг. большая доля респондентов, особенно женщины, занимается продажей продукции ЛПХ.

Из опросов экспертов следует, что значительная часть товарной продукции личного подсобного хозяйства производится в сельских населенных пунктах, расположенных в 1–1,5 часовой доступности от районного центра. В более удаленных сельских населенных пунктах продукция личных подсобных

¹ В.В. Пациорковский. Сельская Россия: 1991–2001 гг. – М., 2003. – С. 96–99.

² Там же. С. 99.

³ Там же. С. 99.

□□□□□□ 2

□□□□□□ □□□□□□, □□□□□□ □□□□□□ □□□□□□□□□□ (□□□□ □□ □□□□□□□□□□ 100%,
□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□ □□□□□□ □□□□□□ □□□□□□ □□□□□□□□□□)

	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
ухудшение экономического положения	49,2	46,3	47,1	47,1	33,9	52,5	21,2	15,2	52,9	47,5
упадок сельского хозяйства	42,6	25,6	48,5	54,3	37,5	35	18,2	8,7	50	44,1
вероятность безработицы	27,9	29,3	36,8	41,4	23,2	21,3	18,2	15,2	17,6	18,6
состояние здравоохранения	16,4	31,7	33,8	45,7	17,9	30	3	8,7	23,5	16,9
возможность получения образования	11,5	22	19,1	18,6	8,9	25	0	10,9	5,9	11,9
ухудшение экологической ситуации	3,3	4,9	19,1	12,9	1,8	2,5	0	0	23,5	32,2
вероятность межнациональных конфликтов	3,3	3,7	1,5	2,9	5,4	2,5	0	0	0	1,7
позиции России в мире	6,6	0	13,2	2,9	3,6	5	0	2,2	0	1,7
рост терроризма	8,2	8,5	14,7	4,3	10,7	6,3	3	8,7	8,8	11,9
рост преступности	11,5	12,2	23,5	31,4	26,8	27,5	6,1	10,9	29,4	30,5
семейные неприятности	8,2	22	14,7	11,4	10,7	15	12,1	4,3	5,9	6,8
другие проблемы	14,8	11	0	1,4	0	5	9,1	19,6	0	10,2
никакие проблемы особенно не волнуют	3,3	3,7	0	4,3	17,9	6,3	36,4	21,7	2,9	1,7
затрудняюсь ответить	1,6	3,7	0	0	0	1,3	0	6,5	5,9	5,1

хозяйств не находит спроса, большинство жителей (особенно в регионах Нечерноземья) ведут натуральное хозяйство.

По данным В.В. Пациорковского как раньше, так и сейчас в сельской местности жен-

щины-руководители вполне конкурентоспособны¹. В ходе бесед с экспертами было установлено, что в регионах, где в максимальной степени произошел спад производства, часто руководящие должности как в сельских

¹ Там же. С. 105.

□□□□□□ 3

□□□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□ □□ □□□□□□ □□□□□□ (□□□□ □□ □□□□□□□□□□ 100%,
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□ □□□□□□□□□□)

	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
для себя, своей семьи	80,3	78	77,9	80	69,6	85	81,8	91,3	100	89,8
для родственников	29,5	24,4	30,9	37,1	21,4	13,8	9,1	19,6	29,4	16,9
на продажу	36,1	36,6	48,5	40	42,9	48,8	12,1	30,4	35,3	28,8
не было подсобного хозяйства	18	22	19,1	17,1	26,8	12,5	18,2	4,3	0	8,5

администрациях, так и в крупных сельскохозяйственных предприятиях занимают женщины (Калужская, Кировская, Архангельская области). В более богатых регионах руководящие должности чаще сохраняются за мужчинами (Ставропольский край).

В Воронежской области ситуация «комбинированная». На периферии достаточно часто среди руководителей встречаются женщины, в более благополучных пригородных районах руководящие должности в сельских администрациях и на сельскохозяйственных предприятиях по преимуществу занимают мужчины.

Соотношение мужчин и женщин (40% и 60% соответственно) среди специалистов остается примерно таким же, как и раньше. Среди служащих женщины как составляли, так и составляют абсолютное большинство. В менее благополучных регионах женщины-служащие часто являются единственными, кто приносит «живые» деньги в семейный бюджет.

Таким образом, чаще всего женщины со средним специальным и высшим образованием, достаточно высокой должностью и хорошей специальностью в большинстве регионов сохраняют свои позиции. Но таких, по нашим оценкам и по оценкам экспертов, вместе со служащими не более 10% от всех женщин, живущих в сельской местности.

Иное дело – женщины, занимающие позиции, связанные с выполнением работ, не тре-

бующих высокой квалификации. Такие работницы гораздо легче мужчин, проживающих в сельской местности, расстаются со своими рабочими местами в сфере общественного производства. Респондент-женщины часто гораздо в большей степени ориентированы на любые способы поддержания хозяйства и зарабатывания денег, чем мужчины. Часто их самозанятость в домашнем хозяйстве вполне можно рассматривать как самостоятельное создание нового рабочего места.

По нашим качественным оценкам, женщины в большинстве случаев быстрее переходят на новые условия существования. В отличие от жен, мужья гораздо реже добровольно покидают общественное производство. При этом очень часто можно услышать жалобы на несправедливое отношение со стороны государства или местной власти, или пространные разговоры о том, как несправедливо, несмотря на высокий профессиональный уровень, сложилась их жизнь в 1990-е годы.

Исключение из подобной ситуации составил Ставропольский край, где мужчины в гораздо большей степени ориентированы на зарабатывание денег и материальное обеспечение семьи любыми возможными путями от перехода на фермерство, до отходничества в Москву и другие крупные города России. В таких случаях женщины остаются дома присматривать за хозяйством и воспитывать детей.

Ухудшение экономического положения в сельском хозяйстве, безработица, переход на самозанятость как одну из новых моделей адаптации сельских жителей к новым социально-экономическим условиям, приводят к изменениям уровня доходов сельских жителей и к изменению структуры доходов (табл. 4).

Большая часть респондентов, как мужчины, так и женщины, во всех регионах, где проводилось исследование отметили, что в течение 1990-х гг. их материальное положение ухудшилось (табл. 4). Любопытно, что в Ставропольском крае, где мужчины занимают ведущие позиции как в экономике, так и в местном самоуправлении, а женщины в большей степени ориентированы на семью и самозанятость, 63,4 % женщин и 55,7% мужчин отметили, что их материальное положение ухудшилось

Так же менее оптимистично, по сравнению с мужчинами, настроены женщины в Калужской области: 56,3% опрошенных женщин и 48,2% мужчин в этом регионе заявили, что их экономическое положение ухудшилось. В остальных регионах – Воронежской, Архангельской и Кировской областях – мужчины чаще, чем женщины отмечали ухудшение собственного материального положения. Наибольший пессимизм характеризует Архангельскую область, где положение в сельском хозяйстве, по мнению экспертов, можно назвать близким к

катастрофе. Тут об ухудшении материального благополучия заявляло подавляющее большинство респондентов, как мужчин (72,7%), так и женщин (65,2%).

Значительное большинство респондентов отмечало, что в настоящее время доходов семьи хватает только на продукты питания и предметы первой необходимости (табл. 5). Разброс мнений по этому вопросу составил от 36,4% (мужчины в Архангельской области) до 85,3% (мужчины в Кировской области). Около половины женщин во всех регионах опроса считают, что доходов семьи хватает только на продукты питания и предметы первой необходимости

Распределение положительных ответов на вопрос об изменении материального уровня сельских жителей показывает, что происходит поляризация доходов в сельской местности. В селах складывается определенный слой населения, имеющего достаточно прочное материальное положение. Это характеризует прежде всего южные регионы России (в нашем исследовании Ставропольский край, Воронежская область) – и пригороды, связанные с региональными центрами (в нашем исследовании с. Шиховы Кировской области, 15 минут езды от г. Киров). В этих регионах сложился достаточно стабильный слой населения, улучшивший материальное положение и достаточно оптимистично смотрящий в будущее (около

□□□□□□ 4

□□□□□□□□ □ □□□□□□□□□ □□□□□□ □□□□□□□□□□□□
□ □□□□□□□ 1990-□□.

[illegible]

20% в Воронежской и Кировской областях, 25% в Ставропольском крае).

Эти люди на вопрос о доходах семьи отвечают, что их достаточно для того, чтобы регулярно отдыхать, купить машину и т. д., но крупные траты (например, покупка дома или квартиры) им недоступны. Преимущественно это семьи из молодых людей, которые в 1990-е годы, в возрасте от 20 до 25 лет, стали независимыми в экономическом плане от родителей. К данной категории относятся также семьи, образованные людьми среднего возраста (от 35 до 45 лет), которые смогли найти новую нишу в изменившихся социально-экономических условиях. Отдельную небольшую группу составляют пенсионеры (как семейные пары, так и одиноко живущие), дети которых живут в крупных городах, достаточно хорошо зарабатывают и имеют возможность помогать своим родителям.

В социально-профессиональном плане члены данных семей представляют самые разнообразные профессии, но в настоящее время они в основном выбрали два противоположных пути занятости, приносящие примерно равные доходы. Это, с одной стороны, фермерство (что встречается очень редко, только в Ставропольском крае) или переход на полную самозанятость и продажу продукции личного хозяйства, с другой стороны — маятниковая миграция и работа в крупных городах. Чаще всего в маятниковую миграцию вовлечены мужчины в возрасте от 20 до 45–50 лет, особенно строители, водители, неквалифицированные рабочие.

По мнению экспертов и, судя по данным массового опроса, 20–22% сельского населения живут существенно ниже черты бедности (так называемая устойчивая бедность), средств хватает только на питание. Минимальная доля подобных ответов была в Ставропольском крае (16,4% и 4,9% среди мужчин 17,1% и 12,2% среди женщин), женщины в Ставропольском крае настроены по многим позициям менее оптимистично, чем в других регионах. Максимальная доля респондентов, заявляющих, что их доходов хватает только на питание (около трети), в Архангельской и Калужской областях (табл. 5).

К числу самых бедных категорий сельского населения уже традиционно относятся пенсионеры, которые вынуждены жить на пенсию без помощи детей. В подавляющем большинстве это пожилые женщины. Зачастую на свою пенсию они вынуждены также кормить своих взрослых безработных детей.

Следующая группа объединяет многодетные и неблагополучные семьи. Большинство многодетных семей в сельской местности — это семьи алкоголиков, причем, женский алкоголизм в этих семьях развит наравне с мужским. По итогам нашего исследования, наиболее остра проблема женского алкоголизма в удаленных уголках сельской местности Архангельской области.

На открытый вопрос о бедных семьях большинство респондентов отвечало, что это пенсионеры (примерно половина ответивших), или те люди, о ком можно сказать, что «бедно на селе живет тот, кто не хочет работать».



Большинство женщин не ощущают во внутрисемейных отношениях какого-либо притеснения, они заявляют о достаточно равноправных семейных отношениях, когда решения принимаются коллегиально (табл. 6, 7, 8). Мужчины в большинстве случаев заявляют, что необходимо помогать женщине в домашней работе, оказывать помощь в воспитании детей, но в реальности часто ситуация оказывается противоположной.

Позицию мужчины можно охарактеризовать словами одного респондента, обращенными к его супруге, в ходе разговора о разделении домашних обязанностей, записанную автором в краткосрочной экспедиции в Брянской области: «А зачем я тебе? Что бы ты все делала!»

Мнение женщин, часто не высказываемое открыто, озвучила женщина-фермер из Воронежской области: «Честно сказать, бросила бы я его давно, но жалко, не выживет он без меня, пропадет, он же ничего не умеет делать». Незадолго до этого разговора муж фермерши просил у нее 5 рублей на мороженое, поскольку своих «живых денег» у него не бывает. И такие семейные отношения можно встретить во многих сельских семьях.

В большинстве случаев, на отвлеченный вопрос о том, кто должен воспитывать детей, большинство мужчин (около двух третей, во всех регионах, кроме Архангельской области) отвечают, что это дело обоих супругов. Но уже при более конкретных расспросах о том, кто занимался воспитанием детей в семье родителей

□□□□□□ 5

□ □□□□ □□□□□□ □□□□□ □ □□□□ □ □□□□ □

	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Имею возможность ни в чем себе не отказывать	1,6	0	4,4	4,3	0	1,3	0	0	0	1,7
у меня достаточные доходы, могу позволить себе регулярно отдыхать, купить машину, но значительные траты (покупка дома, квартиры) недоступны	19,7	12,2	11,8	11,4	8,9	7,5	30,3	8,7	2,9	6,8
моих доходов хватает только на продукты питания и предметы первой необходимости	50,8	53,7	67,6	64,3	57,1	55	36,4	41,3	85,3	54,2
денег хватает только на питание	16,4	17,1	7,4	11,4	25	28,8	21,2	32,6	8,8	23,7
средств не хватает даже на самое необходимое, в том числе на питание	4,9	12,2	2,9	4,3	7,1	6,3	12,1	17,4	0	8,5
другое	4,9	2,4	0	1,4	0	1,3	0	0	2,9	1,7
затрудняюсь ответить	1,6	2,4	5,9	2,9	1,8	0	0	0	0	3,4

□□□□□□ 6

□□□□□□□ □□□□□□ □ □□□□□□ □□□□ □ □□□□□

решения принимают	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
муж	26,2	6,1	33,8	14,3	25	5	6,1	10,9	11,8	10,2
жена	9,8	39	17,6	31,4	7,1	13,8	21,2	23,9	11,8	25,4
оба супруга	45,9	36,6	32,4	41,4	42,9	48,8	48,5	50	58,8	37,3
дедушка/бабушка	1,6	0	1,5	2,9	0	0	0	0	0	0
дети	1,6	0	1,5	0	0	1,3	0	0	0	0
все вместе	13,1	14,6	7,4	8,6	17,9	21,3	3	6,5	14,7	20,3
другие варианты	0	3,7	1,5	0	1,8	2,5	3	0	2,9	1,7
затрудняюсь ответить	1,6	0	4,4	1,4	1,8	3,8	9,1	0	0	5,1
сам/сама т. к. живу один	0	0	0	0	3,6	3,8	9,1	8,7	0	0

□□□□□□ 7

□□□□□□□ □□□□□□ □ □□□□□□□ □□□□ □ □□□□□

вопросы воспитания детей должны решать	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
муж	4,9	6,1	13,2	5,7	3,6	2,5	6,1	0	2,9	5,1
жена	4,9	7,3	14,7	11,4	14,3	8,8	21,2	23,9	11,8	6,8
оба супруга	75,4	75,6	60,3	72,9	67,9	73,8	57,6	73,9	82,4	79,7
дедушка	1,6	0	1,5	1,4	3,6	1,3	0	0	0	1,7
бабушка	0	0	0	1,4	0	0	0	0	0	0
сами дети	0	1,2	0	1,4	0	1,3	0	0	0	3,4
все вместе	8,2	6,1	4,4	4,3	7,1	12,5	3	2,2	2,9	3,4
другие варианты	3,3	1,2	0	0	0	0	0	0	0	0
затрудняюсь ответить	1,6	2,4	5,9	1,4	3,6	0	12,1	0	0	0

□□□□□□ 8

□□□□□□□ □□□□□□ □ □□□□□□□ □□□□ □ □□□□□

воспитанием детей занимается	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
муж	4,9	2,4	4,4	1,4	1,8	2,5	3	0	0	1,7
жена	13,1	43,9	22,1	27,1	25	28,8	21,2	50	14,7	22
оба супруга	65,6	45,1	38,2	47,1	39,3	42,5	48,5	37	29,4	47,5
бабушка	0	0	1,5	2,9	1,8	2,5	0	0	0	0
дедушка	0		1,5		0		0		0	
сами дети	0	0	0	4,3	0	0	0	0	8,8	1,7
все вместе	4,9	3,7	5,9	1,4	3,6	8,8	3	2,2	5,9	6,8
дети взрослые, живут отдельно	1,6	1,2	11,8	10	8,9	10	0	2,2	14,7	10,2
другие варианты	4,9	1,2	5,9	0	5,4	1,3	0	0	0	3,4
затрудняюсь ответить	3,3	2,4	5,9	5,7	1,8	1,3	21,2	0	17,6	3,4

и кто занимается воспитанием детей в их собственных семьях, уже гораздо меньшая доля как мужчин, так и женщин говорят о равномерном распределении обязанностей.

При этом удивительно традиционными в этом вопросе остаются сами женщины, которые, гораздо чаще, чем мужчины, говорят о том, что воспитание детей – это женская задача. Единственным исключением в данном вопросе оказывается Ставропольский край, где сохранены прочные традиционные роли в семье и они четко исполняются ее членами.

В большинстве случаев, судя по материалам глубинных интервью, женщины не задумываются о том, что часто испытывают притеснения со стороны мужа; они воспринимают как вполне естественное то, что тратят больше сил и времени, чем мужчины, на домашнее хозяйство. Достаточно велики также траты времени женщинами на обслуживание мужа: «Муж это еще один ребенок в семье, только дети вырастут, а это вечный ребенок». Одна респондентка говорила о том, что в большинстве случаев проблема равноправия женщин –

□□□□□□: □□□, □□ □□□ □□□□□□, □□□□□□ □□□ □□□□□□ □□□□ □□□□□?
(□□□□ □□ □□□□□□□□□□ 100% □□□□□□□□ □□□□□□□□□□
□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□ □□□□□□□□□□□□)

	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
хорошее образование	54,1	29,3	33,8	34,3	23,2	28,8	27,3	26,1	23,5	40,7
интересная работа по душе	18	22	19,1	14,3	12,5	17,5	6,1	4,3	11,8	20,3
высокая заработная плата и достаток	36,1	53,7	70,6	65,7	62,5	55	30,3	39,1	70,6	44,1
благополучная дружная семья	62,3	62,2	45,6	62,9	50	68,8	39,4	47,8	70,6	55,9
другие варианты	3,3	2,4	2,9	1,4	0	0	3	0	0	1,7
затрудняюсь ответить	3,3	7,3	4,4	4,3	10,7	0	18,2	0	2,9	6,8

это не проблема их притеснения мужчинами. Большинству женщин, по ее мнению, удобно подобное положение дел, они могли бы что-то изменить, но не хотят: «Мужчины ведут себя

так, как им позволяют себя вести, советская система сделала мужчин и женщин равноправными политиками в экономике, а внутрисемейные отношения – это личное дело каждого».

□□□□□□ □□□□□□ □ □□□□□□□ □□□□□
□ □□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□ □

Мы уже упоминали выше, что одной из основных моделей поведения сельских женщин становится самозанятость в домашнем хозяйстве. Другие модели поведения в новых экономических условиях не очень распространены среди женщин (например, учебная миграция или маятниковая трудовая миграция не более 5%). Помимо самозанятости, часть женщин занимается фермерством (не более 3–5%). Часто женщины настроены также на более традиционные жизненные стратегии для своих детей, и полагают, что лучше им оставаться с родителями, помогать в домашнем хозяйстве, чем уезжать в города получать образование.

Вероятно, отражением недоверчивого отношения сельских жителей к реформам в сельской местности и властным структурам становится и то, что подавляющее большинство респондентов полагают, что для будущего их детей важнее всего благополучная дружная семья, которая может выступать в роли «спасительного круга» в сложных жизненных ситу-

ациях. Только около четверти респондентов видят важность получения образования для своих детей, ставя на второе, а часто и на первое по важности место высокую заработную плату и достаток (табл. 9).

Женщины чаще осознают трудность жизни в сельской местности и не хотят, чтобы их дети оставались на селе. В стабильной и развитой сельской местности Ставропольского края более трети респондентов-мужчин хотели бы, чтобы их дети остались жить в сельской местности, но женщины разделяют такое мнение только в 15% случаев (табл. 10). Доля тех, кто не хочет, чтобы их дети оставались в сельской местности, во всех регионах выше доли желающих, чтобы их дети остались вместе с родителями на селе.

Невысоки также миграционные намерения самих сельских жителей. При ответе на вопрос о миграционных намерениях, не более четверти отмечают, что хотели бы уехать (табл. 11). Большая часть не собирается уезжать, мотивируя

□□□□□□ 10

□□□□□□: «□□□□□□ □□ □□, □□□ □□ □ □□ □□□□ □□□□
□ □□□□□□□ □□□□□□□□»

	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Да	31,1	14,6	22,1	18,6	5,4	6,3	30,3	32,6	11,8	23,7
Скорее да, чем нет	11,5	3,7	2,9	11,4	12,5	7,5	9,1	13	14,7	11,9
Скорее нет, чем да	13,1	18,3	16,2	20	35,7	38,8	9,1	2,2	32,4	20,3
Нет	36,1	51,2	38,2	37,1	35,7	43,8	33,3	43,5	14,7	22
Другие ответы	4,9	1,2	4,4	1,4	5,4	0	6,1	2,2	0	3,4
Затрудняюсь ответить	3,3	11	16,2	11,4	5,4	3,8	12,1	6,5	26,5	18,6

□□□□□□ 11

□□□□□ □□□ □□ □□□□□□ □□□□□□□□□□

собираетесь ли вы уехать из Вашего населенного пункта?	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Нет	50,8	41,5	47,1	50	53,6	35	72,7	69,6	35,3	52,5
Скорее нет, чем да	4,9	3,7	14,7	14,3	19,6	30	9,1	2,2	38,2	16,9
Скорее да, чем нет	13,1	13,4	10,3	15,7	16,1	11,3	6,1	4,3	8,8	6,8
Да, хотел бы	26,2	37,8	19,1	15,7	8,9	17,5	12,1	23,9	8,8	13,6
Трудно сказать	4,9	3,7	8,8	4,3	1,8	6,3	0	0	8,8	10,2

□□□□□□ 12

□□□□□ □□□ □□ □□ □□□□□□ □□□□□□□□□□

	Регионы									
	Ставропольский край		Воронежская область		Калужская область		Архангельская область		Кировская область	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Нет, я не собираюсь уезжать	68,9	62,2	70,6	72,9	76,4	86,3	90,9	91,3	58,8	78
Трудно сказать	19,7	29,3	23,5	22,9	14,5	8,8	0	4,3	41,2	20,3
Да, я решил уехать	11,5	8,5	5,9	4,3	9,1	5	9,1	4,3	0	1,7

данное решение тем, что уже поздно что-то менять в жизни, или отсутствием материальных средств.

Определенно решивших уехать еще меньше. Наиболее активны в миграционном отношении наиболее обеспеченные и молодые жители Ставропольского края, чаще всего это учебная миграция, направленная в Ставрополь или Пятигорск. Мужчины более активны в миграционном поведении во всех регионах. Меньше всего желающих переехать в Архангельской области.

В большинстве случаев, как показали экспертные интервью и анализ массового опроса, основными факторами, определяющими ген-

дерные различия в вышеназванных сферах, являются расположение по отношению к районному или региональному центру и центральное положение населенного пункта в сельской администрации. При межрегиональных сравнениях часто контрасты проявляются с меньшей силой, чем при внутрирегиональных сравнениях «центр-периферия»¹. Анализ массового опроса сельских жителей позволил выделить определенные особенности в положении сельских женщин и на межрегиональном уровне. В большинстве случаев данные особенности не касаются гендерного притеснения, а являются общими для всего населения области независимо от пола или возраста.



¹ Эти же закономерности отмечены в монографии Нефедовой Т.Г. «Сельская Россия на перепутье. Географические очерки». – М., 2003.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

□.□.□ □□□□□, □.□. □□□□□□□□□□□□
(□. □□□□□□)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Danshin A.I., Bogdanchikova A.V.

AGRARIAN POLICY IN CENTRAL ASIA COUNTRIES

The article deals with the reformation of the agrarian sector in Central Asia countries and also with their achievements in agricultural development.

Постепенный переход аграрной отрасли стран Центральной Азии¹ от поддерживающего к восстановительному, а в отдельных странах – даже развивающему типу производства предполагает создание новых государственных условий для данного сектора экономики, выражающихся в формировании аграрной политики. Процесс создания новых отношений на селе в странах постсоветского пространства происходит разными темпами, с неодинаковыми приоритетами, но примерно с одних стартовых позиций.

Большинство ученых сходятся во мнении, что для государств Центральной Азии наличие четкой государственной политики в этом секторе должно стать основой окончательного восстановления экономики. От устойчивого функционирования сельского хозяйства в значительной степени зависят состояние всего хозяйственного комплекса и продовольственная безопасность государств [1, 2].

Аграрная политика в странах Центральной Азии, несомненно, важнейший элемент для их дальнейшего развития, в первую очередь потому, что доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте на протяжении после-

дней трети XX в. всегда была весомой. В республиках Средней Азии она держалась в пределах 32–35% (в Туркмении менее 30%), в Казахстане – около 15%.

А сейчас, после кризиса 1990-х гг., многие страны считают аграрный сектор определяющим. Доля первичного сектора экономики в валовой добавленной стоимости в 2003 г. составила в Киргизии – 38,7%, Узбекистане – 34,5%, Таджикистане – 27,0%, Туркменистане – 22,9%², и только в Казахстане за счет увеличения добычи нефти доля сельского хозяйства снизилась почти в 2 раза, до 8,3%.

Начало создания новых аграрных отношений, особенно проводившейся во всех странах земельной реформы, связывают с влиянием различного рода предпосылок природных, экономических, социальных, политических. Исходя из этих предпосылок государства выбирали необходимые направления аграрной политики.

При формировании современных отношений на селе следует говорить о двух важнейших составляющих. Во-первых, удовлетворение потребностей своего населения в продукции растениеводства и животноводства, а легкой и пищевой промышленности – в сырье.

¹ В данной работе термином «Центральная Азия» обозначаются страны постсоветского пространства, входившие в юго-восточную зону СССР (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Туркменистан, Таджикистан). Термин предложен Президентом Казахстана Н. Назарбаевым в начале 1990-х гг. в качестве объединяющего для Казахстана и Средней Азии. В настоящее время часто употребляется в геополитических исследованиях в России и за рубежом.

² Данные 1997 г.

Во-вторых, создание новой организационно-правовой системы, а на ее основе – новых типов хозяйств, соотносимых с рыночными формами хозяйственного комплекса. В большинстве государств региона и первая, и вторая составляющие присутствуют в определенных элементах в разработках аграрных законов.

Регион Центральная Азия по некоторым позициям развивается несколько обособлено от остальных стран СНГ и Балтии. Распад Советского Союза поставил эти страны на грань экономической катастрофы, так как почти 80% производимой продукции участвовало в общесоюзном разделении труда. Всё развитие экономики было связано с обменом произведенной продукции на потребляемую. Хозяйственный комплекс в разных республиках был гипертрофирован в одних случаях в сторону отраслей тяжелой промышленности (например, Казахстан), в других – на создание максимально выгодных условий для выращивания хлопчатника, но почти без переработки, как Узбекистан. Многие республики дотировались из союзного бюджета [5, 6].

Исчезновение главных поставщиков и потребителей произведенной сельскохозяйственной продукции заставило эти страны очень быстро пересмотреть всю концепцию государственного развития. Недостаток продуктов питания, а часто и денег на их покупку предполагает поиск быстрого выхода из сложившейся ситуации, чтобы экономический (продовольственный) кризис не перерос в революционный.

В связи с различными сценариями развития экономик стран Центральной Азии, можно говорить о том, что и аграрную политику они строят по-разному. Но, несмотря на разные уровни, цели и направления аграрной политики, во всех странах региона существует ряд проблем, решение которых остается приоритетным. Это, прежде всего, обеспечение продовольственной безопасности и связанное с ним увеличение объемов производства основных сельскохозяйственных культур и продукции животноводства на достаточно ограниченных площадях земель. Для Казахстана, имеющего значительные размеры сельскохозяйственных земель, стоит вопрос о диверсификации производства продукции.

Процесс освоения новых земель за весь период существования советского государства осуществлялся планомерно на основе центр-периферийных взглядов, то есть постепенного смещения освоения в периферийные части

СССР. На севере Казахстана данный процесс был характерен для середины 1950-х гг. К концу 1970-х-началу 1980-х гг. почти на всем пространстве Союза уже отсутствовали крупные массивы земель для возможного экстенсивного освоения и вовлечения в сельскохозяйственное производство. Некоторые участки могли быть использованы только при больших капитальных вложениях. Вследствие этого многие земли самых южных частей СССР, способные дать существенный доход, оставались не востребованными значительную часть всего советского периода. Только в 1980-х гг. «процесс поднятия целины» достиг юго-восточных районов (то есть республик Средней Азии), где под орошение было освоено более 700 тыс. га. До настоящего времени здесь имеется примерно 1 млн га земель потенциальных для орошаемого и богарного земледелия. При наличии денег данный процесс может решаться за счет развития земледелия «вширь».

В постсоветский период недостаток средств в бюджетах даже при имеющемся дефиците земель всё же привел к тому, что в большинстве стран региона произошло сокращение площади сельскохозяйственных земель, в основном за счет менее ценных пастбищных участков. Частично, как и в России, некоторые площади были переведены в другие категории земель, например, земли населенных пунктов, но по своему функциональному назначению остались такими же сельскохозяйственными. А вот в Казахстане значительные участки были выведены из оборота, что почти на четверть уменьшило душевые показатели обеспеченности пашней (табл. 1).

Незначительное снижение индексов по пашне в других государствах является результатом высоких темпов прироста сельского населения. Для Казахстана обеспеченность пахотными угодьями в советский период была важнейшим элементом советской государственной политики, сейчас же экологическое состояние этих угодий и урожайность в целинных районах требуют кардинальных изменений всего аграрного сектора.

На основе имеющегося производства при константе площади сельскохозяйственных угодий формируется продовольственная безопасность государства. Продовольственная безопасность для стран Средней Азии выражается, прежде всего, в увеличении производства продовольственного зерна, так как именно этот продукт поступал в значительной степени из

	Земельная площадь сельскохозяйственных предприятий и частных хозяйств, млн га					
	Всего		из них			
			сельскохозяйственные угодья		в том числе пашня	
	1995 г.	2004 г.	1995 г.	2004 г.	1995 г.	2004 г.
Казахстан	201,4	83,6	179,2	78,6	33,4	21,4
Киргизия	15,2	5,7	9,5	4,4	1,3	1,3
Таджикистан	9,5	7,8	4,2	4,1	0,8	0,8
Туркменистан	49,4	н/д	40,7	н/д	1,6	н/д
Узбекистан	31,2	25,7	24,8	20,4	4,1	4,0
на одного сельского жителя, га						
Казахстан	27,42	12,92	24,40	12,14	4,55	3,31
Киргизия	5,23	1,74	3,27	1,34	0,45	0,40
Таджикистан	2,28	1,61	1,01	0,84	0,19	0,16
Туркменистан	20,21	н/д	16,65	н/д	0,65	н/д
Узбекистан	2,26	1,65	1,79	1,31	0,30	0,26

Составлено по: 3.

государственных резервов СССР. Решение данной проблемы актуально для всех республик, кроме Казахстана, но даже для него важен принцип оптимального соотношения качественно-количественного состава хлебов.

Почти все республики в своей аграрной политике держат курс на увеличение производства зерна, но используют для этого разные способы. Туркменистан (по данным интернет-газеты Turkmenistan.ru) ежегодно вводит в оборот несколько тысяч гектаров обрабатываемых земель, на которых возможно получение двух урожаев зерна. Узбекистан, имея небольшие перспективы в распашке новых массивов, идет на снижение доли хлопчатника в посевах. В Киргизии пытаются повышать урожайность за счет интенсификации производства. В целом же динамика процесса положительна во всех странах (рис. 1). Только Казахстан, выступавший в советский период как главный поставщик твердых сортов пшеницы, имеет абсолютно другие тенденции – постепенное снижение производства до 10–15 млн т против 20–25 млн т в 1970–80-е гг. [4].

За счет положительной динамики валовых сборов душевое производство зерна во всех странах увеличилось (рис. 2), за исключением Казахстана, где проводится несколько другая политика.

Некоторые исследователи достаточно скептически относятся к показателям, присущим Туркменистану, но на основе официальной статистики, предоставляемой Национальным институтом статистики и информации Туркменистана, в этой стране наблюдается самый большой рост показателя.

Обеспечение продовольственной безопасности в некоторой степени может гарантировать экономическую и политическую стабильность, но требует значительных средств для создания необходимого количества запасов основных стратегических ресурсов. В настоящее время максимально положительный результат в этом направлении имеется лишь у двух стран – Туркменистана и Казахстана. Республика Кыргызстан, которая в целом отличается достаточно четкой и разносторонней либеральной аграрной политикой, не может полностью обеспечить свою экономическую безопасность. Так площадь сельскохозяйственных земель у нее не так велика, как в Казахстане, а количество вложенных средств во много раз меньше, чем в Туркменистане, причем доля обрабатываемых земель довольно мала. В Республике Таджикистан решение этой проблемы, при всей ее неоспоримой важности, не получило пока существенного развития. Политическая система Узбекистана позволяет проводить на основе директивных

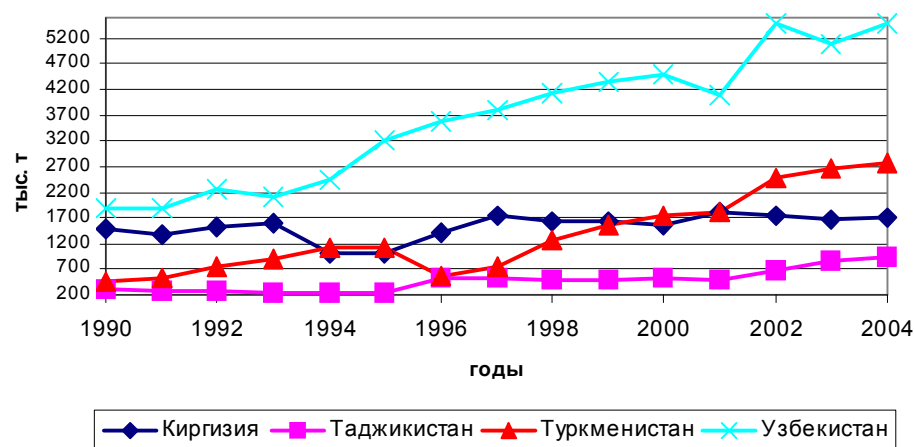


Рис. 1. Динамика производства мяса в странах Центральной Азии, тыс. т

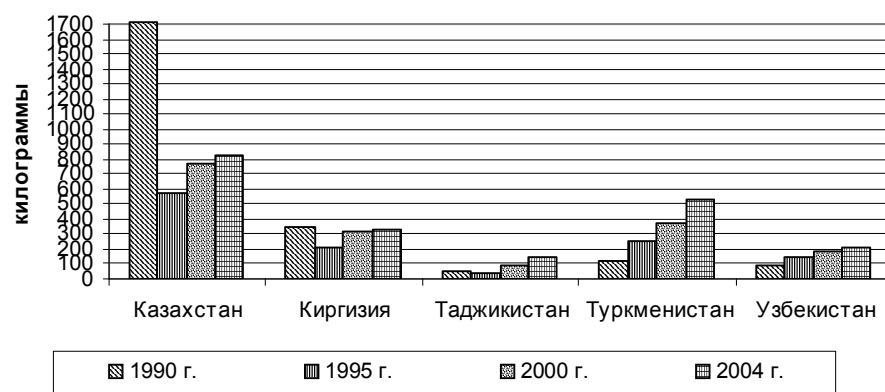


Рис. 2. Динамика производства мяса в странах Центральной Азии, кг

Составлено по: 3.

методов основные идеи национальной продовольственной безопасности.

Важным инструментом аграрной политики любого государства является разработка, принятие и осуществление государственных программ. Преемственность каждой из последующих программ позволяет говорить о значимости данной проблемы для государства и ее выполнение – о возможных действиях со стороны руководства страны. В Республике Казахстан за период независимости было разработано две программы – государственная агропродовольственная программа Республики Казахстан на 2003–2005 годы и государственная программа развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004–2010 годы. Правительством Кыргызстана была разработана концепция развития аграрной политики Кыргызской республики до 2010 года.

В рамках дальнейшего благоприятного развития Туркменистана принята национальная программа «Стратегия экономического, политического и культурного развития Туркменистана на период до 2020 года».

В Таджикистане и Узбекистане разработка программ находится в стадии концепции. Но в этих республиках в частности, приняты Земельный кодекс, законы «О дехканских хозяйствах», в Узбекистане законы «О сельскохозяйственных кооперативах (фирматных хозяйствах)», «О фермерских хозяйствах», «О санации сельскохозяйственных предприятий», в Таджикистане Указ Президента РТ «О реорганизации сельскохозяйственных предприятий и организаций», что позволяет говорить о создании новых организационно-правовых основ развития сельскохозяйственного производства. Сейчас в Центральной Азии в двух странах: Узбекистане и

Таджикистане – собственность на землю государственная, а в двух – Казахстане и Киргизии – частная. Граждане Туркмении получили право иметь в частной собственности до 3 га земли для производства сельскохозяйственной продукции. По решению президента Туркмении обладателями крупных земельных наделов могут стать арендаторы [7, 8, 9, 10, 11].

С распадом Советского Союза в странах Центральной Азии возникла ситуация, при которой было необходимо очень быстро сформировать определенную концепцию аграрной политики, на основе имеющихся примеров и предложений разных стран или международных организаций. Если выбор приоритетных стран и направлений развития был разным, то вопрос формирования новых условий сельскохозяйственного производства почти во всех бывших республиках СССР был одинаков. Ситуация определялась только временем и уровнем тяжести продовольственной ситуации. Поэтому в Киргизии, почти с самого начала, либеральные законы позволили перенести центр тяжести по созданию товарной сельскохозяйственной продукции на хозяйства населения, в Таджикистане начало боевых действий отложило аграрную реформу на будущее. Но в целом процесс передачи земли в пользование крестьянам во всех государствах осуществлялся достаточно быстро. Почти везде была сохранена некоторая часть крупных сельскохозяйственных предприятий, созданы крестьянские (фермерские) хозяйства, большая доля земли передана в пользование для личных целей, в том числе и для создания товарной продукции. Так, например, в частную собственность земля жителям Туркменистана предоставляется в форме приусадебного участка в сельской местности – от 0,12 до 0,16 га и для индивидуального жилищного строительства в городах – до 0,1 га [10].

Важными критериями проведения аграрной политики в республиках Центральной Азии можно считать сложившуюся на данный момент систему хозяйствования и, прежде всего, наличие крестьянских (фермерских) хозяйств, как показателя проведения земельной реформы, и долю продукции, производимой не в крупных сельскохозяйственных предприятиях.

Рост числа фермерских хозяйств важно соотносить с сельским населением в каждой конкретной республике, так как данный процесс в существенной степени коррелирует с численностью сельских жителей. Наиболее ранние

попытки создания нового уклада характерны для Узбекистана и Казахстана, где уже в 1991 г. была представлена данная категория хозяйств, соответственно 1400 и 300 фермерами. Площадь земель на одно хозяйство соответствовала общей структуре сельскохозяйственных угодий, то есть в Казахстане за счет пастбищ на одно хозяйство приходилось около 500 га, а в Узбекистане только 7 га. С 1992 г. начинаются преобразования во всех республиках, но динамика процесса везде разная (табл. 2).

На протяжении постсоветского периода количество фермерских хозяйств увеличивалось во всех республиках региона. Но скорость увеличения числа крестьянских хозяйств сильно отличается. Так, в Казахстане их количество увеличилось в 29 раз, в Кыргызстане – в 21 раз, в Таджикистане – в 12 раз, в Туркменистане за период с 1991 по 1998 год – в 2 раза, в Узбекистане – в 29 раз. Это говорит о поступательном (эволюционном) характере проведения земельной реформы в странах. Значительные показатели в третьем столбце каждого года (табл. 2) могут говорить о том, насколько успешно была проведена земельная реформа, в какой степени народ поддержал это начинание. Если в среднем для сельской местности всех республик принять коэффициент семейности, равный 4,5, то в Казахстане одно фермерское хозяйство приходится на 15 семей, в Киргизии – на 8, в Таджикистане – на 87, в Туркменистане – на 540, в Узбекистане – на 63.

Общая площадь крестьянского (фермерского) хозяйства и их количества в конкретных административных единицах зависит от нескольких факторов, определяемых, как правило, природными условиями, выражающимися в наличии тех или иных категорий земель, эффективности производства сельскохозяйственной продукции на них, плотности населения, а также в отдельных случаях фактором управления.

На примере Казахстана эта позиция довольно легко подтверждается. В западных и юго-западных областях республики при сложных природных условиях полупустыни и пустынь с невысокой плотностью населения число фермерских хозяйств минимально. Так, в Мангистауской области, имеющей только 2,3% населения Казахстана, число фермерских хозяйств составляет 575 единиц, что равно 0,4% всех зарегистрированных фермеров, но при этом площадь на одно хозяйство превышает 500 га. Максимальное число фермеров сосредоточено на юго-востоке и востоке республики.

□□□□□□□□ (□□□□□□□□) □□□□□□□□

□ □□□□□□ □□□□□□□□□□ □□ □

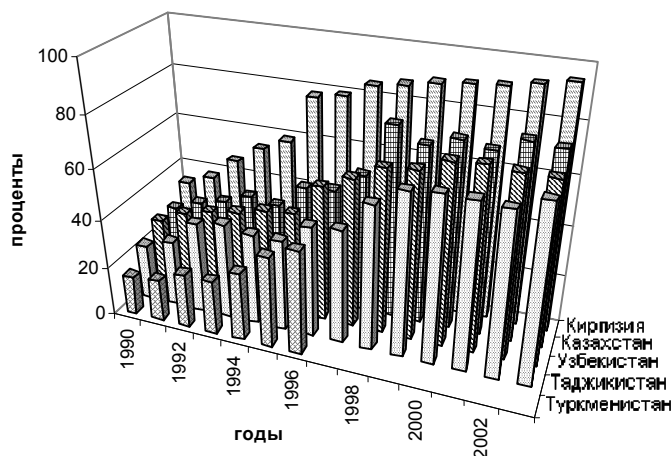
		Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
1992 г.	количество тыс. шт.	3,3	4,1	0	0,1	1,9
	площадь 1 хозяйства, га	238	25	16	10	7
	хозяйствна 100 тыс. сельских жителей, шт.	45,9	147,1	0,0	4,8	14,9
1995 г.	количество тыс. шт.	22,5	17,3	0,2	1	14,2
	площадь 1 хозяйства, га	348	43	42	6	14
	хозяйствна 100 тыс. сельских жителей, шт.	306,3	594,7	4,8	40,9	102,7
2000 г.	количество тыс. шт.	68,2	60,1	9,3		31,1
	площадь 1 хозяйства, га	393	17	92		21
	хозяйствна 100 тыс. сельских жителей, шт.	1037,4	1891,1	206,6		203,0
2001 г.	количество тыс. шт.	76,4	71,2	12,3		43,8
	площадь 1 хозяйства, га	386	16	113		20
	хозяйствна 100 тыс. сельских жителей, шт.	1164,8	2224,3	268,0		281,0
2002 г.	количество тыс. шт.	95,5	84,7	11,9		55,4
	площадь 1 хозяйства, га	260	13	132		19
	хозяйствна 100 тыс. сельских жителей, шт.	1478,8	2630,4	254,0		350,0

Составлено по: 3.

Например, в самой плотнозаселенной Южно-Казахстанской области (более 18 чел./км²) с высокой долей орошаемых земель, длительным периодом вегетации растений, при доле жителей 14,2% от всех казахстанцев, процент крестьянских (фермерских) хозяйств —

30,7% от общего числа в республике. На одно хозяйство приходится 8 га сельскохозяйственных угодий. Северные и центральные районы имеют промежуточные показатели [7].

Окончательным итогом современного состояния аграрной реформы может служить



Составлено по:

Рис. 2. Доля производства в подсобных хозяйствах населения (%)

показатель, отражающий перенос центра тяжести производства сельскохозяйственной продукции с общественных хозяйств в хозяйства населения¹. Как правило, участие личных подсобных хозяйств в товарном производстве связано с недостаточными доходами жителей. В этом случае личный участок или личный скот в большинстве случаев будут иметь гораздо большую отдачу, то есть интенсивность производства возрастает в несколько раз по сравнению с общественными хозяйствами. Так, в ферганских областях Узбекистана налажено круглогодичное производство овощной продукции, реализуемой в крупных городах Российской Федерации. В период минимального светового дня в парниках и теплицах выращиваются зеленые культуры (укроп, петрушка, базилик, кинза), далее наступает очередь редиса, огурцов, помидоров. В начале июня высаживается рассада позднеспелых овощей и т. д. Причем участки на всю семью не превышают 1 га.

В целом роль хозяйств населения почти во всех странах доминирующая (рис. 3).

Динамика показывает принятие более либерального законодательства в Киргизстане в начале 1990-х гг., и как следствие – бурный рост производства в хозяйствах населения, начиная с 1995 г. В Казахстане в этот период в сельском хозяйстве наблюдались процессы стагнации, а быстрый рост начинается только с 1998 г. В Узбекистане, также как и в Казахстане, роль об-

щественного сектора определяется государственной политикой, поэтому, скорее всего, и дальше при современных целях и задачах аграрной политики, доля хозяйств населения будет колебаться в пределах 75–80%. В Таджикистане тенденции увеличения производства продукции в хозяйствах населения в начальный период схожи с Казахстаном и Узбекистаном, но затем кривая производства выполаживается и последние годы держится на уровне 72–73%. Туркменистан явно задержался в начале 1990-х гг., но к середине последнего десятилетия XX в. стал набирать темп. К сожалению, с середины 1990-х гг. Национальный институт статистики и информации Туркменистана перестал публиковать такую информацию. Но по косвенным данным можно судить, что тенденции должны быть схожи с таджикскими.

Решением вопросов социального характера в значительной степени занимаются страны, аграрная политика которых находится на более высоком уровне развития (Казахстан, Киргизия). Удачное проведение некоторых направлений аграрной политики дает возможность правительствам стран решать вопросы комплексного развития сельской местности. В Узбекистане и Туркменистане значительное внимание уделяется формированию локальных агропромышленных комплексов на уровне административных районов. Во многих административных центрах строятся предприятия по

¹ В данном случае под хозяйствами населения подразумеваются как юридически оформленные – крестьянские (фермерские), так и личные подсобные, поставляющие часть произведенной продукции на рынок.

переработке сельскохозяйственного сырья, организовываются учебные заведения соответствующего профиля.

Одновременно создаются условия для создания вертикально-интегрированных агропромышленных структур, отражающих совершенствование производственно-сбытовых связей, так как формирование рынков сбыта имеет большое влияние на рост производства продукции. Важное место в организации сбыта должна принадлежать вертикально интегрированным аграрным компаниям с технологической цепочкой «производство сырья – переработка – реализация». Это обеспечит формирование благоприятных отношений между сельскими товаропроизводителями и перерабатывающими предприятиями, а также приведет к стабилизации ситуации в сфере инвестиций и ценообразования. Наличие мощных вертикально интегрированных структур почти для всех республик позволит более активно участвовать в экспортно-импортных операциях по сельскохозяйственному сырью и продуктам, то есть приведет к достаточно серьезным и важным изменениям в других направлениях аграрной политики.

Проблемы различного характера (экономические, социальные и другие) не позволяют в полной мере использовать различные ресурсы для реализации эффективной политики. Так, аграрная политика Таджикистана в целом самая непроработанная среди представленных стран. Незавершенность земельной реформы, отсутствие государственных программ и должного внимания проблемам села – всё это характеризует аграрную политику страны как неустойчивую. Вполне вероятно, что разработка четкой государственной программы позволит определить приоритеты развития и распределить финансовые и трудовые ресурсы государства по основным направлениям реформирования более правильно. С другой стороны, можно отметить, что в республике ведется разработка плана по рациональному использованию сельскохозяйственных земель, иногда в обход сложившегося веками традиционного землепользования. Такая политика, в свою очередь, может привести к увеличению посевных площадей и, при должной поддержке государства, к увеличению объемов производства основных сельскохозяйственных культур но к неустойчивой обстановке в ряде районов.

Разработка планов по рациональному использованию природных ресурсов связана с

тем, что для всех стран региона в настоящее время актуальны экологические проблемы, которые мешают дальнейшему устойчивому развитию сельского хозяйства. Важнейшей остается рационализация использования воды для орошения, а в ряде районов – для питьевых и коммунальных нужд. В некоторых частях территории из-за неправильного расхода воды образуется поверхностное засоление, выводятся из оборота целые оросительные системы, в естественных понижениях создаются сбросовые озера с растворенными в воде удобрениями Республики горного пояса (Киргизия и Таджикистан), где формируется основной сток главных рек региона, предлагают использование воды в летнее и зимнее время на паритетных началах: равнинные территории нуждаются в большем количестве воды летом (для полива), горные – зимой для выработки электроэнергии и обогрева жилищ. Решение данной проблемы на денежной или компенсационной основе позволит сформировать перспективные направления развития региона в целом и экологическую политику, где важное место займет и аграрная составляющая.

Базисным выводом проведенного исследования основных направлений реформирования аграрного сектора экономик стран Центральной Азии является положение при некоторой общности развития территории (исторической, пространственной и др.) уровни развития аграрного сектора стран региона различаются. Следствием этого является и различная аграрная политика, формируемая данными государствами. Наиболее проработанной, правильной и полной является аграрная политика Республики Казахстан. Постоянная и последовательная разработка государственных программ указывает на то, что в целом политике в области сельского хозяйства страны уделяется большое внимание. В Республике Казахстан за годы реформ, как уже указывалось выше, произошли большие социально-экономические и политические изменения. Президентом страны предложены такие основополагающие документы, как стратегия развития Казахстана до 2030 года, поставлены задачи обеспечения стабильности и безопасности страны. В документах большая роль в решении социальных, политических и демографических проблем развития на ближайшее десятилетие отводится сельскому хозяйству. Развитию этой отрасли и переработке сельскохозяйственной продукции государство отдает предпочтение и приоритет до 2010 года.

Примерно на одном уровне находится аграрная политика Республик Кыргызстан и Туркменистан. Специалисты отмечают, что в целом аграрная политика, как одна из стратегий развития стран, позволила достичь необходимых изменений в сельском хозяйстве обеих республик, общее улучшение состояния отрасли, увеличение объемов производства, а также появление новых направлений в аграрной политике (реформа банковской системы, проведение инвестиционной политики и другое).

Наименее полной является аграрная политика в Узбекистане и Таджикистане. Развитие аграрного сектора республик Таджикистан и Узбекистан связано с решением задач, которые в других республиках региона в той или иной степени уже решены. Таким образом, можно говорить о том, что данным государствам предстоит сделать гораздо больше своих соседей. Развитие аграрной политики должно стать одним из приоритетных направлений развития экономик этих стран.



1. Аграрная политика (Запад, Восточная Европа, Россия). Ч. I, II: Обзорн. информ. / Под ред. В.И. Назаренко. – М.: ВНИИТЭИагропром, 2000. – 345 с.
2. Аграрные преобразования в государствах-участниках СНГ: опыт и перспективы / Боев В.Р. (науч. ред.). – М.: Российская академия сельскохозяйственных наук, 2001. – 219 с.
3. Агропромышленный комплекс в странах Содружества Независимых государств: статистический сборник. – М., 2004. – 274 с.
4. Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России – XX в. – М.: ФГПУП «ВО Минсельхоза России», 2002. – 543 с.
5. Социально-экономические проблемы аграрной политики и развитие агропродовольственных рынков. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2002. – 336 с.
6. Строев Е.С., Бляхман Л.С., Кротов М.И. Экономика Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия. – СПб., 1998. – 580 с.
7. <http://www.minagri.kz> – сайт Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан.
8. <http://bdzr.toktom.kg> – сайт о земельной реформе в Кыргызстане.
9. <http://www.zakon.tj> – законодательная база Республики Таджикистан.
10. <http://www.turkmenistan.gov.tm> – официальный сайт Правительства Туркменистана.
11. <http://www.msvx.uz> – сайт Министерства сельского и водного хозяйства Республики Узбекистан.



СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабурин Вячеслав Леонидович – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vbaburin@yandex.ru

Богданчикова Александра Владимировна – студентка 5 курса кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Гладкова Ольга Николаевна – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: gladkova2005@yandex.ru

Даньшин Александр Иванович – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета
E-mail: alivda@hotmail.ru

Казьмин Михаил Анатольевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: makazik@mail.ru

Колбовский Евгений Юлисович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой физической географии Ярославского государственного педагогического университета.
E-mail: kolbovsky@mail.ru

Левченков Андрей Викторович – кандидат географических наук, преподаватель кафедры социальной и экономической географии и геополитики Российского государственного университета им И. Канта.
E-mail: andreas.L@newmail.ru

Махоткина Анастасия Ивановна – выпускница кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ, сотрудник института Генерального плана Москвы.
E-mail: nastya_sla@mail.ru

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

Савоскул Мария Сергеевна – кандидат географических наук, преподаватель кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: savoskul@yandex.ru

Чернышева Елизавета Александровна – студентка 4 курса кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» ЗА 2006 ГОД

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№

Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в современном региональном управлении	2
Важенин А.А. Влияние смены закономерностей расселенческих процессов на характеристики систем расселения	3
Зимоха А.Ю. Цели и методы воздействия на территориальную картину результатов выборов	2
Колбовский Е.Ю. Социально-географические подходы к проектированию муниципальных образовательных систем	4
Мажар Л.Ю. Территориальные общественные системы: концептуальный подход к изучению	2
Махоткина А.И. Трансформация научных школ, подходов и методов к исследованию сельской местности в экономической и социальной географии	4
Нефедова Т.Г. Социальная география сельского хозяйства	4
Петров В.В. Прикладная политическая география: понятие и проблемы становления	1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Бабуринов В.Л. Микрогеографический анализ социально-экономической динамики периферийных сельских районов (на примере Кологривского района Костромской области)	4
Гладкова О.Н. Трансформация образовательных и медицинских услуг в сельской местности в постсоветский период	4
Горячко М.Д. Неоднородность территориальной структуры как индикатор интеграционно-дизинтеграционных процессов (на примере Ханты-Мансийского автономного округа)	3
Казьмин М.А., Устинова Е.В. Лесоресурсный потенциал регионов России и его использование	2
Казьмин М.А., Чернышева Е.А. Современная динамика сельского расселения Европейской России	4
Левченков А.В. Трансформация системы сельского расселения бывшей Восточной Пруссии (Калининградская область)	4
Мартынов В.Л. Региональная структура экономики северо-запада России в начале XXI века	1
Махрова А.Г., Татаринцева А.А. Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период	3
Мартынов В.Л. Региональная структура экономики северо-запада России в начале XXI века	1
Ноздрин Н.Н. Динамика современного рынка жилья в Москве	2
Перчик Е.Н. Современные проблемы развития городов Сибири и задачи районной планировки	3
Савоскул М.С. Женщины сельской местности России: пути адаптации к новым социально-экономическим условиям	4
Силантьев Р.А. Территориальная организация исламского сообщества России	2
Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Территориальные аспекты модернизации традиционно-индустриальных регионов России	3

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Порунов А.Н. Диверсификация европейского рынка сахара: результаты и перспективы	1
Потоцкая Т.И. «Развитые страны» в мировом алмазно-бриллиантовом комплексе	1
Потоцкая Т.И. Место развивающихся стран в алмазно-бриллиантовом комплексе мира	2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Даньшин А.И., Богданчикова А.В. Аграрная политика в государствах Центральной Азии	4
Попов И.И. Концепция урбанистического перехода: периодизация стран мира	3

ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ

№

Слука Н.А. Глобальные города в современной архитектуре мироустройства	1
Трифопова З.А. Особенности этнокультурной среды в столицах и городах национально-территориальных образований России	1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Ковалев Ю.П. Региональные туристские кластеры как перспективная составная часть туристского хозяйства России	3
Щербакова С.А., Чарыкова А.А. Роль международного туризма в экономике развивающихся стран мира	1

ХРОНИКА

Шувалов В.И., Гладкевич Г.И., Мажар Л.Ю. Третье совещание-семинар заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России и заседание Секции экономической и социальной географии учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию	2
--	---

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-летию Н.С. Касимова	2
К 50-летию А.П. Катровского	1

Памяти профессора М. Бачварова	3.
---	-----------

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 2 раза в полугодие, а начиная со второго полугодия 2007 года, планируется выход трех номеров. Его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований и региональной политике в России и за рубежом, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями**:

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *.doc.);
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц);
- иллюстрации (схемы, карты, диаграммы, графики) и таблицы следует предоставлять файлами, собранными в отдельную папку;
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *.tif., *.jpg., *.psd.);
- каждый рисунок (таблица) должен быть пронумерован и иметь название;
- все изображения должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm;
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных);
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати;
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 10 строк) на русском и английском языке.

Редакции журнала требуется также справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются редакторской правке, не рецензируются и не возвращаются. Редакция в переписку с авторами не вступает.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция

Подписка на журнал “Региональные исследования” принимается во всех отделениях связи. Подписной индекс 20442 в “зеленом” каталоге агентства “Роспечать”. Стоимость подписки на 1-е полугодие 2007 г. (2 номера) – 300 рублей.

